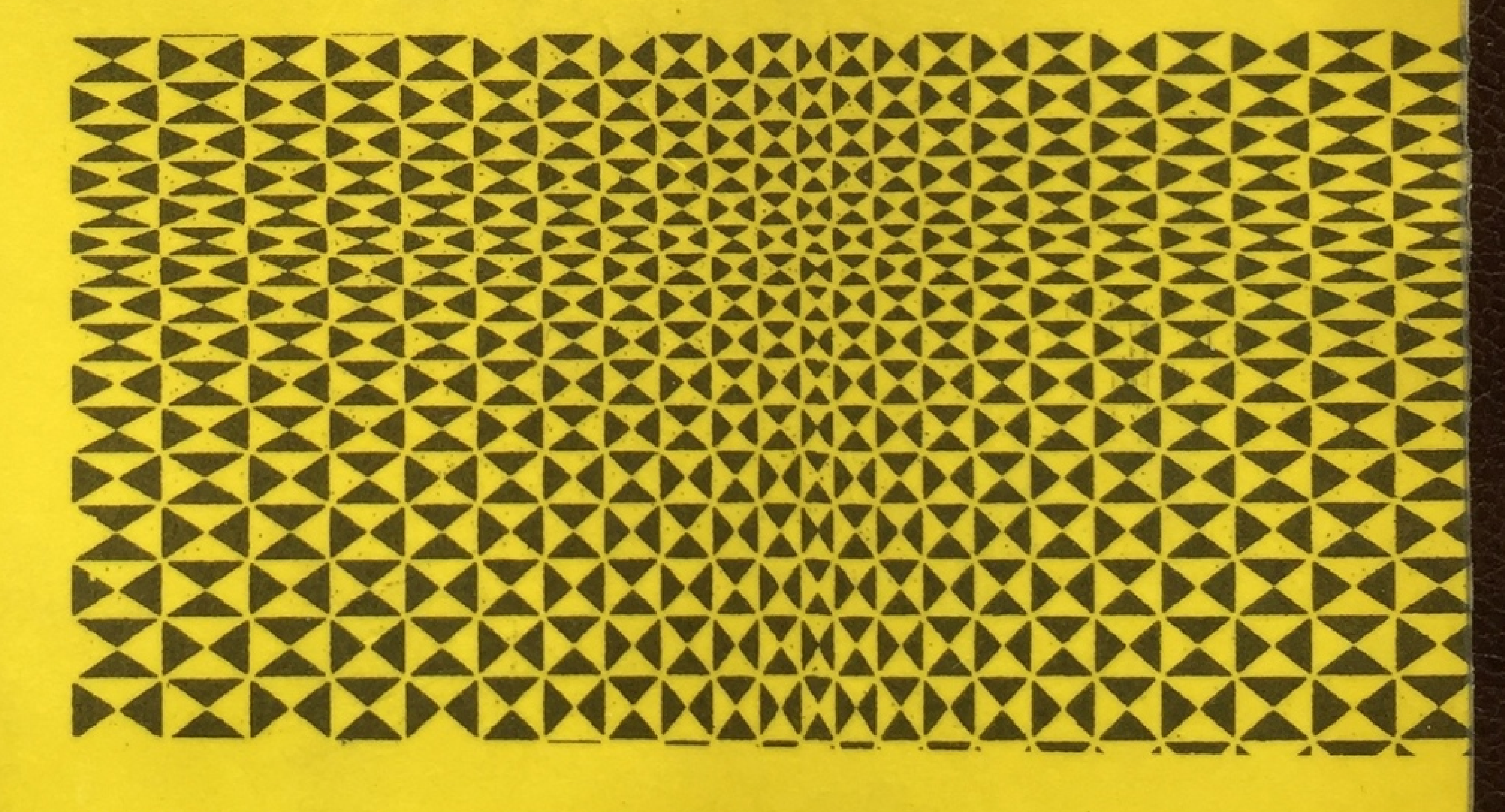

С. В. Бородин

Ответственность за убийство:

квалификация и наказание по российскому праву

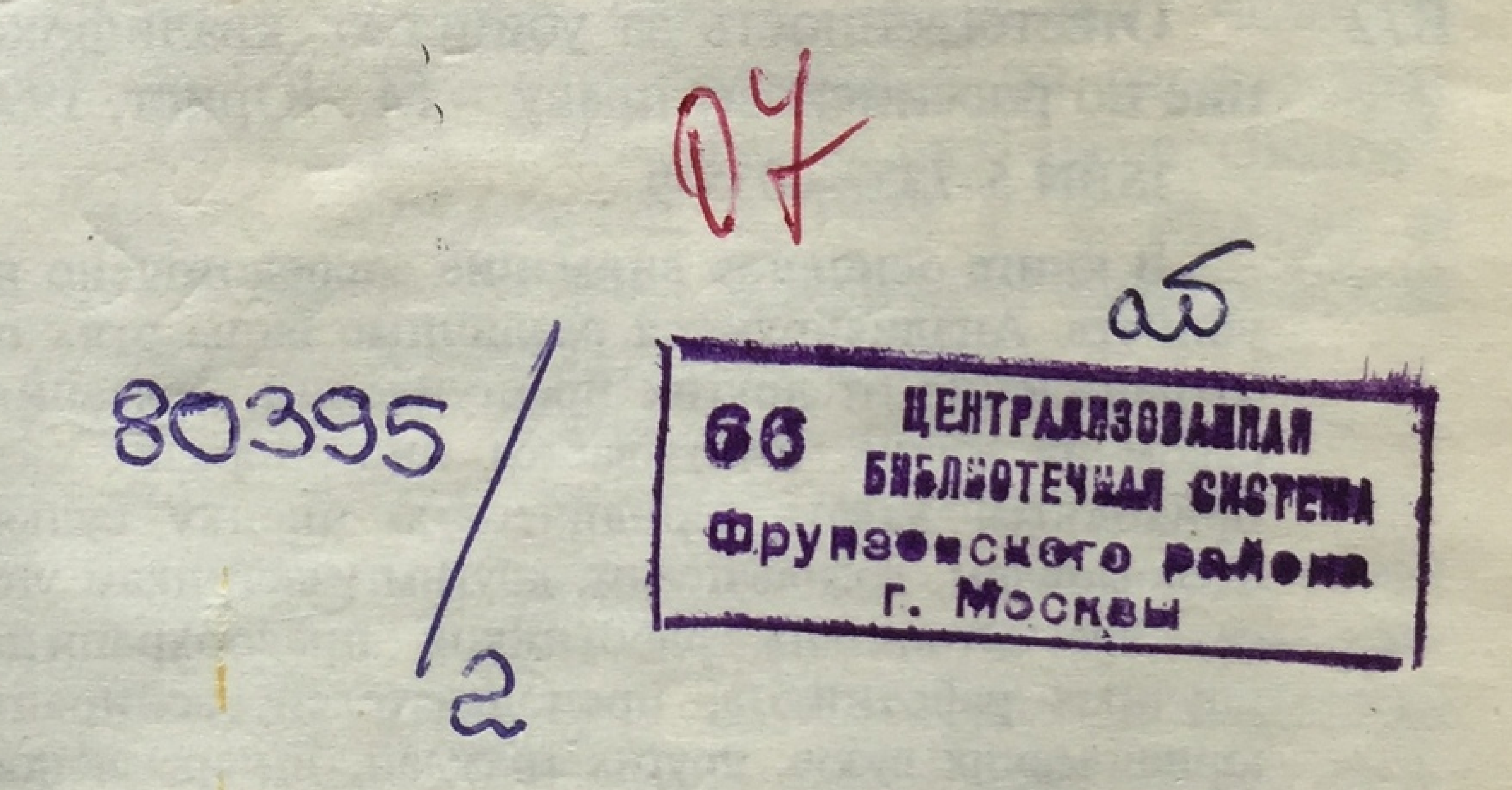
•ЮРИСТ•

Москва
1994

С. В. Бородин

Ответственность за убийство:

квалификация и наказание по российскому праву

•ЮРИСТ•

Москва
1994

ББК 67.93(2)8
Б72

Рецензент Л.Д. Гаухман

Бородин С.В.

Б72 Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. – М.: Юрист, 1994. – 216 с.

ISBN 5-7357-0035-9

В книге основное внимание сосредоточено на квалификации убийств. Анализируются различные виды этих преступлений, их отграничение от других преступлений, связанных с посягательством на жизнь. Учитывается многообразие ситуаций, которым приходится давать юридическую оценку судьям, прокурорам, следователям, дознавателям, другим участникам уголовного процесса. Рассчитана на работников правоохранительных органов, научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, других граждан, интересующихся проблемами уголовного права.

ББК 67.93(2)8

ISBN 5-7357-0035-9

Оглавление

Предисловие

Половина жителей Земли, как утверждают демографы, умирает преждевременно. Нас в данном случае интересует насильственная преждевременная смерть, которая особенно тяжело переживается близкими погибшего, родственниками и обществом в целом. Насильственную смерть несут прежде всего войны. Подсчитано, что за пять с половиной тысяч лет на нашей планете было 14 513 больших и малых войн, во время которых убито 3 миллиарда 640 миллионов человек[1]. Это — история, но современная действительность не лучше. Особенно трагична судьба народов России и республик бывшего СССР. В гражданской войне, от голода и репрессий тоталитарного режима погибло не менее 20 млн человек, в огне Отечественной войны, по последним данным, СССР потерял около 40 млн человек, из них 14 млн мирных жителей. Но и после войны жизнь человека не ценилась. В мирное время с сентября 1945 г. по 1991 г. в вооруженных силах погибло 310 тыс. человек — 30 дивизий легли в землю, как говорится, ни за что, ни про что[2]. По данным Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) на территории бывшего СССР травматизм и насилие особенно жестоки — мы оказались на первом месте в мире. При этом Россия по многим сопоставимым показателям опережает другие страны СНГ. У нас ежегодно регистрируется 40 смертей при автоавариях на 100 тыс. населения, почти столько же погибает от самоубийств, около 17 тыс. человек пропадает без вести. Наконец, в результате умышленных убийств в 1992 году в России погибло 23 тыс. человек, а в первом полугодии 1993 г. — 16 тыс. человек. Территории (регионы) Российской Федерации по распространенности убийств значительно (иногда в 40 раз) различаются[3]. Больше всего убийств совершалось в 1992 г. в Москве и Московской области, Свердловской, Иркутской, Кемеровской областях, в Красноярском и Приморском краях.

Убийство во всех странах (кроме бывшего СССР в 20-е — 50-е годы) признается законодательством наиболее тяжким преступлением. Оно посягает на жизнь человека — благо, которое дается ему только один раз и требует усиленной уголовно-правовой охраны. Как свидетельствует следственная и судебная практика, убийства относятся к числу тех преступлений, которые вызывают часто большие трудности при расследовании[4] и при юридической квалификации[5].

Многочисленные вопросы, возникающие при квалификации убийств, являются следствием многообразия различных ситуаций совершения этих посягательств и сложности признаков,

которые приходится учитывать. Данное обстоятельство обусловило содержание работы. Мы рассматриваем различные аспекты квалификации убийств и индивидуализации ответственности за эти преступления. В работе показаны развитие российского законодательства об убийствах, условия правильности их квалификации по действующему УК, значение для этого признаков состава преступления, зависимость квалификации убийства от обвинения, отражающего содержание фактических данных, подлежащих квалификации. На этой основе анализируются особенности квалификации каждого вида убийства, формулируются конкретные рекомендации по совершенствованию практики применения уголовного законодательства и предложения по его дальнейшему улучшению. Значительное внимание в работе уделено отграничению убийства от самоубийства и несчастного случая, одного убийства от другого; убийства от доведения до самоубийства, а также разграничению преступлений против жизни и других преступлений, связанных с причинением смерти.

Данная работа издавалась в 1963, 1967, 1977 гг. и пользовалась широким спросом. В настоящем издании автор, сохраняя анализ действующего законодательства и практики, использует следственную и судебную практику последних лет, достижения доктрины уголовного права. Обдуманы и в значительной части учтены пожелания, высказанные в рецензиях[6], а также при обсуждениях и встречах в связи с выходом книги в 1977 г., которые состоялись в бывшем Верховном суде СССР, Верховном суде РФ, Московском областном суде, Ленинградском институте усовершенствования следственных работников и др. Предпринята попытка рассмотреть вопросы, поставленные судами при подготовке постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации "О судебной практике по делам об умышленных убийствах", утвержденного 22 декабря 1992 г., в том числе и те из них, которые не могли получить разрешения в постановлении в силу многовариантности возможных решений. В таких случаях предпочтительнее оказывается доктринальное толкование, которое не является обязательным для судов и оставляет больше возможностей для учета особенностей каждого преступления, посягающего на жизнь.

Верховный суд Российской Федерации впервые принял постановление о судебной практике по делам об умышленных убийствах. В прошлые годы Пленум Верховного суда СССР по делам об убийстве, по нашим данным, в разное время принял четыре руководящих постановления: 4 июня 1960 г. "О судебной практике по делам об умышленном убийстве"; 3 июля 1963 г. "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике по

делам об умышленном убийстве"; 27 июня 1975 г. "О судебной практике по делам об умышленном убийстве", постановление 22 сентября 1989 г. "О выполнении руководящих разъяснений Пленума Верховного суда СССР при рассмотрении дел об умышленных убийствах". Эти постановления, вполне понятно, в настоящее время утратили силу. Их положения, по нашему мнению, носят консультативный характер как выражение определенной позиции в судебной практике прошлых лет по исследуемой категории дел.

Глава I. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ УБИЙСТВА ПО РОССИЙСКОМУ ПРАВУ

§1. Понятие убийства

Российское законодательство не отказалось в принципе от определения понятий некоторых преступлений (например, кражи, спекуляции), но оно не содержит понятия убийства. На первый взгляд может показаться, что в этом и нет необходимости, так как понятие убийства само по себе достаточно ясно. Между тем это понятие в житейском смысле не раскрывает и не может раскрыть юридической характеристики данного преступления. Тем более что вне сферы действия уголовного законодательства под убийством иногда понимается не только преступное лишение жизни, но и причинение побоев, ушибов и т.п.

В уголовно-правовом смысле понятие убийства более узкое, так как для наступления уголовной ответственности за убийство необходимо наличие определенных признаков, которые бы свидетельствовали о совершении данного преступления. Термин "убийство" в российском праве утвердился во второй половине XIX в. По Русской правде — это "душегубство", по Своду законов Российской Империи 1832 г. — "смертоубийство".

Понятие "убийство" неразрывно связано с жизнью и смертью человека, поэтому без выяснения содержания понятия жизни и смерти нельзя говорить об определении убийства.

Известно, что жизнь человека, с биологической точки зрения, состоит в непрерывном обмене веществ, питании и выделении. С прекращением этих функций прекращается и жизнь человека. Человеческая жизнь в биологическом смысле этого слова имеет значение для определения границ жизни человека. Возникновение жизни связано с началом процесса родов. Естественным и неизбежным завершением жизни является физиологическая смерть человека вследствие старения организма.

Вопрос о моменте наступления смерти человека в медицинской литературе является дискуссионным. Одни авторы полагают, что смерть человека наступает с момента прекращения дыхания и сердцебиения. Другие считают сердцебиение не абсолютным доказательством жизни. Но признается бесспорным наступление смерти с момента органических изменений в головном мозге и центральной нервной системе. До наступления этих изменений смерть человека называют к л и н и ч е с к о й.

Встречаются случаи, когда после наступления клинической смерти удается восстановить дыхание и сердцебиение и вернуть человека к жизни. Особенно в последние годы достижения медицинской науки и практики в области реаниматологии способствовали изменению отношения к смерти как к одномоментному явлению. Ее все больше стали представлять как процесс, растянутый во времени, соответствующий постепенному разрушению отдельных частей человеческого организма[1].

О наступлении смерти человека свидетельствует только б и о л о г и ч е с к а я с м е р т ь, т.е. состояние необратимой гибели организма как целого, когда остановлена сердечная деятельность, исчезла пульсация в крупных артериях, прекращено дыхание, утрачены функции центральной нервной системы. В литературе предлагалось наступление биологической смерти считать безусловным по истечении 30 минут после констатации названных выше признаков[2].

Некоторая часть людей умирает в результате патологической, преждевременной смерти, вызванной болезнью или насильственными действиями. К патологической смерти относится и убийство, которое является родом насильственной смерти.

Следовательно, насильственный характер смерти — один из признаков убийства. Но насильственная смерть может носить и правомерный характер (например, приведение в исполнение приговора к смертной казни). Кроме того, насильственная смерть может свидетельствовать не только об убийстве, но и о несчастном случае и самоубийстве. В связи с этим возникает вопрос об их разграничении*.

В отличие от правомерного лишения жизни, несчастного случая и самоубийства, убийство преследуется как противоправное деяние, предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса. Чтобы исключить отнесение к убийству правомерного лишения жизни и случайного причинения смерти, совершаемых при отсутствии вины, необходимо при определении убийства указать на виновное лишение жизни. Наконец, для отграничения от самоубийства должно быть указано, что речь идет о лишении жизни другого человека.

Исходя из указанных признаков, в отечественной юридической литературе с теми или иными небольшими различиями убийство определяется как противоправное умышленное или неосторожное лишение жизни другого человека. На первый взгляд это определение охватывает элементы, необходимые для

---

* См. § 1 гл. VIII

выяснения понятия убийства. Но если учесть, что уголовное законодательство предусматривает ответственность за ряд других преступлений, которые также сопровождаются умышленным или неосторожным лишением жизни другого человека, то необходимо признать, что приведенное определение убийства не вполне совершенно. На это обстоятельство обратил внимание Н.И. Загородников, который к приведенному выше определению понятия убийства добавлял: "...когда причинение смерти является основанием уголовной ответственности"[3]. Он справедливо подчеркивал, что основанием уголовной ответственности может быть только совершение общественно опасного деяния, предусмотренного законом.

Но поскольку убийство является одним из тех общественно опасных деяний, которые предусмотрены законом, постольку основанием уголовной ответственности при убийстве является не что иное, как убийство. Поэтому вряд ли можно внести существенное уточнение в определение понятия убийства, указав, что при убийстве основанием уголовной ответственности является убийство.

По нашему мнению, с учетом необходимости отграничивать в определении убийство не только от правомерного лишения жизни, случая и самоубийства, но и от других преступлений, включающих в свой состав умышленное или неосторожное причинение смерти, в соответствии со ст.ст. 3 и 7 УК понятие убийства можно было бы сформулировать следующим образом.

Убийство — это предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса виновное деяние, посягающее на жизнь другого человека и причиняющее ему смерть.

Против этого определения выступил М.Д. Шаргородский, который полагал, что "убийство — это неправомерное лишение жизни другого человека". Все другие элементы, включаемые нами в определение понятия убийства, он считал излишними[4]. С этим нельзя согласиться. Определение М.Д. Шаргородского явно неполно. Оно не позволяет отграничить убийство от других преступлений, при совершении которых потерпевший лишается жизни. Кроме того, "неправомерность" не позволяет отличить убийство, в частности, от самоубийства и несчастного случая. Дело в том, что далеко не всякое деяние, которое признается невиновным, является соответствующим праву.

§ 2. Виды убийства

Действующий в России Уголовный кодекс 1960 г. не внес существенных изменений в классификацию видов убийства, которая была предусмотрена УК 1926 г. Было сохранено деление убийств на умышленные и неосторожные. Практически преобладают умышленные убийства. Так, анализ данных судебной статистики за 1990—1992 гг. об убийствах, рассмотренных судами Алтайского и Хабаровского краев, Томской и Ростовской областей, показывает, что на одно неосторожное убийство приходится 14—16 умышленных убийств.

Что касается неосторожного убийства, то в проекте УК России предлагается впредь называть его причинением смерти по неосторожности[5]. С этим трудно согласиться. Принятие данного предложения привело бы к утрате различия между неосторожным убийством и другими преступлениями, исходом которых также является причинение смерти по неосторожности. Аналогичное предложение вносилось в доктрине уголовного права М.Д. Шаргородским, но оно не встретило поддержки в литературе. Да и сам автор через некоторое время от него отказался[6]. В дореволюционном российском уголовном праве неосторожное убийство иногда называлось "нечаянным убийством".

Умышленные убийства в свою очередь делятся на совершенные при отягчающих обстоятельствах (ст. 102 УК), без отягчающих обстоятельств (ст. 103 УК), в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (ст. 104 УК), при превышении пределов необходимой обороны (ст. 105 УК).

По данным Верховного суда РФ соотношение умышленных убийств, которые были предметом рассмотрения судов в 1992 г., по видам и квалификации было следующим: по ст. 102 — 21%; по ст. 103 — 67,2%; по ст. 104 — 6,2% и по ст. 105 — 5,6%.

По сравнению с прежним УК РСФСР действующий УК внес серьезные изменения в характеристику обстоятельств, отягчающих умышленное убийство.

В соответствии со ст. 102 УК совершенным при отягчающих обстоятельствах признается убийство:

а) из корыстных побуждений;

б) из хулиганских побуждений;

в) в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга;

г) с особой жестокостью;

д) способом, опасным для жизни многих людей;

е) с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием;

к) женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности;

з) двух или более лиц;

и) лицом, ранее совершившим умышленное убийство, за исключением убийства при превышении пределов необходимой обороны и в состоянии сильного душевного волнения;

к) на почве кровной мести;

л) особо опасным рецидивистом;

м) на почве национальной или расовой вражды или розни;

н) совершенное по предварительному сговору группой лиц.

Последние два пункта были включены в ст. 102 УК в 1993г.

В ст. 102 УК нет неопределенной формулировки отягчающего обстоятельства умышленного убийства "из иных низменных побуждений", позволявшей в прошлом необоснованно расширять перечень отягчающих обстоятельств при квалификации умышленных убийств.

Действующим УК не отнесены к отягчающим обстоятельствам умышленного убийства ревность, месть на почве личных взаимоотношений, совершение убийства военнослужащим, а также лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом (чаще всего к этому обстоятельству относилось детоубийство), с использованием беспомощного положения потерпевшего. Опыт показал, что отнесение умышленных убийств при наличии указанных признаков всегда к убийствам с отягчающими обстоятельствами не оправдало себя. Наоборот, некоторые из них, так же как и детоубийство, нередко признаются совершенными при смягчающих обстоятельствах.

Дополнены или включены в новой редакции обстоятельства, характеризующие тяжкие умышленные убийства, например, из хулиганских побуждений, с особой жестокостью, с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием, лицом, ранее совершившим умышленное убийство, за исключением убийства, предусмотренного ст.ст. 104 или 105 УК на почве кровной мести, национальной, расовой вражды или розни, по предварительному сговору группой лиц.

В ст. 104 УК полнее раскрыты признаки убийства в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения; убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, и убийство по неосторожности, в отличие от прежнего УК, сформулированы в разных статьях, что позволило устранить имевшую ранее место путаницу. Кроме того, дана более четкая

формулировка каждого из этих преступлений. В ст. 105 УК предусмотрена ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны, а в ст. 106 — за убийство, совершенное по неосторожности.

И все же классификация умышленных и неосторожных убийств в действующем законодательстве не является достаточно полной.

Это относится как к обстоятельствам, отягчающим умышленное убийство, так и к привилегированным видам убийства. Представляется необходимым дополнить новый УК умышленным убийством малолетнего, отца или матери и считать их совершенными при отягчающих обстоятельствах.

В число умышленных убийств при смягчающих обстоятельствах следовало бы включить убийство из сострадания. Нуждается в дифференциации неосторожное убийство по виду неосторожности и тяжести наступивших последствий. Подробно, с приведением формулировок и аргументации эти вопросы нами рассматриваются далее, в соответствующих главах.

Кроме того, необходимо изменить место главы "О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности" в Уголовном кодексе. В действующем УК среди общеуголовных преступлений на первое место поставлена защита "социалистической собственности". С учетом охраняемых уголовным законом ценностей (жизнь человека) — эти главы в новом УК следовало бы поменять местами. Любая собственность в системе ценностей не должна иметь приоритета над личностью[8].

Глава II. ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО

§ 1. Общие условия правильной квалификации убийства

1. Об исполнении уголовного закона идет речь в тех случаях, когда, во-первых, надлежащее его исполнение решает задачу общего предупреждения преступлений и, во-вторых, когда он применяется в связи с конкретным преступлением и исполнение его решает задачу частного предупреждения.

Одним из видов исполнения уголовного закона при решении задачи частного предупреждения является квалификация преступления. При квалификации преступления происходит приме-

нение нормы Особенной части Уголовного кодекса. Для осуществления правосудия важна правильная квалификация, когда преступление получило оценку в соответствии с точным смыслом уголовно-правовой нормы и установленными фактическими обстоятельствами его совершения. Поэтому правильная квалификация преступления включает не только его правовую, но и более широкую социальную оценку. Правильная квалификация преступления является важной гарантией осуществления правосудия в точном соответствии с законом. Она необходима для привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности. Только при такой квалификации вынесенный судом приговор может быть признан законным и обоснованным, выражающим оценку от имени государства совершенного преступления и личности осужденного[1].

Прежде всего правильная квалификация служит обеспечению назначения виновному справедливого наказания, достижению целей наказания, указанных в ст. 20 УК. В самом деле, квалификация убийств по закону, предусматривающему менее строгую ответственность, чем это необходимо, ведет к ослаблению борьбы с ними. Применение более сурового закона может привести к несправедливости и даже к роковой ошибке, если виновный при отсутствии признаков ст. 102 УК будет осужден к смертной казни. Квалификация убийства имеет значение и для избрания вида режима содержания в местах лишения свободы, для условно-досрочного освобождения и снятия судимости. Однако было бы упрощением требование правильной квалификации убийства (как и других преступлений) сводить лишь к вопросам назначения наказания виновному. Дело в том, что ошибочная квалификация убийства может привести и к неправильному решению вопроса о применении отдельных положений общей части Уголовного кодекса (например, давности привлечения к уголовной ответственности). В случае совершения лицом, осужденным за убийство (при неправильной квалификации), нового преступления последнее может быть именно в связи с этим, в свою очередь, неправильно квалифицировано, когда возникнет вопрос о повторности или о совершении преступления особо опасным рецидивистом — квалифицированных признаках нового преступления. От правильной квалификации зависит и определение подсудности дела об убийстве.

2. Исследуя вопросы квалификации убийств, мы исходим из того, что их верная квалификация обеспечивается не только правильным применением уголовно-правовых норм, но и строжайшим соблюдением требований уголовно-процессуального закона.

Для правильной квалификации убийства необходимо соблюдение ряда условий общего характера, которые, разумеется, не являются специфическими только для них. К числу таких условий, по нашему мнению, относятся следующие.

Установление всех обстоятельств совершенного преступления и данных о личности виновного обеспечивается прежде всего выполнением требований ст.ст. 20 и 68 УПК о всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию. Нарушение этого условия по делам об убийствах нередко приводит к неправильной квалификации. Изучение дел этой категории из числа возвращенных на дополнительное расследование в связи с неполнотой следствия показало, что по многим из них не были установлены мотивы, не выявлены отягчающие и иные обстоятельства убийства, имеющие значение для квалификации. Ошибки такого рода объясняются тем, что органы предварительного следствия, а иногда и суды, установив какое-нибудь одно или несколько обстоятельств совершения убийства, оставляют без внимания другие существенные обстоятельства, на основе которых можно было бы сделать правильный вывод о признаках этого преступления, влияющих на его квалификацию.

Оценка каждого обстоятельства совершенного преступления в отдельности и всех их в совокупности дает возможность при квалификации учесть все признаки, имеющие для этого значение. Соблюдение данного условия должно способствовать сокращению случаев односторонней оценки признаков преступления при его квалификации. Ошибки по делам об убийствах чаще всего являются результатом переоценки значения для квалификации какого-то одного обстоятельства при оставлении без внимания других существенных обстоятельств. Это относится прежде всего к убийствам при смягчающих обстоятельствах. В этих случаях при квалификации учитывается иногда лишь сам факт умышленного причинения смерти потерпевшему, а другие действия, чаще всего действия потерпевшего, не получают соответствующей оценки.

В таких случаях вопрос о степени значимости неправомерного или иного безнравственного поведения потерпевшего для возникновения намерения у субъекта преступления, его уголовной ответственности и квалификации содеянного должен решаться органами расследования и судом в конечном счете на основании оценки всей совокупности обстоятельств.

Применение уголовно-правовой нормы в соответствии с ее точным смыслом —

необходимое условие правильной квалификации преступления. Соблюдение этого условия обеспечивает процесс квалификации преступления, суть которого состоит в уяснении точного смысла закона и фактических обстоятельств преступления и в их сопоставлении. Процесс квалификации преступления хотя и протекает в рамках уголовно-процессуальной деятельности, но имеет самостоятельное значение и находится с ней в диалектическом единстве. Этот процесс является результатом сложной деятельности органов расследования, прокурора и судей.

Закон должен абстрагироваться от индивидуальности. Норма закона не может быть индивидуальной, она всегда абстрактна и содержит лишь типические признаки. Наоборот, деяние не может не быть индивидуальным. При квалификации преступления происходит выяснение наличия типических признаков абстрактной нормы закона в конкретном деянии, которому дается юридическая оценка. В результате сопоставления абстрактного и конкретного, конкретного и абстрактного создаются условия для уяснения точного смысла закона, для всестороннего анализа и установления состава преступления и всех его признаков.

Процесс квалификации убийства не ограничивается только сопоставлением признаков нормы и конкретного деяния. В ряде случаев необходимо оперировать оценочными понятиями, которые, обладая относительной определенностью, вместе с тем являются обязательными квалифицирующими признаками. Относительная определенность таких, например, признаков, как "особая жестокость", "способ, опасный для жизни многих людей" (пп. "г", "д" ст. 102 УК), заставляет при квалификации выделять степень выраженности признака. В зависимости от этого принимается решение, предполагающее или исключающее указанную выше квалификацию.

3. Квалификация деяния неразрывно связана с разрешением вопроса о том, имело ли место преступление. Нельзя говорить, например, о совершении конкретного убийства, не избирая хотя бы ориентировочно уголовно-правовую норму.

Избрание и уяснение точного смысла уголовно-правовой нормы, всесторонний анализ и установление признаков состава преступления по делам об убийствах имеет значение прежде всего для разграничения видов этих преступлений, а также для отграничения их от других преступлений и, главным образом, от преступлений, так или иначе сопряженных с посягательством на жизнь человека*.

---

* См. главу VIII.

Не менее важно уяснение точного смысла закона, установление и всесторонний анализ признаков состава преступления и для отграничения одного вида убийства от другого. Анализ норм, предусматривающих ответственность за убийство (ст.ст. 102—106 УК), показывает, что разграничение различных видов убийства находится в зависимости от формы вины и от наличия или отсутствия смягчающих или отягчающих обстоятельств, определяющих в конечном счете квалификацию преступления.

Отграничение одного вида убийства от другого представляет известную сложность. Изучение практики показывает, что ошибки в квалификации убийств чаще всего допускаются в силу того, что один вид убийства в результате недостаточно тщательного анализа его признаков принимается за другой. Сложность состоит в том, что в каждом убийстве есть не только типические признаки, о которых уже говорилось, но и свои нюансы, которые зависят от конкретных обстоятельств преступления, личности виновного и потерпевшего, их действий и т.д.

Исходя из сказанного, процесс квалификации убийства условно можно подразделить на два этапа.

На первом этапе уяснение точного смысла закона, установление и всесторонний анализ признаков состава преступления позволяют отграничить убийство от других преступлений и разрешить вопрос о характере субъективной стороны. В результате этого выясняется наличие или отсутствие так называемого основного состава преступления, т.е. такого состава, в характеристике которого отсутствуют и смягчающие, и отягчающие обстоятельства, имеющие значение для квалификации. Речь идет об установлении либо умышленного убийства, предусмотренного ст. 103 УК, либо неосторожного убийства, предусмотренного ст. 106 УК.

По делам о неосторожном убийстве (ст. 106 УК) процесс квалификации на этом завершается, поскольку в Уголовном кодексе предусмотрен только один вид убийства по неосторожности.

Установив основной состав умышленного убийства, необходимо перейти к следующему этапу квалификации преступления.

На втором этапе решается вопрос о наличии или отсутствии квалифицирующих особенностей совершенного убийства и об отнесении его соответственно к тому или другому виду умышленного убийства. Каждый вид умышленного убийства выделяется квалифицирующими особенностями данного конкретного состава преступления. Наличие смягчающих обстоятельств убийства, указывающих на совершение его в состоянии аффекта

или при превышении пределов необходимой обороны, влечет квалификацию соответственно по ст.ст. 104 или 105 УК.

При установлении отягчающих обстоятельств убийства подлежит применению ст. 102 УК. Как показало изучение практики, при квалификации по этой статье возникают затруднения в применении так называемых оценочных понятий и оценочных признаков состава преступления, поскольку в этих случаях квалификация основывается в значительной мере на субъективных моментах. Больше всего недостатков встречается из-за различного толкования оценочных признаков по делам об умышленном убийстве, совершенном с особой жестокостью, из хулиганских побуждений и способом, опасным для жизни многих людей.

Сложность решения этих вопросов подчеркивает важность второго этапа квалификации. На этом этапе квалификации умышленного убийства по некоторым делам приходится сталкиваться с конкуренцией смягчающих и отягчающих обстоятельств, которые влияют на квалификацию умышленного убийства. При решении данного вопроса в принципе следует исходить из того, что закон для таких случаев не ставит в качестве условия применения ст.ст. 104 и 105 УК отсутствие отягчающих обстоятельств, указанных в ст. 102 УК.

Пленум Верховного суда РФ в постановлении от 22 декабря 1992 г. "О судебной практике по делам об умышленных убийствах"[2] признал, что убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, а также с превышением пределов необходимой обороны, при обстоятельствах, предусмотренных в пп. "г", "д", "ж", "з", "и", "л" ст. 102 УК, не должно квалифицироваться как убийство при отягчающих обстоятельствах. Хотя Пленум Верховного суда РФ и отнес это положение к п. "г" ст. 102 УК в полном объеме, нам это кажется не бесспорным: правильное решение его требует дифференцированного подхода. В тех случаях, когда не установлено, что виновный, действуя в состоянии аффекта или при превышении пределов необходимой обороны, сознает или сознательно допускает, что он совершает убийство с особой жестокостью, преступление подлежит квалификации по ст.ст. 104 или 105 УК. По-разному этот вопрос должен решаться при применении ст.ст. 104 и 105 УК, когда виновный осознает, что он совершает убийство с особой жестокостью.

В литературе правильно отмечалось, что осознание виновным особой жестокости, как правило, говорит о большой доле рассудительности при осуществлении умысла, что не свойственно действиям, совершенным в состоянии аффекта, когда у виновного ослаблена способность контролировать свои действия, а преступные действия внезапны и скоротечны.

Трудно представить, чтобы виновный, находясь в состоянии аффекта, сознательно причинял, например, потерпевшему особые мучения или страдания. При таком положении не должно возникать сомнения в том, что состояния аффекта не было[3], следовательно, и квалификация по ст. 104 УК исключается.

В тех случаях, когда виновный, совершая убийство при превышении пределов необходимой обороны, сознавал или сознательно допускал особую жестокость, его действия, по нашему мнению, все же подпадают под признаки ст. 105 УК. Дело в том, что сознание особой жестокости не исключает (в отличие от состояния аффекта) самого факта совершения убийства при превышении пределов необходимой обороны.

Вопрос о конкуренции смягчающих обстоятельств, указанных в ст.ст. 104 и 105 УК, и отягчающих обстоятельств умышленного убийства, перечисленных в пп. "а", "б", "в", "е", "к" ст. 102 УК, в силу характера последних не возникает.

§ 2. Признаки состава преступления и их значение для квалификации убийств

1. *Общее учение о составе преступления является основой* для выявления наличия или отсутствия в действиях лица конкретного состава преступления, т.е. *теоретической базой правильной квалификации совершенного деяния.* Только на основе общего учения о составе преступления может быть получена исчерпывающая характеристика конкретного преступления, необходимая для его квалификации, исходя из содеянного, в соответствии с точным смыслом закона.

Для обоснованного привлечения к уголовной ответственности и правильной квалификации необходим тщательный анализ каждого признака состава преступления (объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны) и их совокупности на базе диспозиции соответствующей нормы Особенной части Уголовного кодекса и исследуемого деяния. Поверхностный подход к такому анализу приводит к ошибочным решениям. Именно поэтому еще встречаются случаи признания в деянии того или иного состава преступления, когда в действительности он отсутствует, и лицо оказывается необоснованно привлеченным к уголовной ответственности. По этой же причине в действиях виновного иногда устанавливается не тот состав преступления, который имеет место в действительности, и преступление оказывается неправильно квалифицированным.

Привлечение к уголовной ответственности за деяния, посягающие на жизнь, и их квалификация неразрывно связаны между собой, так как уголовная ответственность наступает только при наличии состава преступления против жизни, предусмотренного ст.ст. 102 — 106 УК. Решая вопрос об уголовной ответственности за убийство, нельзя одновременно не решать вопроса о квалификации преступления. Поэтому анализ признаков состава преступления против жизни имеет значение для индивидуализации ответственности, которая проявляется в квалификации совершенного преступления.

2. *Объект* преступлений против жизни — жизнь другого человека. Объект является тем *общим признаком, который объединяет все виды убийств в одну группу преступлений,* посягающих на человеческую жизнь. Было бы неправильно сводить в этом смысле понятие жизни человека лишь к биологическому процессу, о котором уже говорилось, поскольку человек прежде всего член общества. Жизнь человека носит общественный характер, а ее охрана определяется отношениями, господствующими в обществе. Прав Б.С. Никифоров, который считал, что "нельзя отделять интересы личности от нее самой и затем выводить личность за рамки общественных отношений"[4]. Жизнь человека неотделима от общественных отношений, поэтому объектом преступного посягательства при убийстве является и жизнь человека и общественные отношения, обеспечивающие охрану этого блага.

Со смертью человека прекращается уголовно-правовая охрана его жизни, и, следовательно, нельзя говорить об убийстве, когда лицо производит выстрел в человека, уже умершего, с целью лишения его жизни. Убийство в данном случае совершить невозможно, но действия лица все же представляют общественную опасность, поскольку последствия не наступают по не зависящим от этого лица причинам. Оно должно нести ответственность за покушение на негодный объект.

Уголовно-правовой охране по российскому законодательству в равной мере подлежит жизнь любого человека независимо от его возраста, физических и моральных качеств.

Объект посягательства при убийстве указывает на особую общественную опасность этого преступления. Опасность прежде всего состоит в том, что человек лишается жизни. Смерть потерпевшего исключает возможность загладить причиненный вред. Если при совершении некоторых преступлений причиненный ущерб может быть полностью или в значительной стенени возмещен, то при лишении человека жизни последствия необ-

ратимы, их невозможно устранить. Вред в данном случае не ограничивается самим фактом лишения жизни потерпевшего. Как правило, наносится и тяжкий моральный вред. Неожиданная насильственная смерть близкого человека, члена семьи, родственника, знакомого, товарища причиняет окружающим глубокую душевную травму.

Выяснение объекта убийства в равной степени имеет значение как для определения общественной опасности, так и для квалификации этого преступления. При квалификации убийств необходимо учитывать, что жизнь человека как объект преступного посягательства охраняется не только законом об ответственности за убийство, но и рядом других уголовно-правовых норм, направленных на защиту жизни человека в числе иных общественных отношений (например, ст.ст. 64, 66 — 68, 98, 99 УК). Следовательно, в таких случаях для правильной квалификации важно разграничить посягательства по объекту. Установив, что объектом посягательства была жизнь человека, необходимо провести разграничение между убийством и доведением до самоубийства по объективной стороне состава преступления.

Уже подчеркивалось, что объектом преступлений против жизни является жизнь любого человека. Когда же выясняется объект преступления по конкретному делу, то речь идет обычно о потерпевшем, о конкретной человеческой личности. В судебной практике встречаются случаи, когда виновный, желая убить одного человека, "по ошибке" убивает другого. Такие случаи в литературе оцениваются как "ошибка в объекте". Это неверно, здесь жизнь "другого" человека также остается объектом убийства, ошибка происходит в личности потерпевшего, которая, по общему правилу, не оказывает влияния на квалификацию преступления.

В связи с анализом объекта преступлений против жизни необходимо указать на важность всестороннего исследования личности потерпевшего, особенно по делам об убийствах при смягчающих обстоятельствах, когда потерпевший сам совершает неправомерные действия, провоцируя виновного на совершение преступления.

Изучение дел об убийствах показывает, что потерпевшие допускают безнравственное поведение и в случаях совершения убийства без смягчающих обстоятельств и при отягчающих обстоятельствах.

Данные о личности потерпевшего должны быть обязательно выяснены и тогда, когда они указываются в законе в качестве обстоятельств, имеющих значение для квалификации (например, убийство женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности, убийство матерью своего новорожден-

ного ребенка). Это позволит разграничить квалификацию по виду убийства.

Наконец, выяснение объекта посягательства при убийстве имеет значение при анализе других признаков этого преступления, необходимых для их правильной квалификации.

3. Объективная сторона убийства не может быть охарактеризована однозначно. Имеющаяся специфика обязывает рассмотреть ее с учетом конкретных особенностей этого преступления.

Объективная сторона убийства состоит в лишении жизни другого человека. Убийство может быть совершено путем как действия, так и бездействия. Чаще всего убийство совершается путем действия, направленного на нарушение функций или анатомической целостности жизненно важных органов другого человека. Оно может быть совершено путем физических действий и психического воздействия, когда потерпевший лишается жизни либо непосредственно виновным, либо при помощи других лиц, не сознающих действительного характера содеянного в силу создавшейся обстановки или вследствие психической неполноценности или малолетия. При этом необходимо учитывать, что психическая травма сама по себе может вызвать смерть лица, страдающего заболеванием сердца и сосудистой системы. Причинение такому лицу психической травмы другим лицом, осведомленным о болезненном состоянии потерпевшего, при определенных обстоятельствах (во всяком случае при наличии цели лишения жизни) должно признаваться убийством. Представляется, что подговор к самоубийству лица, не сознающего значение этого акта, а также создание обстановки "безысходности" для другого лица с тем, чтобы оно покончило с собой, также должны рассматриваться как убийство*.

Установление способа действия как признака объективной стороны убийства имеет серьезное значение для его квалификации. При совершении некоторых убийств способ является квалифицирующим обстоятельством. Установление особой жестокости при убийстве или совершение его способом, опасным для жизни многих людей, влечет квалификацию соответственно по пп. "г" и "д" ст. 102 УК и исключает применение другой статьи кодекса.

При анализе объективной стороны убийства необходимо учитывать, что действие или бездействие является лишь внешним признаком преступления. Это объясняется тем, что его

*Об отграничении убийства от доведения до самоубийства см. гл. VIII.

общественная опасность в конечном счете заключается в причиненном вреде — смерти потерпевшего. Наступление ее как последствие преступных действий является обязательным признаком объективной стороны убийства. Ненаступление такого последствия в результате действия (бездействия) виновного исключает признание преступления оконченным и при наличии приготовления к убийству или покушению на него влечет квалификацию с применением ст. 15 УК.

Наконец, еще одним признаком объективной стороны при убийстве является причинная связь между действием (бездействием) виновного и наступившей смертью потерпевшего. При решении вопроса о наличии или отсутствии причинной связи между деянием и наступившим последствием необходимо исходить из того, что она является объективной, существующей вне зависимости от нашего сознания связью, в силу которой действие (бездействие) порождает и обусловливает возникновение последствия. Отсутствие причинной связи между деянием и наступившей смертью потерпевшего либо исключает полностью уголовную ответственность за лишение жизни, либо влечет иную квалификацию деяния.

Нас интересуют только те случаи, когда от разрешения вопроса о причинной связи между деянием виновного и смертью потерпевшего зависит квалификация преступления*.

В отличие от других признаков объективной стороны убийства причинная связь не всегда очевидна. Нередко ее установление по делам об убийстве на практике встречает трудности, которые объясняются тем, что иногда не учитывается конкретная обстановка, в которой было совершено убийство.

Между тем вопрос о наличии или отсутствии связи между причиной (действием или бездействием) и следствием (наступившей смертью потерпевшего) нельзя рассматривать вне конкретной обстановки, в которой совершено преступление. В связи с этим по каждому делу об убийстве необходимо установить, что наступившая смерть потерпевшего является следствием определенных действий в конкретной обстановке их совершения.

Нельзя не учитывать и того, что не всякая связь между деянием и последствием свидетельствует о наступлении смерти потерпевшего в результате рассматриваемого деяния. Признавая, что беспричинных явлений нет, мы выделяем необходимость как проявление внутренней закономерности явлений и отличаем

---

* Исследование различных аспектов причинной связи в российском уголовном праве находится за пределами нашей темы.

ее от случайности, которая также представляет собой объективную категорию, но выражающую иного рода связи между явлениями внешнего мира. Из этого следует, что, анализируя объективную сторону убийства, необходимо не только устанавливать наступление смерти потерпевшего в результате определенных действий, но и отграничивать необходимую причинную связь этих действий и наступивших последствий от случайной связи. При случайной связи последствия, наступившие от действий лица, для него являются не только неожиданными, но они и объективно не связаны с этими действиями.

К характеристике объективной стороны относится и конкретная обстановка совершения убийства. Она имеет значение не только для решения вопроса о наличии или отсутствии причинной связи, но и — при определенных обстоятельствах — для привлечения данного лица к уголовной ответственности и для квалификации этого преступления. Установление момента совершения убийства без отягчающих обстоятельств в случае истечения срока давности имеет значение для освобождения лица от уголовной ответственности. Время совершения данного преступления может отразиться и на применении уголовного закона. Место убийства также имеет значение для правильной квалификации: применению подлежит закон, действующий в местности, где оно было совершено.

4. Субъектом преступления по российскому уголовному праву может быть только вменяемое лицо, достигшее при совершении убийства 14 лет.

Однако возраст и вменяемость не относятся к числу признаков состава преступления, а являются лишь условиями наступления уголовной ответственности. А.Н. Трайнин правильно подчеркивал, что возраст и вменяемость являются лишь субъективными условиями уголовной ответственности: уголовный закон наказывает преступника не за то, что он достиг определенного возраста и вменяем, а за совершение им преступления при условии, что он достиг определенного возраста и является вменяемым[5]. Такая трактовка возраста и вменяемости объясняется тем, что любое деяние, в том числе и лишение жизни другого человека, совершенное малолетним или невменяемым, не исключает его общественную опасность, а устраняет лишь уголовную ответственность этих лиц. Если же возраст и вменяемость отнести к признакам состава преступления, то логически неизбежно признавать лишение жизни другого человека, совершенное малолетним или невменяемым, не представляющим опасности для общества за отсутствием состава преступления. Между тем производство по уголовному делу в отношении малолетнего

исключается не за отсутствием состава преступления (п. 2 ст. 5 УПК), а в связи с недостижением им возраста уголовной ответственности (п. 5 ст. 5 УПК). В отношении невменяемого такое решение вопроса противоречило бы ст. 403 УПК, в которой деяние, совершенное таким лицом, признается общественно опасным. Оно привело бы к тому, что лица, использующие малолетнего или невменяемого как орудие убийства, подлежали бы освобождению от уголовной ответственности. Вместе с тем это вовсе не означает, что субъект находится за рамками состава преступления. Без субъекта не может быть преступления. Наличие лица, вследствие виновных действий которого причинена смерть другому человеку, является необходимым условием признания данного причинения смерти убийством.

В отношении субъекта убийства закон не выдвигает никаких условий, кроме тех, на которые указано выше. В законе лишь названы отдельные признаки субъекта убийства, влияющие на квалификацию этого преступления. Так, совершение убийства лицом, ранее совершившим умышленное убийство, или особо опасным рецидивистом влечет квалификацию соответственно по пп. "и" и "л" ст. 102 УК, поскольку эти признаки субъекта прямо названы в законе в числе обстоятельств, отягчающих убийство. Субъектом убийства, предусмотренного п. "в" ст. 240 УК, может быть только военнослужащий или иное лицо, указанное в ст. 237 УК. Субъектом убийства новорожденного ребенка при смягчающих обстоятельствах может быть только мать, родившая этого ребенка.

5. Субъективная сторона убийства характеризуется психическим отношением субъекта к своим действиям и наступившей смерти потерпевшего.

Субъективная сторона преступления при его совершении выражается прежде всего в умысле или неосторожности. Убийство относится к числу тех немногих преступлений, которые могут быть совершены как с прямым, так и с косвенным умыслом, в результате как преступной небрежности, так и преступной самонадеянности.

В тех случаях, когда не установлено, что смерть потерпевшему была причинена с умыслом или по неосторожности, отсутствуют обязательные признаки, характеризующие субъективную сторону убийства, значит нет вины, а следовательно, нет состава преступления. Установление признаков субъективной стороны и вины имеет важное значение и для квалификации убийства.

Изучение практики показывает, что анализ субъективной стороны при квалификации убийства представляет известную

сложность. Неточности в выводах при таком анализе нередко еще влекут за собой ошибки: неправильно определяется направленность умысла, неосторожное убийство расценивается как умышленное, допускаются выводы о наличии умысла или неосторожности при случайном причинении смерти, наличие причинной связи принимается за доказательство виновности и т.п. Все это подчеркивает важность выявления всех признаков субъективной стороны убийства.

При квалификации умышленного убийства должно быть не только обязательно выявлено, что оно совершено умышленно, но и определена форма умысла. Только установление прямого или косвенного умысла дает основания для вывода о том, что убийство действительно было совершено, так как вне конкретной формы вины деяние по российскому уголовному праву не может быть признано преступлением.

Разграничение прямого и косвенного умысла имеет значение для индивидуализации ответственности, а в некоторых случаях и для отграничения убийства от других преступлений. Это относится, например, к квалификации покушения на убийство. Наличие косвенного умысла исключает такую квалификацию, преступление получает юридическую оценку по фактически наступившим последствиям. Пленум Верховного суда РФ в постановлении от 22 декабря 1992 г. "О судебной практике по делам об умышленных убийствах" разъяснил, что покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом. Данное разъяснение имеет принципиальное значение не только для квалификации покушения на убийство, но и для выяснения содержания прямого и косвенного умысла, в также для их разграничения. В юридической литературе было высказано мнение о том, что при косвенном умысле виновный сознает не только возможность, но и неизбежность наступления тех или иных последствий[6]. К прямому умыслу в соответствии с этим взглядом относятся только те ситуации, когда виновный прямо направлял свои действия на совершение данного преступления. При таком понимании содержания прямого и косвенного умысла неизбежен противоречащий закону вывод о том, что покушение на убийство возможно и при косвенном умысле. Неубедительны соображения о том, что лицо, поджигающее дом, в котором находится ребенок, действует лишь с косвенным умыслом, хотя и сознает неизбежность его смерти. Б.С. Утевский основное внимание уделил вопросу о том, является ли это убийство ребенка целью или побочным результатом действий виновного. "Характерным, — писал он, — для эвентуального умысла является, что для виновного эти последствия нежелательны, что

они являются для него не самоцелью, а лишь вероятным или неизбежным побочным результатом его действий (гибель людей в подожженном доме)"[7].

Такая трактовка понятия косвенного умысла не вытекает из указаний закона. Сознательно допускать наступление смерти потерпевшего — это значит считать его смерть вероятной, если же наступление смерти неизбежно виновный, несмотря на это, совершает свои преступные действия, то он не только допускает, но и желает ее наступления. Поэтому прав Н.И. Загородников, который считал, что в тех случаях, когда лицо умышленно ставится в условия, при которых оно неизбежно должно лишиться жизни, возможность косвенного умысла исключается[8]. Например, при разбойном нападении на квартиру преступники запирают хозяина в ванную комнату, несмотря на его объяснения, что там из-за неисправности аппаратуры происходит большая утечка газа и пребывание в таком помещении вызовет смертельное отравление. Здесь направленность действий преступников на лишение жизни отсутствует, но смерть потерпевшего неизбежна. Предвидя это, они, очевидно, действуют с прямым умыслом на убийство. Если бы в результате подоспевшей помощи потерпевшего удалось спасти, то действия виновных, наряду с разбойным нападением, были бы признаны и покушением на убийство.

Сказанное дает основание для вывода о том, что предвидение неизбежности смерти является содержанием прямого умысла, поэтому и покушение на убийство возможно только с прямым умыслом.

Косвенный умысел при убийстве подлежит также отграничению от неосторожной вины, а преступная небрежность и преступная самонадеятельность, в свою очередь, — от случайного причинения смерти*.

Рассматривая субъективную сторону убийства, нельзя не остановиться на понятии "заведомость" и его юридическом значении при выяснении субъективной стороны убийства. Дело в том, что в законе в некоторых случаях "заведомостью" характеризуется субъективное отношение виновного к обстоятельствам, отягчающим умышленное убийство. В п. "ж" ст. 102 УК речь идет об умышленном убийстве женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности. В связи с этим возникает вопрос: что же следует понимать под "заведомостью"?

* Содержание умысла и неосторожности, их разграничение выясняются при рассмотрении отдельных видов убийств (см. гл.гл. III — VIII)

В литературе было высказано мнение о том, что "заведомость" характеризует осознание лицом возможности наступления вследствие его действий общественно опасных последствий[9]. Иными словами, "заведомость" охватывает интеллектуальный момент косвенного умысла и преступной самонадеянности. При такой обрисовке "заведомость" в отношении обстоятельств, отягчающих умышленное убийство, следует рассматривать как несомненное знание (сознание) субъектом того, что он совершает это преступление при наличии данного отягчающего обстоятельства. С нашей точки зрения, было бы неверно несомненное знание (при заведомости) относить к наличию в действительности того или иного отягчающего обстоятельства, а не к несомненности знания о нем субъектом в момент совершения преступления.

Представляется, что приведенная юридическая характеристика "заведомости" дает основания и для следующего вывода: несомненность знания субъектом об отягчающем обстоятельстве при "заведомости" не изменяется тем, что он, будучи осведомлен о нем, не уверен в его фактическом наличии или существовании в действительности. Если встать на противоположную позицию, то это значит, что мы должны исключить совершение убийства женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности, и убийства с особой жестокостью при наличии косвенного умысла. Однако такой вывод противоречил бы закону*.

В числе обстоятельств, имеющих значение для квалификации умышленного убийства, которые характеризуют субъективную сторону этого преступления, необходимо назвать мотив, цель, а также эмоциональное состояние лица в момент совершения убийства.

М о т и в действия лица, виновного в убийстве, — это побудительная причина к совершению данного преступления. Поэтому при решении вопроса о квалификации убийства мотив не может не учитываться. Закон, правда, не во всех случаях, прямо упоминает мотив как квалифицирующий признак убийства. В ст. 105 УК, например, ничего не говорится о мотиве преступления. Однако, если не будет установлен мотив необходимости защиты при убийстве, то оно не может быть признано совершенным с превышением пределов необходимой обороны и квалифицировано по ст. 105 УК. В ст. 102 УК прямо называются мотивы: корысть, хулиганские побуждения, кровная

* По данному вопросу см. также гл. IY

месть, расовая или национальная вражда или рознь. При иных мотивах убийство может быть квалифицировано по ст. 102 УК только при наличии других обстоятельств, указанных в этой статье. При отсутствии названных выше мотивов и других обстоятельств, отягчающих умышленное убийство, применяется ст. 103 УК. Для квалификации убийства по этой статье мотив его совершения по существу безразличен. Это вместе с тем не значит, что устанавливать его не следует.

При анализе субъективной стороны убийства в связи с мотивом возникает вопрос о соотношении мотива и формы умысла. По общему правилу мотив убийства свидетельствует о прямом умысле. Лицо, руководствуясь, например, корыстными или хулиганскими побуждениями, добивается определенной цели. Однако исключить в этих случаях возможность совершения убийства с косвенным умыслом было бы неправильно*.

Мотив характеризует волю субъекта. Любое волевое действие совершается по определенному мотиву.

От мотива убийства необходимо отличать цель как признак субъективной стороны преступления. Ц е л ь ю является то последствие, к наступлению которого стремится виновный, совершая преступление. Мотив и цель, как правило, разграничиваются в законе и имеют самостоятельное значение для квалификации некоторых видов убийства. Установление цели сокрытия другого преступления влечет признание убийства совершенным при отягчающих обстоятельствах (п. "е" ст. 102 УК). Но мотив и цель при убийстве могут совпадать. Например, лицо, совершая убийство по корыстному мотиву, стремится к достижению корыстной цели.

В ст. 104 УК говорится о внезапно возникшем сильном душевном волнении — таком эмоциональном состоянии, которое характеризует субъективную сторону этого преступления. Установление его исключает квалификацию убийства по закону, предусматривающему более строгую ответственность. Вместе с тем, установление эмоционального состояния при убийстве, совершенном с превышением пределов необходимой обороны, влечет квалификацию действий виновного по ст. 105 УК, а применение ст. 104 УК исключается.

В заключение исследования признаков состава преступления и их значения для квалификации убийства необходимо подчеркнуть, что юридический анализ каждого из признаков должен проводиться и в том случае, когда в законе какой-либо из них прямо не упоминается. В ст.ст. 102 — 106 УК (за исключением

---

* По этому вопросу см. § 2 гл. IV

пп. "и" и "л" ст. 102 УК) не содержится прямых указаний о субъекте убийства; в ст.ст. 103 и 106 УК отсутствуют какие-либо конкретные признаки, характеризующие объективную сторону преступления; в ст. 105 УК не упоминается о форме вины лица, виновного в убийстве при превышении пределов необходимой обороны, но это не значит, что для квалификации убийства в каждом конкретном случае не имеет значения выяснение указанных признаков преступлений.

§ 3. Квалификация убийства при изменении обвинения

1. Впервые обвинение лица в совершении преступления формулируется в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 144 УПК). Формулировка обвинения неразрывно связана с индивидуализацией ответственности и квалификацией преступления. В ней определяются объем и пределы обвинения и тем самым индивидуализируется ответственность обвиняемого, появляется возможность дать полную юридическую оценку совершенному им преступлению.

Формулировка обвинения при совершении преступлений против жизни должна с максимальной точностью воспроизводить установленные уже фактические обстоятельства действия (бездействия) виновного и наступившие последствия.

По делам об у б и й с т в е фактическими обстоятельствами являются: событие убийства (кем, какое убийство совершено, кто потерпевший), время, место, способ, мотивы и цели его совершения, а также иные обстоятельства, имеющие значение для индивидуализации ответственности и квалификации.

Для правильной квалификации убийства важное значение имеет характер изложения формулировки обвинения. Она должна быть непредвзятой, без эмоционального напряжения и сгущения красок независимо от тяжести преступления. В этой связи представляет интерес следующий эксперимент.

Для двух групп следователей было подготовлено два варианта одной задачи на разграничение умышленного убийства и тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть. Каждой группе был дан свой вариант этой задачи для решения. Второй вариант отличался от первого, изложенного объективно, только тем, что при помощи литературных приемов, безразличных в юридическом отношении, "нагнетались" отрицательные эмоции в отношении обвиняемого: в самом тексте было сказано о сильном возмущении

общественности поселка "злодейским" поступком субъекта. В результате среди следователей, решавших второй вариант задачи, число неправильных ответов (квалификация преступления как убийства) оказалось равным 31%, а у следователей, решавших первый вариант задачи, неправильных ответов было только 15%.

Вопрос о соответствии формулировки обвинения фактическим обстоятельствам совершенного преступления и данным о личности виновного возникает при составлении и утверждении обвинительного заключения, в стадии предания суду, при постановлении приговора и в вышестоящих судебных инстанциях, если приговор обжалуется или опротестовывается.

2. В тех случаях, когда в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства изменяются фактические обстоятельства совершенного преступления или данные о личности обвиняемого, возникает необходимость изменения формулировки обвинения. Такая необходимость возникает и в тех случаях, когда формулировка не соответствует тем обстоятельствам, которые уже установлены.

Придавая важное значение формулировке обвинения, закон исходит из того, что новое обвинение должно быть предъявлено во всех случаях, когда оно является более тяжким или существенно отличается по фактическим обстоятельствам от ранее предъявленного обвинения либо повлечет ухудшение положения и нарушение права обвиняемого (подсудимого) на защиту. Если при изменении обвинения эти последствия не наступают, то следователь, прокурор и суд вправе изменить его формулировку без предъявления лицу нового обвинения (ст.ст. 154, 215, 232, 254 УПК).

Применение этих положений по делам об убийстве вызывает на практике определенные трудности, которые объясняются не только *сложностью* обстоятельств, характеризующих эти преступления, но и тем, что обстоятельства совершения убийств *неоднородны и имеют различное правовое значение* при решении вопроса об изменении обвинения. В связи с этим возникает необходимость классификации обстоятельств, составляющих структуру обвинения в убийстве. Критерием такой классификации должна быть *юридическая однородность* указанных обстоятельств для индивидуализации ответственности и квалификации убийства.

3. В соответствии с названным критерием все обстоятельства, входящие в формулировку обвинения в убийстве, для анализа разбиваются на пять групп:

а) данные о личности виновного и потерпевшего*;
б) место и время совершения преступления;
в) обстоятельства, определяющие квалификацию убийства;
г) обстоятельства, отягчающие ответственность, не включенные в качестве квалифицирующих признаков;
д) обстоятельства, способствующие уяснению деталей и некоторых условий совершения преступлений.

Отнесенные к первой группе обстоятельства, характеризующие обвиняемого (подсудимого) и потерпевшего, позволяют с несомненностью удостовериться в личности каждого из них.

По делам об убийстве сведения о личности обвиняемого (подсудимого) могут измениться в связи с тем, что обвиняемый назвал себя вымышленной фамилией либо выдал себя за существующего в действительности человека, который не совершал убийства. При установлении новых данных в каждом из этих случаев должно быть предъявлено новое обвинение, так как возникает необходимость заново исследовать все данные, характеризующие личность действительного убийцы. Они могут оказать влияние на изменение квалификации преступления, а также на размер наказания, которое может быть назначено судом. В тех случаях, когда обвиняемый выдавал себя за другого реально существующего человека, предъявление нового обвинения важно еще и для того, чтобы оградить невиновное лицо от возможных неприятностей в будущем. Например, при побеге действительного виновника убийства это невиновное лицо при розыске может быть арестовано.

Необходимость предъявить новое обвинение возникает и тогда, когда выясняется, что личность потерпевшего на момент предъявления обвинения в действительности установлена не была. Это относится как к тем случаям, когда личность потерпевшего была установлена неправильно, так и к тем, когда личность потерпевшего на момент предъявления обвинения вообще не была установлена. Данные о личности потерпевшего могут повлиять на квалификацию преступления и наказание виновного. Установление личности потерпевшего повлечет также прекращение розыска без вести пропавшего человека.

Установление действительной личности обвиняемого (подсудимого) и потерпевшего по делу об убийстве должно влечь предъявление нового обвинения следователем, направление для

* Хотя закон (ст. 205 УПК) данные о личности обвиняемого оставляет за пределами формулировки обвинения, мы все же считаем необходимым рассматривать эти данные в тесной связи с обвинением, так как они оказывают в ряде случаев влияние на его изменение.

этого дела на предварительное расследование не только до вынесения приговора, но и после вынесения приговора и вступления его в законную силу. В последнем случае речь идет о возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

По нашему мнению, в подобных случаях нельзя ограничиться вынесением постановления или определения о том, что обвиняемый (подсудимый) — Иванов он же Петров, как иногда поступают на практике.

Рассмотренные нами ситуации во всех случаях требуют предъявления нового обвинения, которое существенно отличается от ранее предъявленного, а в некоторых из них может оказаться и более тяжким.

Во в т о р у ю группу включены обстоятельства, указывающие на место и время убийства. Изменение этих данных влечет предъявление нового обвинения, когда возникает необходимость применить другой уголовный закон или иную норму в связи с введением в действие нового уголовного закона. В подобных ситуациях правильность такого решения несомненна. Обвинение должно быть заново предъявлено и в тех случаях, когда изменение данных о месте и времени убийства ставит под сомнение возможность совершения убийства обвиняемым (подсудимым), особенно когда он заявляет об алиби или не признает себя виновным, а также когда изменение этих данных влияет на другие обстоятельства совершения преступления, например, когда оказывается, что место обнаружения трупа не совпадает с местом лишения жизни потерпевшего.

На практике возникает вопрос о том, надо ли предъявлять новое обвинение, когда предъявлено обвинение в убийстве с указанием адреса и примерного времени (в доме № 2 по Широкой улице около 20 часов), а затем в ходе расследования место и время детализируются (указывается, в какой комнате было совершено убийство), уточняются минуты совершения преступления. Здесь однозначного ответа быть не может. Например, при убийстве способом, опасным для жизни многих людей, в состоянии сильного душевного волнения, при превышении пределов необходимой обороны и т.п. уточнение места совершения убийства может оказаться решающим для квалификации преступления, а иногда и для доказывания вины. В тех же случаях, когда уточнение места и времени убийства не имеет решающего значения, вряд ли есть необходимость предъявлять новое обвинение, но не следует уточнять и формулировку обвинения. Место и время убийства могут быть уточнены в таких случаях при описании обстоятельств этого преступления в обвинительном заключении или в приговоре перед изложением формулировки

обвинения. С нашей точки зрения, такое уточнение не дает оснований считать, что новое обвинение существенно изменилось по фактическим обстоятельствам.

Третью группу составляют обстоятельства, определяющие квалификацию рассматриваемых преступлений.

Для убийства эти обстоятельства могут быть самыми различными: характер умысла, вид неосторожности, мотив, цель, способ, завершенность начатого преступления, признание обвиняемого особо опасным рецидивистом при осуждении за прежние преступления, повторность, наличие беременности потерпевшей и др. Их изменение после предъявления обвинения зачастую влечет применение другого уголовного закона, а в связи с этим возникают вопросы о том, является ли обвинение более тяжким или существенно отличающимся от первоначального.

Не вызывает сомнения, что следователь, прокурор и суд вправе изменить формулировку обвинения в убийстве на другую, менее суровую, предусматривающую ответственность за убийство. Они могут также исключить отдельные эпизоды обвинения или обстоятельства, отягчающие убийство. Во всех этих случаях новую формулировку обвинения приводят в соответствие с теми данными, которые установлены предварительным следствием или судом. Такие изменения не ухудшают положения обвиняемого (подсудимого) и не нарушают его права на защиту. Это относится, например, к переквалификации действий обвиняемого (подсудимого) со ст. 102 на ст.ст. 103, 104, 105, 106 УК, со ст. 103 на ст.ст. 104, 105 и 106 УК и т.д. Однако изменить квалификацию со ст. 106 на ст. 105 УК нельзя, хотя ст. 105 и предусматривает менее строгое наказание, чем ст. 106. Это объясняется тем, что убийство при превышении пределов необходимой обороны может быть только умышленным. Изменение обвинения в совершении неосторожного убийства на обвинение в умышленном убийстве привело бы к существенному изменению формулировки обинения по фактическим обстоятельствам.

Более сложно решить вопрос о предъявлении нового обвинения, когда возникает необходимость изменить его формулировку в связи с изменением мотивов, цели, способа и иных обстоятельств убийства, предусмотренных ст. 102 УК. Имеется в виду изменение квалификации убийства с одного пункта этой статьи на другой. Здесь нельзя говорить о различной тяжести обвинения в убийстве, поскольку, если отвлечься от конкретных обстоятельств таких убийств, станет очевидно, что тяжесть обвинения по каждому из пунктов ст. 102 одинакова. Следовательно, правильное решение вопроса зависит от того, насколько

существенно по фактическим обстоятельствам изменяется обвинение и не нарушается ли право обвиняемого (подсудимого) на защиту.

Пленум Верховного суда РФ в Постановлении от 22 декабря 1992 г. разъяснил, что в соответствии со статьями 254, 339, 378 УПК суд вправе без обращения дела к доследованию изменить квалификацию действий с одного на другой пункт ст. 102 УК, если новое обвинение по своим фактическим обстоятельствам существенно не отличается от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении либо в постановлении о назначении судебного заседания, не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его права на защиту (п. 17). Пленум, таким образом, конкретизировал требования закона применительно к делам об убийстве. Это указание Пленума относится и к органам предварительного следствия, которые также не вправе изменять квалификацию убийства в указанных случаях без предъявления нового обвинения.

Иногда выясняется, что мотив убийства в момент предъявления обвинения был установлен неправильно, например, убийство совершено не из корыстных, а из хулиганских побуждений. Без предъявления нового обвинения следователь и суд не вправе изменить прежнюю формулировку обвинения. Указание в обвинительном заключении или в приговоре на другой мотив убийства приведет к тому, что новое обвинение будет существенно отличаться по фактическим обстоятельствам от прежнего.

Когда предъявлено обвинение в убийстве из хулиганских побуждений (как и по любому другому мотиву, указанному в ст. 102 УК), оно не может быть изменено на обвинение по другим признакам (например, по признаку особой жестокости или способу, опасному для жизни многих людей). Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ отменила приговор по делу Е., действия которого судом были переквалифицированы с п. "б" на п. "д" ст. 102 УК. Судебная коллегия указала на то, что в связи с существенным изменением формулировки обвинения Е. необходимо предъявить обвинение по п. "д" ст. 102 УК.

Равным образом нельзя в формулировке обвинения в умышленном убийстве заменить способ, опасный для жизни многих людей, или другой признак ст. 102 УК на любой из мотивов, названных в этой статье.

Недопустимо изменение формулировки обвинения и в том случае, когда суд приходит к выводу о совершении убийства при иных обстоятельствах, чем указано в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого. Нельзя, например, переквалифицировать действия обвиняемого (подсудимого) с п.

"г" на п. "д" ст. 102 УК, когда оказывается, что убийство совершено не с особой жестокостью, а способом, опасным для жизни многих людей. При этом были бы установлены новые обстоятельства убийства и новое обвинение, которое должно быть предъявлено. Однако в том случае, когда совершение убийства способом, опасным для жизни многих людей, было включено в формулировку обвинения, но квалифицировано неправильно по п. "г" ст. 102 УК, этот вопрос должен решаться иначе. К примеру, из постановления о предъявлении обвинения следует, что А., находясь на расстоянии 5 — 6 метров от Е., который стоял в группе своих товарищей, произвел выстрел из ружья и убил его с особой жестокостью. В последующем действия А. могли бы быть переквалифицированы с п. "г" на п. "д" ст. 102 УК без предъявления нового обвинения, поскольку в формулировке обвинения в числе обстоятельств убийства по существу содержалось указание о совершении его способом, опасным для жизни многих людей.

В тех случаях, когда обстоятельства, отягчающие убийство, относятся к характеристике личности обвиняемого или подсудимого (совершение лицом, ранее совершившим убийство, или особо опасным рецидивистом) либо характеризуют определенным образом потерпевших (совершение убийства беременной женщины, двух и более лиц), изменение квалификации действий обвиняемого или подсудимого на какой-либо из пунктов ст. 102 УК повлечет изменение формулировки обвинения. Например, не может быть изменена квалификация убийства с п. "и" на п. "з" ст. 102 УК.

При квалификации убийства по ст. 103 УК также может возникнуть вопрос об изменении формулировки обвинения, когда суд установит, что убийство было совершено по другому мотиву (например, не из ревности, а из мести на почве личных отношений) или при других обстоятельствах (например, не в ссоре и драке, а в результате неправомерного применения оружия лицом, охранявшим государственное имущество, при неисполнении потерпевшим законных требований этого лица). Поскольку ст. 103 УК имеет единую диспозицию, то вопрос о переквалификации преступления, разумеется, не возникает, но это не значит, что формулировка обвинения может неограниченно изменяться. Здесь также подлежат применению названные выше критерии. По нашему мнению, замена мотива или обстоятельства убийства, квалифицируемого по ст. 103 УК, должна признаваться существенным изменением обвинения. Иное решение вопроса нарушило бы право обвиняемого на защиту.

По общему правилу для квалификации убийства форма умысла не имеет значения. Очевидно, из этого исходила Военная

коллегия Верховного суда СССР по делу И., осужденного за умышленное убийство П., когда указала, что признание в приговоре судом совершения убийства с прямым умыслом в отличие от постановления о предъявлении обвинения, где речь шла об убийстве с косвенным умыслом, не ухудшает положения подсудимого. При этом коллегия сослалась на то, что ст.ст. 144 и 205 УПК не требуют детализации умысла, и, следовательно, указание на то, что виновный действовал с косвенным умыслом, не связывает суд в его выводах о форме умысла.

Коллегия была бы права в том случае, если бы форма умысла в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого не была детализирована. В данном случае, когда в нем уже было указано о совершении убийства с косвенным умыслом, признание совершения его с прямым умыслом отягчает положение подсудимого. Совершение убийства с прямым умыслом, по нашему мнению, при прочих равных обстоятельствах является более тяжким преступлением, чем совершение убийства с косвенным умыслом.

В тех случаях, когда суд приходит к выводу о том, что совершено покушение на убийство, а в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого было предъявлено обвинение лишь в причинении телесных повреждений, следователем должно быть предъявлено новое обвинение, хотя различие может быть "только" в оценке формы умысла.

На практике нередко возникают вопросы о возможности изменения формулировки обвинения в убийстве на обвинение в других смежных преступлениях. Признается допустимым изменение формулировки обвинения в умышленном убийстве на обвинение в причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего (в связи с тем, что санкция ч. 2 ст. 108 УК выше санкции ст. 103 УК, такая переквалификация возможна только со ст. 102 УК), в нарушении правил безопасности движения на автотранспорте (чч. 2 и 3 ст. 211 УК) либо изменение обвинения в покушении на убийство на обвинение в причинении тяжких, менее тяжких или легких телесных повреждений (ч. 1 ст. 108 и ст.ст. 109 — 112 УК) или в хулиганстве (ст. 206 УК), а также обвинения в приготовлении к убийству на обвинение в оставлении в опасности (ст. 127 УК) или в угрозе убийством (ст. 207 УК).

Из названных возможных вариантов изменения формулировки обвинения нуждается в некотором пояснении изменение обвинения в убийстве на обвинение в нарушении правил безопасности движения на автотранспорте, а также обвинения в покушении на убийство на обвинение в хулиганстве. В первом случае такое

изменение формулировки обвинения допустимо, если обстоятельства дела в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого изложены таким образом, что эта формулировка обвинения существенно не изменится. Изменение квалификации покушения на убийство на ст. 206 УК возможно только при условии, что обвиняемому вменялось в вину покушение на убийство из хулиганских побуждений (ст. 15 и п. "б" ст. 102 УК).

Обвинение в умышленном убийстве может быть изменено на обвинение в доведении до самоубийства. Это влечет изменение квалификации со ст.ст. 102 или 103 на ст. 107 УК. Однако такое изменение возможно лишь при условии, если существенно не изменится формулировка обвинения.

К четвертой группе отнесены обстоятельства, отягчающие ответственность (ст. 39 УК) за убийство. В отношении убийства здесь имеются в виду только те обстоятельства, которые отсутствуют в ст. 102 УК: совершение убийства организованной группой, из низменных побуждений (например, зависти или мести на почве личных отношений), малолетнего, престарелого лица или лица, находящегося в беспомощном состоянии, и др. Все они должны быть приняты судом во внимание при назначении наказания. Суд с их учетом вправе назначить более строгое наказание, так как они свидетельствуют о повышенной опасности совершенного преступления и личности виновного. Поэтому, когда возникает необходимость изменить формулировку обвинения, она может быть изменена только при предъявлении нового обвинения. Здесь, несомненно, речь идет о более тяжком обвинении, которое в то же время будет существенно отличаться от первоначального и по фактическим обстоятельствам.

Из обстоятельств, указанных в ст. 39 УК, исключение, по нашему мнению, необходимо сделать лишь для такого обстоятельства, как "совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление". В тех случаях, когда данное обстоятельство устанавливается после вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого по делу об убийстве, необходимость предъявления нового обвинения не возникает, если прежнее преступление не связано с совершенным убийством и упоминание о нем не включено в формулировку обвинения в обвинительном заключении и в приговоре.

Пятая группа включает обстоятельства, которые способствуют уяснению отдельных деталей убийства, а также условий, в которых преступление было совершено. В их числе: предварительная обдуманность убийства, равнодушие окружающих в момент совершения убийства, отношения обвиняемого с потерпевшим, повреждения, от которых непосредственно наступила

смерть потерпевшего, и др. Изучение практики показывает, что такие обстоятельства нередко включаются в формулировку обвинения по делам о преступлениях против жизни, хотя все они не имеют самостоятельного значения для квалификации и не относятся по закону к обстоятельствам, отягчающим ответственность. При таком положении включение их в формулировку обвинения не должно бы влечь предъявления нового обвинения. Некоторые из такого рода обстоятельств могут свидетельствовать о повышенной опасности действий подсудимого либо привести к существенным отличиям нового обвинения от первоначального. Например, если включить в формулировку обвинения указание о том, что обвиняемый (подсудимый) длительное время готовил убийство, то оно, с нашей точки зрения, ухудшит его положение, так как против такого обвинения он не защищался.

Таким образом, изменение обвинения в убийстве обязывает следователя, прокурора и суд тщательно проанализировать обвинение по отдельным его частям и в целом, сопоставить новую и прежние формулировки и только после этого с учетом конкретной специфики обстоятельств дела решить, является ли новое обвинение более тяжким или существенно отличающимся по фактическим обстоятельствам от первоначального обвинения. Правильное решение этих вопросов способствует индивидуализации ответственности лиц, совершивших убийства, и квалификации их в соответствии с точным смыслом ст.ст. 102 — 106 УК.

Глава III. УМЫШЛЕННОЕ УБИЙСТВО БЕЗ ОТЯГЧАЮЩИХ И БЕЗ СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

§ 1. Место "простого" умышленного убийства среди других видов убийства

1. Умышленное убийство, предусмотренное ст. 103 УК, или "простое" убийство, как уже отмечалось, является так называемым о с н о в н ы м составом данного вида преступлений. Поэтому именно с него целесообразно начать рассмотрение вопросов, возникающих при квалификации умышленных убийств.

По ст. 103 УК подлежит квалификации умышленное убийство, совершенное без отягчающих обстоятельств, указанных в ст. 102 УК. Эта формулировка закона недостаточно полно характеризует "простое" убийство. Для квалификации умышленного убийства по ст. 103 УК необходимо отсутствие не только

отягчающих, но и смягчающих обстоятельств, влекущих применение ст.ст. 104 и 105 УК. Сказанное дает основание считать, что более точной была бы такая формулировка ст. 103 УК: "Умышленное убийство, совершенное без отягчающих обстоятельств, указанных в ст. 102 УК, и без смягчающих обстоятельств, указанных в ст.ст. 104 и 105 УК".

В диспозиции ст. 103 в отличие от ст. 102 не приводятся конкретные признаки объективной стороны данного состава убийства. Это несколько затрудняет анализ данной статьи, а именно определение квалификации убийств, которые не подпадают под признаки ст.ст. 102, 104 и 105 УК.

2. Изучение практики показывает, что наиболее типичными для данного вида убийств являются убийства, совершенные из ревности или мести, возникшей на почве личных отношений. К простому убийству относится и часть убийств, совершенных в драке или ссоре, по мотивам зависти, трусости, а также убийства, совершенные лицами, на обязанности которых лежала особая забота об убитом (например, детоубийство), с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Кроме того, квалификации по ст. 103 УК подлежат и некоторые другие убийства, мотивы и обстоятельства которых позволяет установить изучение следственной и судебной практики.

Пленум Верховного суда РФ указал судам: "При принятии к своему производству и при рассмотрении в судебных заседаниях дел об умышленных убийствах, совершенных из ревности или мести на почве личных отношений, а также по другим мотивам, необходимо тщательно выяснять все обстоятельства совершенного убийства с тем, чтобы ни один из перечисленных в ст. 102 УК отягчающих признаков убийства не остался невыявленным и не получившим соответствующей юридической оценки"[1].

При исследовании мотивов и обстоятельств умышленного убийства, дающих основания для применения ст. 103 УК, необходимо учитывать, что они не имеют самостоятельного значения для квалификации. Например, установление мотива ревности при совершении умышленного убийства вовсе не исключает его квалификации по ст.ст. 102 или 104 УК в зависимости от наличия отягчающих либо смягчающих обстоятельств, влияющих на квалификацию. Военная коллегия Верховного суда СССР по делу А. обоснованно указала, что убийство из ревности, но способом, опасным для жизни многих лиц, подлежит квалификации по ст. 102 УК.

Вместе с тем это не означает, что мотивы и обстоятельства, при которых применяется ст. 103 УК, не должны выясняться и исследоваться по каждому уголовному делу. Они могут служить

определенным ориентиром при решении вопроса о квалификации убийства. Их анализ может помочь более глубоко и полно уяснить конкретную обстановку убийства, что важно для назначения наказания и для установления и устранения причин убийств и условий, способствующих их совершению.

§ 2. Убийство из ревности

1. Ревность как мотив умышленного убийства получила в литературе различную оценку. Так, Э.Ф. Побегайло считает, что "ревность сама по себе не является низменным побуждением"[2]. По мнению М.К. Аниянца, ревность — отвратительный пережиток прошлого, и независимо от того, по какой причине она у лица возникла, убийства на этой почве должны строго наказываться[3]. Нам представляется, что ревность как мотив убийства уже в силу данного обстоятельства заслуживает отрицательной оценки. Однако это не исключает дифференцированного подхода. Степень общественной опасности убийства из ревности, как и любого убийства, должна определяться в связи с конкретными обстоятельствами совершенного преступления. Поэтому причину возникновения ревности нельзя оставлять без внимания. Как раз при совершении убийства по мотиву ревности было бы ошибочно не учитывать роль и поведение потерпевшего перед убийством или во время его совершения. Причина возникновения ревности может влиять не только на меру наказания виновного, но и на квалификацию его действий.

Чаще всего убийства, связанные с отношениями между мужчиной и женщиной, совершаются на почве эротической ревности. Она представляет собой комплекс переживаний при действительной или подозреваемой измене любимого человека и характеризуется сложной психологической структурой, эмоциональными реакциями и состояниями (зависть, ненависть, тревога, гнев, отчаяние, жажда мести, страсть и др.), мучительными сомнениями, сложными проявлениями в интеллектуальной и волевой сферах, многообразием форм поведения, зачастую социально опасного[4], включая убийство. Но эротическая ревность, как справедливо отмечалось, может побудить и к более внимательному отношению к супругу[5].

Психиатры различают нормальную ревность, сверхценные идеи ревности и бред ревности[6]. При расследовании и судебном рассмотрении дел об убийствах необходимо выяснить характер ревности. В последних двух случаях может оказаться, что смерть причинена лицом в состоянии невменяемости. Но было бы

неправильно и ограничивать сферу, порождающую ревность. Известен ряд убийств, совершенных подростками на почве ревности в связи с тем, что родители или другие родственники относились к убитому (брату или сестре) "лучше", чем к совершившему это преступление.

2. Поводом для убийства из ревности в большинстве случаев служит мнимая или действительная измена. Ростовским областным судом А. был осужден за убийство своей сожительницы Б., которая призналась ему в том, что встречалась также с Ш. В таких случаях, правда редко, потерпевшим может оказаться соперник или соперница лица, виновного в убийстве. По приговору Кемеровского областного суда был осужден К., который, подозревая сожительницу Л. в близких отношениях со своим товарищем, убил его на почве ревности.

Встречаются и такие факты, когда убийство признается совершенным из ревности, вызванной отказом потерпевшей выйти замуж или потерпевшего жениться. Так, Б. совершила убийство Л. в связи с тем, что он обещал на ней жениться, а женился на другой женщине. Красноярский краевой суд признал убийство Л. совершенным из ревности.

Другим поводом для убийства из ревности является отказ потерпевшей от продолжения сожительства. Окружным судом Таймырского национального округа З. признан виновным в убийстве из ревности М. в связи с тем, что она после освобождения З. из тюрьмы отказалась продолжать сожительство с ним.

Вопрос об отнесении убийства за отказ от продолжения сожительства к убийству из ревности в судебной практике является спорным. В некоторых случаях такие убийства суды признают совершенными из мести. Например, Иркутский областной суд признал Ц. виновным в убийстве Ж. на почве мести в связи с тем, что она, узнав о наличии у Ц. семьи, начала его избегать и прекратила с ним близкие отношения.

По нашему мнению, такие убийства должны признаваться совершенными из ревности. Сложность решения этого вопроса состоит в том, что, как уже отмечалось, ревность при убийстве почти всегда содержит элемент злобы, порождающей месть. Поэтому убийство из ревности очень часто является и убийством из мести, когда поводом для мести служит измена или неразделенная любовь. Практически для квалификации убийства по ст. 103 УК разграничение мотивов мести на почве личных отношений и ревности не имеет значения, так как в любом случае применяется данная статья. Однако и при этом условии нельзя исключать необходимость установления действительного мотива убийства, могущего оказать влияние на назначение наказания виновному, на

установление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления, и т.д.

Во всех указанных случаях ревность выступает как низменное эгоистическое чувство, не смягчающее убийство, независимо от наличия или отсутствия оснований для ревности. Вместе с тем, в ревности как мотиве человеческого поведения много личных моментов. Иногда для ревности есть повод, иногда она плод фантазии и необоснованных подозрений, но в любом случае мотива ревности самого по себе недостаточно, чтобы убийство считать совершенным при отягчающих обстоятельствах, как это вытекало из УК РСФСР 1926г. Для применения ст. 102 УК и при наличии мотива ревности необходимы обстоятельства, предусмотренные данной статьей.

В некоторых случаях убийство из ревности может быть признано совершенным в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного циничными действиями со стороны другого лица, например, измена этого лица в присутствии виновного в убийстве.

В литературе иногда встречаются утверждения о том, что убийство из ревности якобы "совершается большей частью в состоянии физиологического аффекта"[7]. Однако изучение практики свидетельствует о том, что убийства из ревности признаются совершенными в состоянии аффекта в самых редких случаях, так как чувство ревности чаще всего развивается постепенно и возникновение умысла, по общему правилу, лишено внезапности, необходимой для применения ст. 104 УК.

§ 3. Убийство из мести, возникшей на почве личных отношений

1. При наличие мотива мести убийство подлежит квалификации по ст. 103 УК во всех тех случаях, когда исключаются месть на почве выполнения потерпевшим служебного или общественного долга и кровная месть.

"Месть — намеренное причинение зла за причиненное зло, обиду и т.п."[8]. Здесь следует уточнить, что речь идет о "причиненном зле, обиде и т.п.", которые так оцениваются субъектом, совершающим месть. Объективно действия лица, которому мстят, могут бить нейтральными, в них может не быть ни зла, ни обиды. Поэтому в данном случае речь идет о мотиве мести, возникшем у лица, совершившего убийство, на почве личных отношений. Месть возникает на почве межличностного конфликта, когда лицо отвергает возможности его разрешения путем переговоров или

обращения к арбитражу для резрешения противоречий, а предпочитает "решение" путем насильственного преступления[9].

Изучение практики показывает, что поводом для мести могут быть самые различные поступки потерпевшего. Чаще всего убийства из мести совершаются в тех случаях, когда месть возникает в результате оскорблений в ссоре и нанесения побоев. Ставропольский краевой суд осудил Б. за убийство из мести своего соседа по квартире С., который оскорбил его жену нецензурными словами, пообещав "навести в квартире порядок". По другому делу Г. был осужден за убийство Ю., с которым он накануне дрался, причем Ю. ударил его доской по голове. Верховный суд Республики Коми признал убийство совершенным из мести.

Поводом для мести и убийства по этому мотиву могут служить правомерные действия потерпевшего, направленные на то, чтобы защитить себя от виновного. Верховным судом РФ было рассмотрено дело по обвинению Т., который после освобождения из тюрьмы истязал жену, обвиняя в супружеской неверности, а затем убил ее, узнав, что она пожаловалась на него участковому инспектору милиции.

Поводом для мести и совершения убийства по этому мотиву иногда является недостойное поведение члена семьи, злоупотребляющего алкоголем и создающего невыносимие условия для совместного проживания. Московским городским судом по ст.103 УК за убийство из мести был осужден Б., 16 лет. Явившись домой в состоянии опьянения (водку пить его учил отец), Б. взял топор и, чтобы "отомстить за мать", которую отец, будучи пьяным, систематически избивал, убил его.

Поводом для мести может быть и совершение потерпевшим преступления. Так, Тверским областным судом были осуждены К. и Д. за убийство из мести подростка Н., который украл у спавшего К. часы.

Месть может возникнуть в результате таких действий потерпевшего, которые не причинили и, с точки зрения общепризнанных в обществе правил поведения, не могли причинить никакого вреда. В таких случаях чаще всего возникает необходимость отграничивать убийство из мести на почве личных отношений от убийства из хулиганских побуждений. В каждом таком случае необходимо выяснить, действительно ли был повод для мести или виновный ссылается на данное обстоятельство лишь для того, чтобы добиться более благоприятной для себя квалификации преступления.

На практике встречаются случаи, когда убийство, совершенное из мести, неправильно расценивается как убийство из хулиганских

побуждений. Так, Пленум Верховного суда СССР признал необоснованным осуждение О. за убийство из хулиганских побуждений К. Было установлено, что соседи О. и К. в течение длительного времени находились в неприязненных отношениях в связи с тем, что К. отказывался оплатить О. стоимость плодовых деревьев на отошедшем к нему от усадьбы О. садовом участке. На этой почве между ними неоднократно возникали ссоры. Однажды О., будучи в нетрезвом состоянии, взял ружье, вышел на улицу и, выстрелив в работавшего на огороде К., убил его. Пленум признал, что убийство совершено из мести на почве личных отношений и переквалифицировал действия О. на ст. 103 УК.

2. Поступки потерпевшего, породившие мотив мести, могут быть совершены как непосредственно перед убийством, так и в прошлом, возможно, задолго до убийства. В тех случаях, когда месть на почве личных отношений возникла в результате действий потерпевшего, совершенных непосредственно перед убийством, появляется необходимость в тщательном выяснении, не было ли оно совершено в состоянии аффекта или при превышении пределов необходимой обороны. На практике встречаются случаи, когда убийство квалифицируется по ст. 103 УК как совершенное из мести на почве личных отношений, хотя по всем обстоятельствам дела оно явилось непосредственной реакцией на неправомерные действия потерпевшего, дающей основание рассматривать убийство, не исключая мотива мести, совершенным в состоянии сильного душевного волнения либо с превышением пределов необходимой обороны. Так, народным судом был осужден К. за убийство А. из мести на почве личных отношений. Судом установлено, что А. и З., находясь в состоянии опьянения, напали на К., камнями и лопатами избили его, а когда К. потерял сознание, они, полагая, что он мертв, бросили его в ручей. Через несколько часов К. пришел в себя и, добравшись до общежития, обнаружил, что его вещи и документы похищены. Рабочие сообщили, что вещи взяли А. и З., в связи с чем К. подошел к А., лежащему на кровати, и потребовал вернуть похищенное. А., не вставая с места, ответил ему нецензурной бранью и ударил К. ногой в живот. К., схватив со стола нож, нанес им А. несколько ударов, повлекших смерть последнего. Вышестоящий суд обоснованно признал, что А. совершил убийство в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Ошибки, допускаемые в таких случаях, объясняются тем, что органы следствия и суды не всегда глубоко анализируют действия потерпевшего, который дает повод для совершения преступления, расценивая действия виновного лишь как месть, возникшую на почве личных отношений. Однако мотив мести в подобных ситуа-

циях не имеет никакого значения для квалификации совершенного убийства.

§ 4. Убийство в драке или ссоре

1. Изучение практики показывает, что значительная часть убийств, совершенных в драке или ссоре, квалифицируется по ст. 103 УК. Иногда практические работники даже высказывают мнение о том, что убийство в драке или ссоре во всех случаях влечет применение этой статьи. Это можно объяснить только недоразумением. Очевидно, что убийство в ссоре или драке "прямо" не предусмотрено ст. 103 УК., и, кроме того, совершение убийства при этих обстоятельствах допускает и иную квалификацию. Только при отсутствии отягчающих обстоятельств такие убийства подлежат квалификации по ст. 103 УК. Убийство в драке или ссоре само по себе не исключает также наличия обстоятельств, дающих основания расценивать такие убийства как совершенные в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения или с превышением пределов необходимой обороны либо по неосторожности. При наличии этих признаков убийство в драке или ссоре должно квалифицироваться соответственно по ст.ст. 104, 105 или 106 УК. В тех же случаях, когда умышленное лишение жизни в драке совершено в состоянии необходимой обороны без превышения ее пределов, оно не содержит состава преступления.

При решении вопроса о квалификации убийств, совершенных в драке или ссоре, прежде всего необходимо исходить из того, каковы мотивы убийства, так как ссора или драка не исключает наличия мотивов, влекущих признание убийства совершенным при отягчающих обстоятельствах. Драка или ссора нередко оказывается лишь поводом для того, чтобы обострить отношения с потерпевшим, а затем совершить убийство.

2. Чаще всего при рассмотрении дел об убийствах в драке или ссоре возникает вопрос об отграничении их от убийств из хулиганских побуждений. Разграннчение этих преступлений очень часто ставится в зависимость от того, кто был зачинщиком драки или ссоры. Некоторые судьи полагают, что если зачинщик драки или ссоры оказывается потерпевшим, то убийство должно квалифицироваться по ст. 103 УК. В тех же случаях, когда убийство совершает зачинщик, оно якобы относится к совершенным из хулиганских побуждений.

Так, Президиум Верховного суда РФ при рассмотрении дела по обвинению С., осужденного за убийство из хулиганских

побуждений, при изменении квалификации преступления сослался на то, что убийство было совершено С. в драке, зачинщиком которой он не являлся. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ при изменении приговора в отношении Л., осужденного за убийство из хулиганских побуждений, признала квалификацию преступления неправильной, так как убийство Л. совершено во время ссоры, инициатором которой был потерпевший. Не оспаривая правильности позиции Верховного суда по этим делам, вряд ли можно согласиться с таким разрешением вопроса в принципе. Как драка, так и ссора независимо от того, кто является зачинщиком, может повлечь убийство, совершенное при наличии признаков ст. 102 УК. Следовательно, при отсутствии отягчающих обстоятельств убийство в драке или ссоре, независимо от того, по чьей инициативе она возникла, должно квалифицироваться по ст. 103 УК.

По некоторым делам суды в обоснование применения ст. 103 при убийстве в драке ссылаются на то, что она была "обоюдной", т.е. виновный и потерпевший наносили друг другу побои. Такое же мнение неоднократно высказывалось в литературе. Б.В. Харазишвили утверждает, что умышленное убийство, если оно явилось результатом обоюдной драки, всегда должно квалифицироваться по ст. 103 УК[10]. По существу об этом же говорится в одном из комментариев к УК РСФСР[11]. Приведенные рекомендации представляются неправильными. В действительности это обстоятельство также не имеет решающего значения для квалификации, поскольку убийство и при "обоюдной" драке может быть совершено при отягчающих обстоятельствах. Убийство в "обоюдной" драке может оказаться совершенным и в состоянии аффекта, и при превышении пределов необходимой обороны.

В дореволюционной литературе подчеркивалось, что убийство можно считать совершенным в драке или ссоре только в том случае, если убитый был участником драки или ссоры. Кроме того, обращалось внимание на необходимость тщательного исследования обстоятельств убийства в драке или ссоре, поскольку при таких обстоятельствах не исключено совершение убийства по неосторожности[12].

Некоторые практические работники ставят знак равенства между "дракой" и "ссорой", с одной стороны, и мотивом — с другой. Это ошибочное мнение. "Драка" и "ссора" — всего лишь обстоятельства убийства, бесспорно совершенного по какому-то определенному мотиву. Анализ мотивов убийств "в драке" и "ссоре" показывает, что они оказываются самыми различными. Так, это могут быть хулиганские побуждения, корысть, ревность,

месть, трусость, зависть, желание избавиться от мужа-пьяницы, желание облегчить вступление в брак и т.п.

Подводя итог сказанному о квалифации убийств во время драки или ссоры, необходимо подчеркнуть, что важно не механически констатировать наличие драки или ссоры, обращающих прежде всего на себя внимание по делу об убийстве, а выяснять мотивы и действительные обстоятельства совершенного преступления. Драка или ссора при убийстве сами по себе без учета конкретных обстоятельств дела не являются решающими признаками для квалификации преступления. Очевидно, поэтому закон не называет драку или ссору в числе обстоятельств, влияющих на квалификацию убийства.

§ 5. Убийство матерью своего новорожденного ребенка

1. Принятый в литературе термин "детоубийство" охватывает, если понимать его буквально, убийство любого ребенка любым лицом и не только умышленно, но и по неосторожности. Имея в виду условность термина, мы используем его для характеристики умышленного убийства матерью своего новорожденного ребенка.

Вопрос о квалификации детоубийства в российском уголовном законодательстве решается следующим образом. Действующий УК РФ не выделяет это преступление в самостоятельный состав. При отсутствии отягчающих обстоятельств детоубийство, совершенное умышленно, подлежит квалификации по ст. 103 УК. В отличие от этого, в проекте нового УК РФ предусматривается самостоятельный состав: "умышленное убийство матерью своего новорожденного ребенка во время родов или непосредственно после них"[13]. Нет единого мнения но данному вопросу в литературе. Одни авторы приходят к выводу о том, что оснований для отнесения детоубийства к менее опасному виду убийства не имеется[14]. Другие высказываются за выделение детоубийства в самостоятельный состав убийства при смягчающих обстоятельствах[15].

По нашему мнению, более правильную позицию занимают те авторы, которые отрицают необходимость выделения самостоятельного состава преступления — детоубийство. Известно, что основанием для выделения детоубийства в самостоятельный состав преступления является то, что женщина во время родов нередко оказывается в тяжелом состоянии, влияющем на психику. Именно такое состояние женщины при детоубийстве признается смягчающим обстоятельством. Это правильно. Но

вместе с тем, необходимо отметить, что далеко не каждое детоубийство совершается при данных смягчающих обстоятельствах. Поэтому относить заранее все детоубийства к совершенным при смягчающих обстоятельствах вряд ли верно. Это ослабляет борьбу с данным видом преступления. Признание детоубийства простым убийством дает возможность дифференцированно подходить к каждому случаю.

Изучение следственной и судебной практики по делам о детоубийстве показывает, что в большинстве случаев это преступление совершается преднамеренно, когда виновная заранее готовится избавиться от ребенка и с этой целью скрывает беременность. По приговору Пензенского областного суда, например, была осуждена А., 22-х лет, за детоубийство. А. тщательно скрывала беременность, а затем, родив ребенка в сарае, задушила его, отнесла на кладбище, зарыла в могилу, но была задержана. По другому делу Белоевским районным народным судом Пермской области была осуждена за детоубийство П., 34-х лет, мать двоих детей. Суд установил, что до дня родов П. неоднократно предлагалось зарегистрироваться в женской консультации и пойти в декретный отпуск, но она отказывалась делать это, уверяя, что не беременна. По показаниям свидетелей, П. находилась в таком состоянии, что могла оказать ребенку необходимую помощь. Это же подтвердил врач, осматривавший П. в день родов. Детоубийство при подобных обстоятельствах, когда виновная заранее к нему готовится, было бы неправильно признавать совершенным при смягчающих обстоятельствах.

Детоубийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах, должно квалифицироваться по ст. 102 УК. В России судебная практика идет по этому пути. Так, по приговору Белгородского областного суда за детоубийство была осуждена Ф. В связи с тем, что она ранее совершила умышленное убийство, ее действия были квалифицированы по п. "и" ст. 102 УК как повторное убийство. В то же время убийство матерью своего ребенка вследствие временного стечения тяжелых личных и семейных обстоятельств не может рассматриваться как убийство при отягчающих обстоятельствах и, в частности, совершенное из корысти. Оно подлежит квалификации по ст. 103 УК.

2. Для правильной квалификации детоубийства первостепенное значение имеет отграничение его от аборта. Если следовать тексту статьи проекта УК, то при детоубийстве речь пойдет (в случае принятия проекта УК) о лишении жизни новорожденного. Однако существенное значение имеет не только это, но и другое указание о том, что детоубийство может быть совершено как непосредственно после родов, так и во вре-

мя родов. В связи с этим возникает вопрос: можно ли отнести к детоубийству лишение жизни младенца до начала его дыхания или даже до появления на свет? На этот вопрос в нашем законодательстве ответа нет. Законодательство некоторых стран содержит по этому вопросу исчерпывающие указания. В Уголовном кодексе Индии предусмотрено, что "причинение смерти ребенку в утробе матери не является убийством. Но причинение смерти живому ребенку, если какая-либо его часть появилась из утробы, хотя бы ребенок и не начал дышать или неполностью родился, может рассматриваться как убийство"[16]. Не все криминалисты дают на данный вопрос одинаковый ответ. М.Д. Шаргородский начало жизни человека связывал с началом дыхания и с моментом отделения пуповины[17]. В то же время он писал, что, если умышленное лишение жизни ребенка произошло во время родов, иногда возможно квалифицировать его как убийство, если часть ребенка уже вне утробы матери[18].

Более последовательную позицию по этому вопросу занимал А.А. Пионтковский, полагавший, что "следует рассматривать как детоубийство не только убийство новорожденного после отделения плода от утробы матери и начала самостоятельной жизни ребенка, но и убийство, совершенное во время родов, когда рождающийся ребенок еще не начал самостоятельной внеутробной жизни (например, нанесение смертельной раны в голову рождающемуся ребенку до того момента, когда он начнет дышать)"[19]. Очевидно, что мать, причиняющая смерть рождающемуся ребенку, сознает, что ее действия направлены на лишение жизни человека, а не на прерывание беременности. Такое решение вопроса принципиально правильно, оно способствует усилению уголовно-правовой охраны человеческой жизни.

3. Детоубийство необходимо отграничивать от других видов убийства. Правильное решение этого вопроса, по действующему законодательству, имеет значение для оценки общественной опасности совершенного преступления, для назначения меры наказания, устранения условий, способствовавших совершению преступления, и т.п.

Если исходить из упомянутой статьи проекта УК, то она ограничивает совершение данного преступления небольшим промежутком времени, который подлежит определению в каждом конкретном случае. От этого будет зависеть разграничение квалификации рассматриваемых смежных преступлений, предусматривающих возможность различной квалификации убийства ребенка.

Изучение дел о детоубийстве показывает, что к этому преступлению относятся такие убийства, которые совершены сразу

же после рождения ребенка, когда не предпринимается никаких мер к отделению от пуповины и к кормлению, т.е. вся обстановка свидетельствует о том, что для сохранения жизни новорожденного не принималось никаких активных мер.

Когда же мать предприняла меры к сохранению жизни ребенка, а затем совершила убийство, его нельзя, по нашему мнению, признать совершенным непосредственно, тотчас, сразу же после родов, поэтому не следует относить к убийству матерью новорожденного ребенка. Например, Свердловский областной суд действия Ж. и других, совершивших убийство 8-дневного ребенка, квалифицировал по п. "г" ст. 102 УК. В таком случае вообще нельзя считать, что виновная в момент совершения убийства находится в том исключительном состоянии, которое вызывается родами. При убийстве в подобных случаях используется беспомощное положение потерпевшего, которое не может быть отнесено к признаку, характеризующему только убийство матерью новорожденного ребенка.

§ 6. Другие виды умышленного убийства без отягчающих обстоятельств

1. К умышленному убийству, предусмотренному ст. 103 УК, относятся и некоторые другие виды убийств, которые в следственной и судебной практике встречаются сравнительно редко.

Совершение убийства с использованием беспомощного состояния потерпевшего, помимо детоубийства, в некоторых случаях также квалифицируется по ст. 103 УК. Это состояние сна или опьянения потерпевшего, которое использует виновный для совершения убийства. В таких случаях убийство не может быть признано совершенным при отягчающих обстоятельствах. Президиум Верховного суда РФ признал правильным приговор Омского областного суда по делу К., совершившего убийство зятя, находившегося в состоянии опьянения, указав, что использование беспомощного состояния потерпевшего не названо в ст. 102 УК в качестве отягчающего обстоятельства и в связи с этим действия К. правильно квалифицированы по ст. 103 УК.

При квалификации убийств как совершенных с использованием беспомощного состояния потерпевшего необходимо особое внимание уделять установлению мотивов, по которым совершено убийство. Так, Пермский областной суд осудил С. за убийство Ш., признав, что оно совершено с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Данное убийство совершено при следующих обстоятельствах. С. и Ш., находясь оба

в нетрезвом состоянии и работая на заготовке древесины, подрались между собой, после чего С. убежал в лес. Возвратившись через некоторое время, он увидел спавшего на телеге Ш. "Имея обиду и личные неприязненные отношения к нему, на почве мести" С. ударил Ш. топором по голове, совершив убийство. В этом случае выявленный мотив не мог повлечь другой квалификации, однако областной суд правильно оттенил его в приговоре.

Вместе с тем встречаются убийства с использованием беспомощного состояния, совершаемые по мотивам корысти или хулиганских побуждений, а также при иных обстоятельствах (например, особая жестокость), исключающих применение ст. 103 УК.

2. Убийство, совершенное виновным в связи с неправомерными действиями потерпевшего, которые, однако, исключают применение ст.ст. 104 и 105 УК, также квалифицируется по ст. 103 УК.

Президиум Верховного суда РФ, например, признал неправильно квалифицированными действия М., осужденного за убийство из хулиганских побуждений сельского исполнителя П. Было установлено, что М. ударил П. палкой по голове, в результате чего наступила его смерть. Действия М. были вызваны тем, что П. и трое его приятелей ночью, не имея каких-либо законных оснований, силой проникли в квартиру М., произвели обыск и угрожали ему арестом. Отвергнув утверждение суда о том, что М. действовал из хулиганских побуждений, Президиум расценил совершенное преступление как умышленное убийство без отягчающих обстоятельств.

3. К данному виду убийства могут относиться также убийства, совершенные в результате неправомерного применения оружия представителем власти либо лицом, охраняющим государственное или общественное имущество, при неисполнении потерпевшим их законных требований.

По ст. 103 УК подлежат квалификации и те убийства, которые оказываются совершенными при преждевременной обороне. В этих случаях отсутствует нападение, следовательно, такое убийство не может быть признано совершенным как в состоянии необходимой обороны, так и при превышении ее пределов*.

4. Убийство из трусости человека, ошибочно принятого виновным за нападающего преступника, следует квалифицировать по ст. 103 УК. Так были квалифицированы действия Г., который, проходя поздно вечером по тропинке на дне оврага и встретив шедших из кино З. и Л. , убил последнего ударом перочинного ножа в грудь, предполагая, что "они могут напасть на него и ограбить". Чтобы

* См. гл. Y

признать такие действия "простым" убийством, необходимо установить, что допущенная при этом ошибка не дает основания для признания неосторожного или случайного причинения смерти либо что эти действия не могут быть приравнены к совершению убийства при превышении пределов необходимой обороны.

5. По ст. 103 УК может быть квалифицировано убийство, совершенное при проведении научного эксперимента, при испытаниях изобретений. К этим же убийствам, по нашему мнению, должны относиться убийства, связанные с изъятием органов или тканей для трансплантации у человека, обреченного на близкую смерть, но когда она еще не наступила и не зафиксирована в порядке, установленном законом "О трансплантации органов и тканей человека", введенным в действие с 1 апреля 1993 г.[20].

Для таких ситуаций важно подчеркнуть необходимость тщательного анализа субъективной стороны преступления. Разумеется, во всяком случае должны быть установлены косвенный умысел на совершение убийства, а также отсутствие отягчающих и смягчающих обстоятельств.

6. В судебной практике встречаются так называемые безмотивные убийства. Такие убийства иногда необоснованно признаются совершенными из хулиганских побуждений только в связи с тем, что мотив убийства не установлен. По приговору Верховного суда Республики Саха (Якутия) З. был осужден за убийство Д. из хулиганских побуждений. Суд установил, что приятели Д. и З. — работники геологоразведочной партии — целый день пили в палатке спирт. К вечеру из палатки вышел З. и заявил проходившему повару, что он выстрелил в Д. из мелкокалиберной винтовки, и попросил посмотреть, что с ним. Д. через некоторое время умер от полученной раны живота. Допрошенный по поводу убийства З. не отрицал совершения преступления, но утверждал, что в связи с сильным опьянением не помнит, что послужило поводом для убийства. Ни в стадии расследования, ни в судебном заседании мотивы убийства установлены не были. Исходя из этого, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ признала, что отягчающие обстоятельства убийства не установлены, и изменила приговор. С таким решением вопроса нельзя не согласиться. По нашему мнению, во всех случаях, когда мотивы убийства остались невыясненными и нет возможности восполнить этот пробел, действия виновного при отсутствии отягчающих обстоятельств, влекущих применение ст. 102 УК, в соответствии с диспозицией ст. 103 УК подлежат квалификации по этой статье.

7. К умышленному убийству, подлежащему квалификации по ст. 103 УК, относятся убийства по согласию потерпевшего, поскольку его согласие само по себе не имеет юридического

значения и не устраняет уголовной ответственности. К такому убийству относится и убийство "по договору", когда два лица соглашаются вместе уйти из жизни, а затем один из них отказывается это сделать. Так, К. и М. договорились покончить жизнь самоубийством, поскольку были "непреодолимые" препятствия для рождения и воспитания ребенка у беременной М. В сарае К. изготовил две веревочные петли. Первой повесилась М. при помощи К. Он убрал из-под ее ног ящик. Затем же К. "раздумал" приводить договоренность в исполнение. Его действия Курганским областным судом были квалифицированы по ст. 103 УК.

От убийства по "договору" следует отличать убийства из сострадания, когда, например, виновный выполняет просьбу тяжело больного человека о лишении его жизни. По УК РСФСР 1922 г., в первоначально утвержденной редакции (ст. 143), предусматривалось освобождение от уголовной ответственности за причинение смерти из сострадания. Однако через шесть месяцев после утверждения УК эта статья была из него изъята. Но случилась другая крайность: в УК не была включена статья, предусматривающая ответственность за убийство из сострадания, которая предусматривала бы пониженную санкцию за это преступление. Предложения об этом не были учтены[21].

Внимательное изучение проблемы эфтаназии привело нас к выводу о несправедливости такого решения. Ведь в подобных случаях речь идет не просто об убийстве по согласию потерпевшего, а о выполнении желания (безусловно добровольного) тяжело больного лица уйти из жизни, чтобы избавиться от страданий. Мы полагаем, что в новом УК необходимо предусмотреть ответственность за убийство из сострадания как за привилегированное убийство, т. е. совершенное при смягчающих обстоятельствах[22]. Квалификация убийства из сострадания по ст. 103 УК представляется юридически неточной и несправедливой.

Глава IY . УМЫШЛЕННОЕ УБИЙСТВО ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

§ 1. Общая характеристика обстоятельств, отягчающих умышленное убийство

1. В истории российского законодательства наиболее тяжкими в разное время признавались различные виды умышленных убийств. Например, "убийство в разбое" по Русской правде; убийство путем отравления по Уложению Алексея Михайловича; родственное убийство, особенно отца или матери, по Своду законов Российс-

кой Империи (1832 г); предумышленное убийство с заранее обдуманным умыслом по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.)

Выявление отягчающих обстоятельств умышленных убийств по действующему УК имеет важное значение для правильной квалификации, а затем и для наказания виновного.

Российскому уголовному законодательству в настоящее время известны два вида обстоятельств, отягчающих ответственность. Одни из них имеют значение для определения наказания лицу, совершившему преступление (ст. 39 УК), другие — выступают как признаки конкретного состава преступления, влияющие на его квалификацию. Сопоставление отягчающих ответственность обстоятельств, названных в ст. 39 УК, с обстоятельствами, влияющими на квалификацию отдельных преступлений, показывает, что первые служат как бы юридической базой, определяющей направленность вторых. Иными словами, отягчающие обстоятельства, названные в Общей части Уголовного кодекса, конкретизируются в отдельных составах Особенной части. Это относится в полной мере и к обстоятельствам, отягчающим ответственность за умышленное убийство. Например, такие обстоятельства из числа названных в ст. 39 УК, как совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, совершение преступления из корыстных или иных низменных побуждений, причинение преступлением тяжких последствий, совершение преступления с особой жестокостью или издевательством над потерпевшим, совершение преступления общеопасным способом сформулированы в ст. 102 УК с необходимой детализацией применительно к убийствам, с учетом специфики этих преступлений.

Вместе с тем было бы неправильно считать, что обстоятельства, влияющие на квалификацию, по своему характеру имеют подчиненное значение по отношению к обстоятельствам, названным в Общей части Уголовного кодекса. По своей правовой природе они, несомненно, самостоятельны. Более того, обстоятельства, влияющие на квалификацию преступления, по нашему мнению, исключают, при их наличии, применение по конкретному делу при назначении наказания аналогичных обстоятельств, упомянутых в ст. 39 УК[1]. Это объясняется тем, что квалифицирующие обстоятельства являются признаками состава преступления и тем самым позволяют дифференцировать общественную опасность по сравнению с той, которая выражена признаками основного состава преступления[2]. Имеется в виду ст. 103 УК.

2. По сравнению с другими видами убийств, умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах представляют особую опасность для общества. Положение усугубляется еще и тем, что

вместе с ростом числа убийств в целом за последние годы, о чем уже говорилось, неуклонно увеличивается и количество умышленных убийств, предусмотренных ст. 102 УК. По данным Верховного суда РФ число осужденных по этой статье увеличилось в 1989 г. по сравнению с предыдущим годом на 12%, в 1990 — на 35,2 %, в 1991 — на 15,5 %, в 1992 — на 23 %. Складывающаяся ситуация заставляет следователей и судей с повышенным вниманием относиться к выявлению обстоятельств, отягчающих умышленные убийства.

Признание тех или иных обстоятельств, при которых совершается умышленное убийство, отягчающими и оказывающими влияние на его квалификацию определяет направленность борьбы с этими преступлениями. Действующее законодательство определяет обстоятельства, отягчающие умышленное убийство, исходя из необходимости обеспечения наиболее эффективной охраны жизни любого гражданина.

Каждое из обстоятельств, указанных в ст. 102 УК, имеет самостоятельное значение. Поэтому недопустимо, когда отдельные следователи и судьи при квалификации действий лица, виновного в совершении умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах, признают достаточным применение одного из пунктов ст. 102 УК, хотя устанавливают не одно, а несколько отягчающих обстоятельств, указанных в этой статье.

Иногда такие ошибки пытаются оправдать тем, что применение одного или двух-трех пунктов ст. 102 УК якобы не влияет на исход дела, ибо эта статья имеет единую санкцию. Последнее, конечно, верно, но с утверждением о том, что неправильная квалификация и при этом условии не влияет на исход дела, согласиться нельзя. В действительности подобная постановка вопроса неизбежно ведет к упрощенчеству. Поэтому Пленум Верховного суда РФ в п. 14 постановления от 22 декабря 1992 г. обоснованно указал, что умышленное убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных двумя и более пунктами ст. 102 УК, должно квалифицироваться по всем этим пунктам. При ином подходе суд при вынесении приговора будет лишен возможности оценить все существенные обстоятельства дела и прежде всего квалифицирующие признаки совершенного преступления. Это в свою очередь повлечет назначение более мягкого наказания виновному по сравнению с тем, которого он заслуживает. Только квалификация всех действий виновного позволяет всесторонне оценить общественную опасность совершенного убийства и с учетом данных о его личности назначить справедливое наказание.

3. Из сказанного следует, что в тех случаях, когда умышленное убийство совершено при отягчающих обстоятельствах, указанных в двух или более пунктах ст. 102 УК, для правильной юридической

оценки такого убийства должны быть указаны все эти пункты. На практике нередко возникает необходимость квалификации умышленного убийства не по одному, а по нескольким пунктам данной статьи. В связи с этим возникает вопрос о том, возможна ли любая совокупность обстоятельств, отягчающих умышленное убийство, при квалификации его по ст. 102 УК. На него следует ответить отрицательно. Нельзя квалифицировать убийство по совокупности пп. "а", "б", "в","е", "к" и "м" ст. 102 УК в любом сочетании этих обстоятельств, характеризующих мотив и цель деятельности виновного. Дело в том, что каждое убийство совершается по какому-то одному мотиву или цели, которые определяют в конкретном случае действия виновного. В литературе правильно подчеркивалось, что лицо, совершая преступление, всегда подчиняет свое поведение какому-либо одному мотиву, который и определяет смысл и содержание как цели, так и совершенных действий[3]. Например, убийство из корыстных побуждений нельзя одновременно признать совершенным из хулиганских побуждений.

Анализируя обстоятельства конкретного уголовного дела, Э.Ф. Побегайло допускает квалификацию убийства по совокупности пп. "б" и "в" ст. 102 УК. К сожалению, он не приводит каких-либо обоснований[4]. По соображениям, которые высказаны нами выше, его позицию нельзя признать убедительной. Не подтверждается она и в судебной практике. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ при рассмотрении дела по обвинению В., в том числе и по ст. 15 и пп. "б" и "в" ст. 102 УК пришла к выводу о том, что, если умысел лица был направлен на убийство потерпевшего в связи с пресечением последним совершенного этим лицом злостного хулиганства, дополнительной квалификации таких действий по п. "б" ст. 102 УК не требуется. Поэтому из приговора п. "б" ст. 102 УК был исключен.

Равным образом, несовместима с указанными мотивами цель сокрытия или облегчения преступления либо изнасилования потерпевшей. Мотив и цель тесно связаны между собой. Цели всегда соответствует определенный мотив, которым определяются действия виновного при совершении убийства. Критически оценивая позицию Э.Ф. Побегайло, который допускает также совокупность пп. "в" и "е" ст. 102 УК, А.В. Наумов правильно пишет, что цель скрыть следы преступления (п. "е") предполагает зачастую такой мотив, как желание избежать уголовной ответственности. Мотивы же убийства в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга иные: месть за общественно полезную деятельность потерпевшего, недовольство этой деятельностью или стремление воспрепятст-

вовать ей. Поэтому убийство не может быть одновременно квалифицировано по п. "в" и по п. "е" ст. 102 УК[5].

Что касается других отягчающих обстоятельств (пп. "г", "д", "ж", "з", "и", "л" ст. 102 УК), то их совокупность с определенными мотивом и целью при совершении убийства возможна, причем допустимы любые сочетания.

Разумеется, при такой квалификации возникают вопросы о разграничении, например, пп. "г" и "д", или пп. "з" и "и", или пп. "и" и "л" ст. 102 УК, которые разрешаются в соответствии с признаками, характерными для того или иного вида убийства, предусмотренного данной статьей.

4. Для общей характеристики обстоятельств, отягчающих умышленное убийство, а также для уяснения их сущности, определенное значение имеет их классификация. Большинство авторов классифицирует отягчающие обстоятельства по элементам состава преступления[6]. Этим делается попытка дать систематическое изложение отягчающих обстоятельств и подчеркнуть, что они тесно связаны с составом преступления.

Н.И. Загородников предложил другую классификацию отягчающих обстоятельств умышленного убийства, подразделив их на обстоятельства, характеризующие: 1) мотивы и цели, квалифицирующие убийство; 2) индивидуальные черты личности преступника как квалифицирующие признаки особо опасного умышленного убийства; 3) способ действия и последствия как признаки квалифицированного убийства[7]. Он отступил от принятой большинством авторов классификации обстоятельств, отягчающих умышленное убийство, исключив как признак классификации объект преступления. С этим нельзя не согласиться, поскольку ни одно из обстоятельств, отягчающих умышленное убийство, не может быть отнесено к объекту преступления. Такие отягчающие обстоятельства, как убийство "женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности" либо "двух или более лиц", относятся к характеристике потерпевшего, но вовсе не к характеристике обьекта убийства. Объект преступления при совершении любого убийства остается без изменения и сам по себе не может отягчать (как и смягчать) данное преступление. Эти отягчающие обстоятельства умышленного убийства относятся к объективным свойствам преступления, так же как "особая жестокость" и "способ, опасный для жизни многих людей".

Вместе с тем, классификация отягчающих обстоятельств умышленного убийства, предлагаемая Н.И. Загородниковым, не может быть принята в остальной части.

С нашей точки зрения, неправильно разрывать характеристику отягчающих обстоятельств, относящихся к субъективной стороне

и к субъекту убийства. Отягчающие обстоятельства, характеризующие субъективную сторону, — это мотивы, которыми руководствуется виновный, либо цель, которую он ставит перед собой, совершая убийство. Например, корыстный мотив убийства в равной степени относится к характеристике и субъективной стороны и субъекта. Цель скрыть другое преступление путем совершения убийства характеризует субъекта преступлення не в меньшей степени, чем его субъективную сторону. В то же время данные, характеризующие личность виновного, как отягчающие обстоятельства убийства нельзя рассматривать в отрыве от субъективной стороны преступления, в которой отражается психическое отношение субъекта к содеянному.

Исходя из этого, мы полагаем, что обстоятельства, отягчающие умышленное убийство, относящиеся к субъективным свойствам убийства и к личности виновного, следует рассматривать в одной группе.

Таким образом, обстоятельства, отягчающие умышленное убийство по действующему УК, правильнее объединить в две группы:

1) обстоятельства, характеризующие субъективные свойства убийства и личность виновного (совершение убийства: из корыстных побуждений; из хулиганских побуждений; в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга; с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием; лицом, ранее совершившим умышленное убийство, за исключением убийства, предусмотренного ст.ст. 104 и 105 УК; на почве кровной мести; особо опасным рецидивистом; на почве национальной или расовой вражды или розни; по предварительному сговору группой лиц);

2) обстоятельства, характеризующие объективные свойства убийства (совершение убийства: с особой жестокостью; способом, опасным для жизни многих людей; женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности; двух или более лиц).

Предложенная нами классификация отягчающих обстоятельств умышленного убийства получила поддержку в литературе[8].

5. Два из включенных в опубликованный проект УК новых отягчающих обстоятельств убийства (убийство "по предварительному сговору группой лиц" и "на национальной или религиозной почве") с некоторыми редакционными поправками включены в действующий УК*.

---

* См. § 2 гл. IY

В качестве варианта проект УК предлагает включить в число отягчающих обстоятельств совершение умышленного убийства "малолетнего, отца или матери". Мы поддерживаем дополнение будущего УК этими признаками убийства. Такая норма имела бы глубокий нравственный смысл. В отношении убийства малолетнего далее будет приведена соответствующая аргументация.

Что касается убийства отца или матери, то заметим, что уголовное законодательство многих стран считает его особо тяжким убийством (например, ст. 116 УК Болгарии, ст. 464 УК Румынии, ст. 299 УК Франции). Такой же позиции придерживалось дореволюционное российское законодательство (ст. 1449 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных). Н.С. Таганцев, исследовавший данный признак умышленного убийства у древних народов, писал, что родителеубийство считалось самым тяжким преступлением в законодательстве Египта, Индии, Китая, Иудеи, Рима, а также во всех средневековых законодательствах[9].

Основное возражение против данного предложения сводится к тому, что встречаются убийства родителей-алкоголиков, которые своим поведением вынуждают детей к совершению таких крайних действий, как убийства. Однако данный довод неубедителен, поскольку проект УК на этот случай содержит нормы об убийстве при смягчающих обстоятельствах, которые, как будет показано, подлежат преимущественному применению. Кроме того, у суда всегда есть возможность назначить в таких случаях наказание ниже низшего предела.

§ 2. Отягчающие обстоятельства, характеризующие субъективные свойства убийства и личность виновного

Убийство из корыстных побуждений (п. "а" ст. 102 УК)

1. Корысть — это и общее отягчающее ответственность обстоятельство при совершении преступлений (п. 3 ст. 39 УК), и квалифицирующий признак ряда преступлений, в том числе и убийств. Корыстный мотив характерен прежде всего для имущественных преступлений. Но закон не связывает понятие корысти только с преступлениями против собственности. В ст.ст. 124, 125, 170 и некоторых других статьях Уголовного кодекса говорится о корыстной цели, о корыстной заинтересованности, о корыстных побуждениях, хотя речь идет о злоупотреблении опекунскими обязанностями, похищении чужого ребенка, злоупотреблении служебным положением и т.д. Вместе с тем необходимо подчер-

кнуть, что корысть присуща далеко не всем преступлениям. Трудно согласиться с Б.С. Волковым, который считает, что "в Уголовном кодексе вряд ли можно найти преступление, отправной побудительной причиной которого не могла бы выступать корысть... стремление отдать предпочтение своему личному материальному интересу, а не общественному, получить какую-то материальную выгоду, пользу для удовлетворения этого интереса"[10]. Представляется, что корысть присуща только тем преступлениям, при совершении которых виновный стремится получить материальную выгоду. Нельзя, например, говорить о корысти как "отправной побудительной причине" совершения половых преступлений.

Для правильной квалификации убийства из корыстных побуждений важное значение имеет раскрытие содержания этих побуждений.

По нашему мнению, корыстный мотив при убийстве охватывает материальную выгоду в самом широком смысле. Ее нельзя сводить только к завладению имуществом и деньгами, хотя, как показывает практика, убийство из корыстных побуждений чаще всего совершается для того, чтобы завладеть имуществом и деньгами. Корысть при убийстве — это не только приобретение материальной выгоды, завладение тем, чем не обладал виновный до убийства, но и стремление избавиться от каких-либо материальных затрат сейчас или в будущем, сохранить материальные блага, с которыми придется расстаться на законном основании.

В 1992 — 1993 гг. появились так называемые "квартирные убийства". Пенсионерам, а иногда и алкоголикам предлагается пожизненное содержание за завещание или дарственную на их квартиру. После оформления соответствующих документов владельцы квартир оказываются в числе без вести пропавших граждан. Чаще всего выясняется, что они убиты из корыстных побуждений с целью завладения квартирой.

Судебная практика знает и такого рода случаи, когда корыстное убийство совершается с целью удержания или получения ценностей, распределение которых законом не регулируется, например, при дележе похищенного имущества.

Пленум Верховного суда РФ в п. 5 постановления от 22 декабря 1992 г. "О судебной практике по делам об умышленных убийствах" разъяснил, что по п. "а" ст. 102 УК следует квалифицировать умышленное убийство, совершенное в целях получения материальной выгоды (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь, вознаграждения от третьих лиц и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.).

Корыстным убийство признается независимо от того, кто оказывается потерпевшим: владелец имущества (иных ценностей) или лицо, у которого оно находилось в пользовании либо которому его передали на хранение. Потерпевшим может оказаться лицо, со смертью которого виновный надеется получить какие-то права имущественного характера. Военная коллегия Верховного суда СССР, основываясь на ст. 531 ГК, обратила внимание на то, что убийца не может наследовать имущество убитого им лица[11].

Для признания убийства совершенным из корыстных побуждений не имеет значения, кто может получить материальную выгоду: сам виновный или его близкие, например члены семьи, иные лица, в судьбе которых он заинтересован[12].

Таким образом, *корыстные побуждения при убийстве характеризуются стремлением виновного извлечь в результате преступления материальную выгоду, в том числе освободиться от материальных затрат для себя или для других лиц в судьбе которых он заинтересован.*

2. Вопрос о форме умысла при убийстве из корыстных побуждений необходимо решать в зависимости от того, подпадает ли данное убийство только под признаки корыстного убийства или оно было совершено одновременно с другим преступлением.

В тех случаях, когда совершается одно преступление — корыстное убийство, субъект всегда действует с прямым умыслом, преследуя цель завладения имуществом, иными ценностями или правами материального характера. Здесь убийство оказывается средством для достижения желаемого результата. Виновный сознает, что без лишения жизни потерпевшего не может добиться своей корыстной цели.

По-другому должен решаться вопрос в тех случаях, когда корыстное убийство совершается при разбойном нападении. Мы согласны с А.В. Наумовым[13] в том, что такое убийство может быть совершено не только с прямым, но и с косвенным умыслом. В некоторых случаях виновный, завладевая имуществом потерпевшего, причиняет ему смерть и безразлично относится к этому результату.

Встречаются и другие ситуации, когда корыстное убийство совершается с косвенным умыслом. Например, преступник раздел пьяного, оставил его на сильном морозе, и тот умер. Здесь виновный не желал наступления смерти потерпевшего, но сознавал, что она может наступить, и относился к его судьбе безразлично.

3. Корыстное убийство, подлежащее квалификации только по п. "а" ст. 102 УК, необходимо отграничивать от случаев, когда оно

совершено при разбойном нападении. Пленум Верховного суда РФ в п. 5 постановления от 22 декабря 1992 г. разъяснил, что такие случаи следует квалифицировать по совокупности указанных преступлений, поскольку разбой не охватывается диспозицией п. "а" ст. 102 УК. Пленум в данном случае исходил, видимо, из того, что каждое преступление, если оно совершено, должно получить соответствующую юридическую оценку. Поэтому нельзя согласиться с А.А. Пионтковским, который утверждал, что квалификация корыстного убийства по совокупности с разбойным нападением может быть оправдана только тем, что санкция ст. 102 УК не предусматривает конфискацию имущества. Поскольку конфискация имущества предусматривается ст. 93 УК Украины, то там не требуется прибегать к квалификации по совокупности, так как содеянное охватывается полностью корыстным убийством[14].

Такой позиции придерживаются и некоторые практические работники, полагая, что действия виновного в умышленном убийстве и разбое следует квалифицировать лишь по п."а" ст. 102 УК, ошибочно рассматривая разбойное нападение только как обстоятельство, отягчающее убийство, а не как самостоятельное преступление. По этим основаниям Краснодарский краевой суд квалифицировал по п. "а" ст. 102 УК действия П., совершившего убийство и разбойное нападение. Президиум Верховного суда РФ признал вывод краевого суда неправильным, так как П. совершил два самостоятельных преступления, предусмотренных п. "а" ст. 102 и ст. 146 УК. Президиум отменил приговор краевого суда и дело возвратил на новое судебное рассмотрение, указав на неправильность квалификации действий осужденного. В связи с этим надо отметить, что в опубликованном проекте УК в качестве отягчающего обстоятельства указывается на умышленное убийство "при совершении разбоя или из иных корыстных побуждений".

В литературе и среди некоторой части практических работников распространено мнение о том, что критерием правильности разрешения поставленного выше вопроса является способ убийства. При этом признается, что разбойное нападение, окончившееся убийством, может быть совершено только открыто и потерпевший должен осознавать, что его убивают ради завладения имуществом, а убийство из корысти может быть совершено как открыто, так и незаметно для потерпевшего. Кроме того, указывается, что при разбое переход имущества происходит при совершении убийства и соединяется с ним по времени и месту, а при корыстном убийстве имущество переходит к виновному лишь в дальнейшем[15].

Анализ законодательства и практики показывает, что эти критерии не являются обязательными, а в ряде случаев вообще не имеют

значения для правильной квалификации данного преступления. Это видно, например, из дела по обвинению К. в убийстве Р. К., хорошо знавший Р., решил убить его и завладеть его деньгами, которые хранились дома. С этой целью К., подойдя сзади, нанес Р. несколько ударов топором по голове, от которых тот сразу же умер. Затем К. обыскал Р., взял ключи от его квартиры с тем, чтобы забрать деньги, но потом, испугавшись, отказался от своего намерения. Рязанский областной суд расценил действия К. лишь как корыстное убийство и оправдал его в разбойном нападении. В обоснование своего решения суд сослался на то, что, во-первых, нападение не было заметно потерпевшему и, во-вторых, К. после убийства добровольно отказался от завладения деньгами.

Однако эти доводы суда не основаны на законе. Действующий закон не содержит обязательного требования о том, чтобы нападение при разбое было открытым. Следовательно, квалификация действий К. не должна измениться от того, было ли "заметно" нападение потерпевшему. Тем более для квалификации преступления в таких случаях не имеет значения, сознавал ли потерпевший, с какой целью его убивают. Это трудно установить. Даже при наличии свидетелей, как правило, можно лишь строить предположения. Нельзя согласиться и с другим доводом суда по этому делу. Известно, что разбой признается оконченным в момент нападения с целью завладения чужим имуществом, независимо от того, завладеет ли нападавший каким-либо имуществом потерпевшего. Для оконченного состава корыстного убийства при любых обстоятельствах не имеет значения, получил ли виновный те блага, завладеть которыми он стремился, совершая преступление.

Нельзя признать самостоятельным критерием разграничения корыстного убийства без признаков разбоя и корыстного убийства, сопряженного с разбоем, нападение, поскольку оно, хотя и является признаком разбоя, не исключается и при корыстном убийстве без разбоя. Например, путем нападения может быть совершено убийство супруга с целью завладения в полной мере общим, совместно нажитым имуществом. Такое убийство не может быть квалифицировано по совокупности с разбоем. В то же время по совокупности этих преступлений должно квалифицироваться убийство путем нападения на родственника с целью завладения его имуществом. Президиум Верховного суда РФ признал правильной квалификацию по п. "а" ст. 102 и ч. 2 ст. 146 УК действий Ч., который двумя выстрелами убил своего отчима К., взял принадлежавшие ему 342 руб., а труп бросил в реку. В данном случае деньги не являлись общей собственностью. Из этого следует, что решающее значение для квалификации убийства и разбоя по совокупности имеет наличие

факта похищения имущества, поскольку состав корыстного убийства не включает похищение имущества.

Кроме того, для признания убийства совершенным из корысти и применения п. "а" ст. 102 и ст.ст. 91 или 146 УК необходимо установить, что умысел на завладение имуществом возник у виновного до убийства. В тех случаях, когда такой умысел возник после совершения убийства, оно не может быть признано корыстным. Например, после убийства из ревности или мести виновный присваивает имущество потерпевшего. Его действия образуют убийство без отягчающих обстоятельств, а завладение имуществом в этом случае является кражей, а не разбойным нападением.

Таким образом, критерием разграничения корыстного убийства при разбойном нападении и корыстного убийства без признаков разбоя является наличие или отсутствие обязательной совокупности трех признаков. Если убийство совершено, во-первых, путем нападения, во-вторых, с целью завладения имуществом (похищения его), и если, в-третьих, завладение имуществом осуществлено в момент совершения убийства или непосредственно после него, то налицо совокупность корыстного убийства и разбоя.

4. Убийство из корыстных побуждений необходимо отграничивать от убийств, совершаемых по другим мотивам. Ошибки при квалификации, как правило, допускаются в связи с тем, что корыстными признаются такие мотивы, которые имеют с ними только внешнее сходство.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР не обнаружила корыстных мотивов в действиях М., который во время игры в карты заподозрил партнера в обмане — тот не поставил в банк проигранный им рубль. В результате возникла ссора, перешедшая в драку, в ходе которой потерпевший был убит. Судебная коллегия пришла к выводу, что убийство было совершено не вследствие того, что М. желал получить материальную выгоду, а по мотиву мести за то, что потерпевший, нарушивший "правила игры", обманул своего партнера. Обоснованность такого вывода не вызывает сомнений.

На практике возник вопрос о квалификации действий лиц, совершивших убийство, чтобы удержать или сохранить имущество, уже принадлежащее виновному. Действия Н., который из ружья убил И., проникшего к нему в сад за клубникой, предлагалось квалифицировать по п. "а" ст. 102 УК. Президиум Верховного суда РФ признал это неправильным, указав, что корыстные мотивы совершения убийства предполагают стремление к противоправному завладению имуществом или иными ценностями,

находящимися во владении потерпевшего, либо желание лица получить материальную выгоду от совершения преступления иным путем. В данном же случае, совершая убийство, Н. никакой материальной выгоды от этого не получил и не мог получить. Следовательно, в его действиях не было корыстных мотивов[16]. Правильность выводов Президиума по этому делу оспаривает Э.Ф. Побегайло, по мнению которого то, что Н. материальной "выгоды не получил и не мог получить", ни в коей мере не меняет корыстной сущности его побуждений. Было бы несправедливо считать проявление таких частнособственнических пережитков "простым убийством"[17]. Это утверждение представляется неубедительным. Действия Н. следовало бы считать корыстными только в том случае, если бы имущество у него изымалось на законном основании. Удержание имущества при этом условии свидетельствует о корыстных побуждениях. В сложившейся обстановке Н., совершая убийство И., мстил ему за похищаемое имущество и при отсутствии других отягчающих обстоятельств должен отвечать по ст. 103 УК. Что касается ссылки Э.Ф. Побегайло на "несправедливость" такой квалификации, которая и сама по себе отнюдь не бесспорна, то она для уяснения содержания корысти при убийстве не имеет значения.

Равным образом нельзя считать убийством из корыстных побуждений лишение жизни лица, совершившего кражу. Здесь виновный при убийстве также руководствуется желанием отомстить за похищение имущества и никакой выгоды в результате убийства не извлекает.

Неправильно относить к корыстному и убийство, совершенное в связи с невозвращением потерпевшим ранее взятого долга. Президиум Верховного суда РФ, например, признал неправильной квалификацию действий С., осужденного Краснодарским краевым судом по п."а" ст. 102 УК. П. взял у С. деньги заимообразно. Спустя два месяца С., встретив П., напомнил ему о долге. В тот же день после распития спиртных напитков между ними на этой почве произошла ссора, а затем С. ударил потерпевшего ножом и убил его. Президиум переквалифицировал действия С. на ст. 103 УК, сославшись на то, что С., совершая убийство П., никакой материальной выгоды от этого не получил и не мог получить. Следовательно, корыстных мотивов в его действиях не было. Из обстоятельств дела видно, что С. совершил убийство на почве мести за неуплату долга.

В данном случае, совершив убийство, С. фактически лишил себя возможности получить долг с потерпевшего. Поэтому у суда не было оснований считать, что при убийстве он руководствовался корыстным мотивом.

По некоторым делам об убийстве встречаются попытки квалифицировать по п. "а" ст. 102 УК убийство жены, совершенное мужем, чтобы избавиться от нее. А., проживая в г. Александрове Владимирской области, убил жену, желая избавиться от нее с тем, чтобы сожительствовать с другими женщинами. При рассмотрении дела суд признал, что А. совершил убийство из корыстных побуждений. Между тем мотив, которым руководствовался виновный, лишен корыстного характера. Совершая убийство в этой ситуации, он стремился извлечь для себя нематериальную выгоду — получить свободу действий.

5. Корыстное убийство необходимо отграничивать от убийства с целью скрыть совершенное преступление (п. "е" ст. 102 УК). Важность правильного решения данного вопроса обусловлена тем, что, как мы уже отмечали, квалификация убийства по совокупности пп. "а" и "е" ст. 102 УК исключается.

В связи с высказанными в литературе соображениями по данному вопросу[18] считаем необходимым уточнить свою позицию. При совершении убийства во время разбойного нападения, во всяком случае до его окончания, убийство должно расцениваться как корыстное, разумеется, когда оно совершено с прямым умыслом. В этом случае квалификация по пп."а" и "е" ст. 102 и ст. 146 УК вполне обоснована. Если же убийство совершено после разбойного нападения, то правильно было бы считать это убийство совершенным с целью сокрытия разбойного нападения. Для таких случаев характерна ситуация, когда после разбойного нападения потерпевший заявляет, что он "так это дело не оставит" или требует возвратить отобранные вещи. В связи с заявлениями потерпевшего виновный совершает убийство. Такие действия следует квалифицировать по п. "е" ст. 102 и ст. 146 УК. Равным образом грабеж или кража не становятся разбойным нападением, если после их совершения виновный совершает убийство потерпевшего. В этих случаях применению подлежит п. "е" ст. 102 и соответственно ст.ст. 144 или 145 УК.

6. К корыстным убийствам относится убийство за плату, когда убийца лишает жизни человека по указанию лица, пообещавшего уплатить или уплатившего за убийство вознаграждение. Здесь, как нам кажется, сомнений не должно возникнуть. В 60 — 80-х годах в России такие убийства были единичными. Однако за последние четыре-пять лет их число увеличилось. По данным МВД РФ, в 1992 г. было совершено 32 "заказных" убийства. Дела, которые нам известны по Москве и Екатеринбургу, дают основание для вывода о том, что в конечном счете и эти убийства совершаются из корыстных побуждений, возникающих на почве конкуренции при предпринимательстве или при распределении "доходов" (получен-

ных на законном основании или противоправным путем). Данный вопрос нуждается в дополнительном изучении. Но совершенно ясно, что для применения п. "а" ст. 102 УК корысть должна быть установлена не только у "заказчика", который выступает в таких случаях либо организатором, либо подстрекателем, но и у исполнителя убийства.

Убийство из хулиганских побуждений (п. "б" ст. 102 УК)

1. Изучение практики показывает, что данное обстоятельство при убийстве встречается чаще других отягчающих обстоятельств, указанных в этой статье. Пленум Верховного суда РФ в п. 6 постановления от 22 декабря 1992 г. разъяснил, что по п. "б" ст. 102 УК следует квалифицировать умышленное убийство, совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение.

Пленум в первой части приведенного указания исходил, очевидно, из диспозиции ст. 206 УК. Однако эти положения нельзя понимать упрощенно. Любое умышленное убийство является проявлением явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали.

Как отмечалось в литературе, специфику этого мотива следует искать прежде всего в причинной обусловленности. Хулиганские побуждения лишены какой-либо необходимости: они целиком проистекают из разнузданного эгоизма, связанного с неуважением к личности и человеческому достоинству, безразличным отношением к общественным интересам, пренебрежением к законам и правилам поведения. Нередко в основе такого отношения к общественным и личным интересам лежит безотчетная злоба, чувство неудовлетворенной потребности, которые порождают тупое отчаяние и связанное с ним стремление к озорству, удали, разрушению, желанию проявить и показать себя. Часто хулиганские побуждения обусловлены уродливым пониманием свободы своих действий, смысл которого очень четко выражает формула "мне все дозволено". Хулиганские побуждения означают, что субъекту доставляет удовлетворение само преступное деяние, само нарушение общественного порядка, что он получает удовлетворение от своего антиобщественного поведения[19]. Из этого следует, что, совершая у б и й с т в о и з х у л и г а н с к и х п о б у ж д е н и й, в и н о в н ы й п о л у ч а е т у д о в л е т в о р е н и е о т с а м о г о ф а к т а л и ш е н и я

жизни человека либо от таких действий (направленных на грубое нарушение общественного порядка и проявление явного неуважения к обществу), которыми человек может быть лишен жизни при безразличном отношении к этому со стороны виновного.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что место совершения убийства (например, общественное место) не имеет самостоятельного значения для применения п."б" ст. 102 УК. Важно установить, что решающей и непосредственной причиной, вызвавшей умысел на убийство, явились указанные выше антиобщественные побуждения.

2. Известно, что мотив считается факультативным признаком субъективной стороны состава преступления. Но по делам об убийстве из хулиганских побуждений он является обязательным признаком состава. Поэтому мотив убийства из хулиганских побуждений во всяком случае должен быть установлен как необходимое условие правильного применения п. "б" ст. 102 УК. Изучение практики показывает, что значительная часть ошибок при квалификации умышленных убийств из хулиганских побуждений объясняется поверхностным анализом обстоятельств преступления, свидетельствующих о субъективной стороне и главным образом о мотиве его совершения[20].

Каковы же пути установления этого мотива при убийстве? О содержании некоторых мотивов убийства органы следствия и суды нередко узнают из показаний обвиняемого или подсудимого, когда он, признавая себя виновным в преступлении, заявляет, что действовал по мотиву корысти, ревности, зависти и т.п. (разумеется, при подтверждении другими доказательствами). Однако хулиганские побуждения как мотив действий виновного в этом отношении являются исключением. Нам, например, не встретилось ни одного случая, когда бы виновный, признавая совершение убийства, заявил, что он действовал из хулиганских побуждений. В таких случаях преобладают объяснения об убийстве "по пьянке", обвиняемый утверждает, что он "не помнит, как случилось", объясняет свое поведение какими-то другими мотивами. В результате этого наиболее доступный источник установления мотива в данном случае не может быть использован. О мотиве, которым руководствовался виновный, позволяют судить сами его действия, а в ряде случаев и повод, явившийся внешней причиной совершенного преступления. Поскольку при убийстве речь идет о действиях виновного, направленных против другого человека — потерпевшего, то для установления мотива убийства приобретают определенное значение и действия последнего, а также отношения между виновным и потерпевшим.

Чаще всего убийство из хулиганских побуждений совершается в тех случаях, когда оно оказывается продолжением хулиганских действий. Верховным судом РФ рассмотрено по жалобе дело в отношении М., осужденного областным судом по п. "б" ст. 102 и ч. 2 ст. 206 УК за убийство Л. Явившись ночью в общежитие рабочих в пьяном виде, М. совершил хулиганские действия: заходил в комнаты, включал свет, стучал, кричал, выражался нецензурными словами. В одной из комнат он ударил ножом в живот лежавшего на кровати Л., который сразу же умер. Наличие хулиганских побуждений в этом случае очевидно, они обусловлены предшествующим поведением виновного, убийство по существу совершено вообще без какого-либо повода. Приговор областного суда признан правильным.

Потерпевшими в некоторых случаях оказываются граждане, указавшие хулигану на его недостойное поведение. В этом отношении характерно дело по обвинению В., который, будучи пьяным, проходя по улице районного центра, пел непристойные песни и выражался нецензурными словами. Стоявший возле своего дома незнакомый В. гражданин М. сделал ему замечание и предложил прекратить хулиганские действия. В ответ на это В. убил М. ударом ножа в сердце. Суд квалифицировал его действия по п. "б" ст. 102 УК.

Потерпевшие при убийстве из хулиганских побуждений в ряде случаев по собственной инициативе не вступали в контакт с виновным, который, заранее наметив жертву, предъявлял вздорные претензии. По приговору Горьковского областного суда П. осужден за убийство С. из хулиганских побуждений. Встретив С. на улице, П. стал приставать к нему, утверждая, что С. в столовой выпил его водку и съел его обед. С. отстранил от себя пристававшего к нему П. В ответ на это П. снял с плеча ружье и ударом приклада по лицу сбил С. на землю, а затем стал избивать его ружьем, которое сломалось. Увидев, что С. мертв, П. оттащил труп к забору, придав ему вид спящего человека. Затем собрал части разбитого ружья и ушел домой.

Проявление хулиганских побуждений вполне возможно и внезапно, когда виновный до убийства не совершал хулиганских действий. Об этом свидетельствует дело по обвинению Г. в убийстве З. при следующих обстоятельствах. З. вошел во двор дома и спросил у стоявших в подъезде Г., К. и Н., где находится квартира Д. Вместо ответа на вопрос К. и Н. набросились на З. и стали его избивать, а Г. нанес З. несколько ударов ножом в шею и грудь, от которых сразу же наступила смерть. Вывод Московского городского суда об убийстве З. из хулиганских побуждений вполне обоснован. Здесь хулиганские побуждения проявились в

ничем не вызванной реакции Г. на вопрос потерпевшего о квартире его знакомых.

Встречаются случаи, когда убийство из хулиганских побуждений совершается в связи с невыполнением близким или знакомым человеком какого-то желания виновного. Б., находясь в состоянии опьянения, убил своего товарища за то, что тот отказался уйти вместе с ним из клуба. Затем Б. взял гармошку и до прибытия милиции играл на ней. Здесь о мотиве убийства свидетельствуют действия Б. в момент его совершения и после него.

Во всех приведенных примерах хулиганские побуждения проявились достаточно четко в действиях виновного до убийства или во время его совершения, или после него. Характерно для них было и то, что потерпевшие не давали какого-либо повода для агрессивного поведения виновного либо вообще не знали его.

3. В тех случаях, когда хулиганские побуждения выступают в качестве единственного мотива убийства, их установление вызывает меньше затруднений. Прав в определенной степени И.Н. Даньшин, который считает, что для хулиганских мотивов характерна наглядность и явность проявления. Хулиганские мотивы, по его мнению, отчетливо выражены внешне, они "кричат", "бьют в глаза"[21]. Сложнее обстоит дело в тех случаях, когда хулиганские побуждения сопряжены о другими мотивами, когда они оказываются завуалированными. От следователей и судей по таким делам требуется и высокий профессиональный уровень знаний, и опыт для того, чтобы отграничить хулиганские побуждения от других мотивов.

Мы исходим из того, что хулиганские побуждения в принципе совместимы с другими мотивами при совершении убийства. Они вполне "уживаются" рядом с ревностью, местью, ненавистью, завистью и др. При квалификации некоторых убийств возникает задача отграничения этих мотивов от хулиганских побуждений. Чаще всего этот вопрос возникает при отграничении хулиганских побуждений от ревности и мести. Важно не только разграничить эти мотивы, но и выявить, какой из них доминировал при убийстве, был главным мотивом, которым руководствовался виновный, совершая преступление.

При отграничении хулиганских побуждений от ревности и мести должна учитываться различная природа этих мотивов. Если хулиганские побуждения своим острием направлены против общественного порядка и характеризуются циничным отношением виновного к потерпевшему, то ревность и месть являются мотивами, при которых отношения между обвиняемым и потерпевшим, предшествующие убийству, носят личный характер.

А. Наумовым высказано правильное мнение о том, что нельзя считать убийство совершенным из хулиганских побуждений, а не по мотиву ревности только на том основании, что не было действительного повода к ревности[22]. Но нам кажется, что вопрос должен решаться и в иной плоскости. Следователь и суд обязаны проверить, не является ли ревность и обвинения в измене лишь предлогом для скандалов и издевательств над потерпевшей. При таких обстоятельствах, например, было совершено убийство Л. своей жены. Липецкий областной суд установил, что Л. в течение ряда лет систематически пьянствовал, устраивал скандалы, выгонял жену, детей, родителей жены из дома, избивал жену и тещу. За эти действия Л. неоднократно привлекался к ответственности за мелкое хулигенство. Однажды, вернувшись домой ночью в пьяном виде, Л. разбудил жену и дочь, нанес им побои, от жены требовал "объяснений", а затем, когда жена и дочь хотели уйти из дома, он выстрелом из ружья убил жену. Суд признал, что убийство совершено из хулиганских побуждений, и отверг утверждения Л. о мотиве ревности.

Другим мотивом, от которого приходится нередко отграничивать хулиганские побуждения при убийстве, является месть, возникшая на почве личных отношений. Этот вопрос чаще всего возникает в тех случаях, когда потерпевший своими умышленными или неосторожными действиями причиняет виновному какую-либо малозначительную неприятность. Например, Ш. убил Т. за то, что после игры в домино во дворе дома Т. ходил и рассказывал, что Ш. остался "козлом рогатым". По другому делу М. был осужден за убийство П. в кубовой общежития за то, что П. разбил его тарелку. Оба эти убийства были признаны совершенными из хулиганских побуждений. Интересно, что по последнему делу адвокат в кассационной жалобе утверждал, что убийство было совершено на почве мести из личных отношений и ставил вопрос о квалификации действий М. по ст. 103 УК. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ отклонила кассационную жалобу, сославшись на малозначительность повода, используя который М. затеял ссору, а затем совершил убийство из хулиганских побуждений.

Таким образом, при отграничении мести, возникшей на почве личных отношений, от хулиганских побуждений при убийстве подлежат тщательному выяснению действия потерпевшего, которые виновный счел основанием для совершения этого преступления. По общему правилу убийство должно признаваться совершенным из хулиганских побуждений в тех случаях, когда действия потерпевшего оказываются малозначительными, а виновный использовал их лишь как предлог для совершения убийства.

От убийства из хулиганских побуждений на практике нередко приходится отграничивать убийство, совершенное в драке или ссоре. В литературе было высказано мнение о том, что убийство в драке или ссоре должно в с е г д а признаваться совершенным из хулиганских побуждений, если установлено, что субъект убийства является инициатором и активной стороной преступления[23]. С такой рекомендацией трудно согласиться. Чаще всего по обстоятельствам преступления это может быть действительно так, но все же для признания убийства совершенным из хулиганских побуждений недостаточно сослаться на то, что данное лицо является "инициатором" или "активной стороной" преступления, — необходимо установить мотив действий виновного. Трудности состоят в том, что убийство из хулиганских побуждений зачастую совершается в драке или ссоре, в результате обстоятельства убийства из хулиганских побуждений и убийства в драке или ссоре нередко совпадают. Ошибки в квалификации убийства в этих случаях потому именно и происходят, что не уделяется внимания установлению мотива убийства, совершенного в драке или ссоре*.

4. Убийство, предусмотренное в п. "б" ст. 102 УК, может быть совершено не только с прямым, но и с косвенным умыслом. Совершая убийство их хулиганских побуждений с косвенным умыслом, виновный, хотя и не ставит перед собой цели убийства, которая имеется при прямом умысле, но и не исключает, что смерть потерпевшего все же может наступить. Вместе с тем это не значит, что действия виновного в убийстве из хулиганских побуждений с косвенным умыслом являются бесцельными. Цель имеется, она состоит в совершении самого действия, направленного против личности потерпевшего, при безразличном отношении к возможному наступлению его смерти. Только цель при убийстве из хулиганских побуждений не выходит за рамки основного убийства, как, например, завладение имуществом при корыстном убийстве. Здесь убийство не является средством для достижения какой-либо цели (помимо причинившего смерть действия при косвенном и причинения смерти при прямом умысле). Известно, что мотив всегда служит достижению цели и даже определяет ее. Поскольку установлено, что при убийстве из хулиганских побуждений имеется определенная цель, постольку есть основания считать, что они (эти побуждения) являются мотивами действий виновного.

Этот вопрос приобретает принципиальное значение по делам о покушении на убийство из хулиганских побуждений. По таким делам убеждение следователя или суда о наличии этого мотива

* О квалификации убийства из ревности и мести см. гл. III, а в драке или ссоре — гл.гл. III и IY.

иногда ведет к тому, что анализу других элементов субъективной стороны не уделяется должного внимания. При этом не учитывается, что наличие хулиганских побуждений при косвенном умысле, когда смерть потерпевшего не наступила, недостаточно для признания преступления покушением на убийство. В результате этого в ряде случаев преступление, квалифицированное по ст. 15, п. "б" ст. 102 УК, оказывается в действительности причинением телесных повреждений или просто хулиганством.

5. В литературе утверждалось, что если хулиганство сопряжено с убийством, то действия виновного квалифицируются только по статье, предусматривающей ответственность за убийство[24]. Эта позиция представляется правильной. Как уже отмечалось, убийство из хулиганских побуждений нередко является продолжением ранее совершенных хулиганских действий либо они продолжаются после убийства. В таких случаях фактически совершается два самостоятельных преступления (реальная совокупность), из которых каждое должно получить самостоятельную оценку. Но это относится только к тем случаям, когда в совокупность входят хулиганство и более тяжкое преступление, в частности убийство[25]. Следовательно, квалификация убийства из хулиганских побуждений только по одной статье, предусматривающей ответственность за убийство, правильна лишь для тех случаев, когда речь идет не о хулиганстве, сопряженном с убийством, а об убийстве из хулиганских побуждений.

Убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга (п. "в" ст. 102 УК)

1. Выполнение служебного и общественного долга гражданами является их важнейшей обязанностью. Поэтому добросовестное отношение к служебному и общественному долгу, жизнь граждан, выполняющих этот долг, находятся под охраной закона, в том числе и уголовного.

Убийство, подлежащее квалификации по п. "в" ст. 102 УК, как правило, оказывается совершенным по *мотиву мести*, вызванной служебной или общественной деятельностью потерпевшего. Вместе с тем такая квалификация убийства возможна и при неустановленном мотиве мести, когда оно совершается с целью воспрепятствовать правомерной деятельности потерпевшего или в связи с его *предстоящей* служебной или общественной деятельностью, которая для виновного почему-либо нежелательна.

В литературе было высказано мнение и о том, что сама по себе активная служебная или общественная деятельность потерпевшего может вызвать чувство мести и привести к убийству, предусмотренному п. "в" ст. 102 УК[26].

В п. "в" ст. 102 УК говорится об убийстве, совершенном в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга. Это указание закона в судебной практике не всегда учитывается. Встречаются случаи применения п. "в" ст. 102 УК, когда убийство совершается в связи с выполнением служебного или общественного долга не самим потерпевшим, а его близким, родственником. Так, Президиум Верховного суда РФ предложил квалифицировать действия А. по ст. 15 и п. "в" ст. 102 УК, мотивируя это тем, что он покушался на жизнь П. в связи с выполнением женой потерпевшего своего служебного долга. Пленум Верховного суда СССР отменил постановление Президиума, признав, что в данном случае допущено расширительное толкование закона[27].

2. Под выполнением служебного долга, как указано в п. 7 постановления Пленума Верховного суда РФ от 22 декабря 1992 г., следует понимать действия лица, входящие в круг его обязанностей, вытекающих из трудового договора с государственными, кооперативными или иными зарегистрированными в установленном порядке предприятиями и организациями, деятельность которых не противоречит действующему законодательству.

Указание в законе о выполнении потерпевшим служебного долга относится не только к должностным лицам. Потерпевшим по такому делу об убийстве может оказаться как руководитель какого-либо учреждения, предприятия или организации, так и любой рабочий, сторож и т.п.

В судебной практике нам не встретилось ни одного убийства из мести в связи со служебной деятельностью потерпевшего, которое не было бы вызвано добросовестным исполнением им служебных обязанностей. Это объясняется тем, что по п. "в" ст. 102 УК следует квалифицировать убийство лишь такого лица, которое действует на законном основании. Если же потерпевший действовал незаконно (злоупотреблял служебным положением или допускал превышение власти) в отношении лица, совершившего убийство, последнее не может быть квалифицировано по п. "в" ст. 102 УК.

Потерпевшими по делам об убийстве в связи с выполнением служебного долга чаще всего оказываются должностные лица, предъявляющие к подчиненным требования, связанные с работой последних, либо осуществляющие иные служебные функции. Например, З., ветфельдшер бригады № 3 Кваркенского совхоза

Оренбургской области, неоднократно делал замечания скотнику К., который систематически приходил на работу в пьяном виде либо совсем не являлся. К., встретив З. около клуба, со словами: "Ты долго будешь меня мучить?!", нанес ему несколько ударов ножом в левый бок, от которых потерпевший умер. Оренбургский областной суд обоснованно расценил это убийство как совершенное на почве выполнения потерпевшим своего служебного долга.

Для квалификации убийства по п. "в" ст. 102 УК не имеет значения, совершено ли оно при исполнении потерпевшим служебных обязанностей или в другое время, важно установить, что оно совершено в связи с выполнением потерпевшим своего служебного долга.

3. Под выполнением о б щ е с т в е н н о г о д о л г а, как указано в том же постановлении Пленума Верховного суда РФ от 22 декабря 1992 г., должно пониматься осуществление гражданами как специально возложенных на них общественных обязанностей, так и совершение других действий в интересах общества или отдельных лиц (пресечение правонарушений, сообщение органам власти о совершенном или готовящемся преступлении и т.п.). Но эти разъяснения, вполне понятно, не исчерпывают всех вопросов, связанных с трактовкой понятий служебного или общественного долга.

Иногда встречаются попытки не признавать общественным долгом участие граждан в охране общественного порядка. Так, Архангельский областной суд осудил по ст. 103 УК К., убившего дружинника Г. Было установлено, что в городском парке Г. воспрепятствовал избиению Д. В ответ на это К. ударом ножа убил Г. Суд признал, что убийство было совершено не на почве выполнения потерпевшим своего общественного долга, поскольку убийца "не знал", что в драку вмешался дружинник. Это утверждение суда нельзя признать убедительным. Закон действительно специально предусматривает уголовную ответственность за посягательство на жизнь народного дружинника. Но в то же время закон устанавливает повышенную ответственность за посягательство на жизнь и здоровье граждан, которые пресекают действия правонарушителей. В тех же случаях, когда виновный, совершающий убийство, осведомлен, что посягает на жизнь работника милиции или народного дружинника, охраняющего общественный порядок, его действия подлежат квалификации по ст. 191^2 УК.

От убийства в связи с выполнением потерпевшим своего общественного или служебного долга необходимо отграничивать убийство государственного или общественного деятеля или представителя власти, совершенное в связи с его государственной или

общественной деятельностью, с целью подрыва или ослабления власти (террористический акт). При убийстве, квалифицируемом по п. "в" ст. 102 УК, цель подрыва или ослабления власти отсутствует*.

4. В судебной практике возник вопрос о том, имеет ли значение время, истекшее с момента выполнения лицом служебного долга до момента посягательства на жизнь этого лица. П. был осужден за кражу и совершил побег из места заключения. Работавший стрелком охраны Т. задержал его, и П. был возвращен для отбывания наказания. При этом П. угрожал Т. отомстить убийством. Спустя 20 лет П. встретил Т. в гостях у К., схватил нож и со словами: "Вот теперь ты мне попался, я тебя убью!" бросился на него и нанес несколько ударов, но был обезоружен. Т. были причинены легкие телесные повреждения. Суд квалифицировал действия П. по ст. 15 и п. "в" ст. 102 УК. В протесте прокурора ставился вопрос о переквалификации действий П. на ст. 15 и ст. 103 УК потому, что с момента столкновения П. с Т. как с должностным лицом прошло почти 20 лет.

Пленум Верховного суда СССР отклонил протест и указал, что ответственность за убийство в связи с выполнением потерпевшим своего служебного долга наступает независимо от того, когда были совершены потерпевшим те или иные действия по службе. Важно лишь то, что убийство совершено из мести потерпевшему за выполнение им указанных действий, что и было установлено по данному делу.

Такое решение вполне обосновано. Осужденный в данном случае пытался реализовать высказанную им ранее угрозу убийством. Мотив мести на почве служебной деятельности как побудительная причина преступления с течением времени не изменился, остался прежним. Это положение относится и к убийству в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга.

Убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием (п. "е" ст. 102 УК)

1. Повышенная опасность для общества данного вида убийства состоит в том, что виновный совершает фактически два преступления, преследуя при этом низменную цель облегчения другого преступления или освобождения от ответственности за предыду-

* О разграничении п. "в" ст. 102 и ст.ст. 66,67 и 191^2 УК см. гл. YIII,

щее преступление, не останавливаясь перед лишением жизни другого человека.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что речь идет об убийстве с целью сокрытия любого преступления или об облегчении совершения любого другого преступления независимо от того, является оно особо тяжким или не представляет большой опасности для общества.

При квалификации данного вида убийства необходимо учитывать, что оно может быть совершено только с прямым умыслом (в законе указывается на специальную цель совершения преступления). В связи с этим нельзя признать обоснованным указание Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР по делу Е., осужденного по п. "е" ст. 102 УК, о том, что убийство с целью скрыть другое преступление возможно и с косвенным умыслом[28]. В данном случае цель сокрытия или облегчения совершения другого преступления определяет и характер умысла самого убийства.

Изучение практики показывает, что чаще всего по п. "е" ст. 102 УК квалифицируется убийство, когда оно направлено на сокрытие или облегчение такого преступления, как завладение имуществом.

По п. "е" ст. 102 УК квалифицируются убийства, сопряженные с изнасилованием, а также убийства, совершенные для того, чтобы облегчить или скрыть другое убийство. В прошлом неоднократно судимый В. убил мужа своей сожительницы А., которая знала об этом. Боясь разоблачения, В. решил убить А. В момент совершения этого преступления в дом вошел С. Желая скрыть и это преступление, В. набросился на С. и убил его, после чего инсценировал пожар. Верховный суд Якутии признал, что два последних убийства были совершены В. с целью сокрытия другого убийства. В таких случаях действия виновного подлежат квалификации не только по п. "е", но и по п.п. "з" и "и" ст. 102 УК.

Убийство с целью сокрытия или облегчения другого преступления и само это преступление могут быть совершены как одним лицом, так и по предварительному сговору разными лицами. В первом случае действия виновного подлежат квалификации по п. "е" ст. 102 УК и по статье, предусматривающей ответственность за другое преступление. Во втором случае ответственность наступает по общим правилам ответственности за соучастие; этим и определяется с учетом конкретных обстоятельств дела квалификация убийства и другого преступления.

Убийство и другое преступление могут быть совершены и в разное время. В этих случаях возникает вопрос о разграничении квалификации по пп. "е" и "в" ст. 102 УК. По п. "е" ст. 102 УК действия виновного могут быть квалифицированы только при

условии, если еще не заявлено органу власти о совершенном или готовящемся преступлении. Если же такое заявление сделано потерпевшим и виновный, совершая убийство, знает об этом, его действия подлежат квалификации по п. "в" ст. 102 УК как убийство из мести в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга.

Представляется, что неправ А. В. Наумов, который вносит предложение о квалификации убийства по п. "в", а не по п. "е" ст. 102 УК и в том случае, если о совершенном преступлении помимо потерпевшего знали другие граждане, а не только органы власти[29]. Осведомленность граждан о преступлении, по нашему мнению, вовсе не означает, что виновный, совершая убийство, не ставит цели сокрытия преступления. То, что потерпевший рассказал о преступлении гражданам, вряд ли дает основания считать это выполнением общественного долга. Только в том случае, если потерпевший рассказал гражданам о преступлении для того, чтобы они сообщили органу власти, и об этом знает убийца, действия последнего следует квалифицировать по п. "в" ст. 102 УК.

Для оконченного состава убийства, предусмотренного п. "е" ст. 102 УК, закон не требует, чтобы виновный в результате убийства достиг цели, а именно облегчил совершение или сокрытие другого преступления, достаточно установить сам факт совершения убийства с этой целью.

В тех случаях, когда после убийства с целью облегчения другого преступления виновный не успевает совершить это другое преступление, ответственость наступает за убийство при отягчающих обстоятельствах и за приготовление к другому преступлению. Убийство оказывается и самостоятельным преступлением и тем приготовительным действием, за которое наступает ответственность по ст. 15 и соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса.

2. К убийству, сопряженному с изнасилованием, относится не только убийство в процессе изнасилования или с целью скрыть его, но и убийство, совершенное, например, по мотивам мести за оказание сопротивления при изнасиловании. Иногда высказывается мнение о том, что к убийству, сопряженному с изнасилованием, следует относить только убийство, совершенное при самом изнасиловании. С этим нельзя согласиться. Было бы нелогично другие названные варианты такого убийства признавать совершенными с целью скрыть другое преступление или облегчить его, а не сопряженными с изнасилованием. Это последнее убийство специально выделено в п. "е" ст. 102 УК из числа убийств с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, и поэтому, с нашей точки зрения, именно специальная часть нормы

подлежит применению во всех указанных случаях. Кроме того, сама формулировка "убийство, сопряженное с изнасилованием" не дает оснований для столь узкого понимания данного вида убийств. Вполне обоснованно Пленум Верховного суда РФ в п. 10 постановления от 22 декабря 1992 г. разъяснил, что под убийством, сопряженным с изнасилованием, следует понимать убийство в процессе изнасилования или с целью скрыть его, а также совершенное, например, по мотивам мести за оказанное при изнасиловании сопротивление.

Э. Ф. Побегайло считает, что убийство лица, которое могло воспрепятствовать изнасилованию или сообщить о нем, следует квалифицировать по п. "в" ст. 102 УК[30]. Такое решение вопроса представляется, по меньшей мере, спорным. Из текста закона вовсе не вытекает, что при убийстве, сопряженном с изнасилованием, речь идет о лишении жизни только потерпевшей от изнасилования и не имеются в виду другие лица, лишенные жизни в связи с изнасилованием. Разумеется, прежде всего в данном случае предусматривается уголовная ответственность за убийство потерпевшей от изнасилования, но не исключается ответственность и за убийство других лиц, если убийство было сопряжено с изнасилованием. Нельзя не учитывать и то, что убийство, сопряженное с изнасилованием, является частным случаем убийства с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение. Поэтому оно подлежит квалификации по п. "е" ст. 102 УК. Ведь если согласиться с таким предложением, то тогда любое убийство с целью скрыть другое преступление необходимо будет квалифицировать по п. "в" ст. 102, поскольку оно всегда совершается из опасения, что лишаемое жизни лицо может сообщить органам власти о "другом" преступлении.

3. Убийство, сопряженное с изнасилованием, может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. С прямым умыслом совершаются убийства, сопряженные с изнасилованием, когда виновный заранее готовится лишить жизни потерпевшую после изнасилования. В этих случаях, а также после групповых изнасилований убийства иногда характеризуются особой жестокостью и поэтому наряду с п. "е" влекут применение п. "г" ст. 102 УК.

С прямым умыслом совершаются также убийства, сопряженные с изнасилованием, когда виновный убивает потерпевшую или ее родственников спустя какое-то время после изнасилования в связи с их намерением подать заявление или в связи с подачей заявления органу власти об изнасиловании. В Нижнегородской области группой цыган были убиты М. и ее двое детей после того, как она подала заявление в прокуратуру об изнасиловании

дочери одним из членов этой группы. В таком случае убийство вряд ли можно рассматривать как средство сокрытия изнасилования, так как о совершенном преступлении уже сообщено органам власти, но формулировка закона позволяет квалифицировать его по п. "е" ст. 102 УК. Таким образом, п. "е" ст. 102 УК при совершении убийства и изнасилования подлежит более широкому применению, чем при убийстве с целью облегчить или скрыть другое преступление.

С прямым умыслом совершаются и убийства, сопряженные с изнасилованием, различного рода сексуальными маньяками, для которых само убийство при этих обстоятельствах доставляет удовольствие. Здесь убийство жертвы и насилие над ней составляют "единый" процесс. В Ростовском областном суде в 1992 г. рассмотрено известное дело Ч., совершившего таким путем более 50-ти убийств. В Москве и Московской области в течение 1992 — 1993 гг. некто М.М. в связи с изнасилованием совершил 24 убийства женщин, девочек и мальчиков.

Несколько другой характер носят убийства, сопряженные с изнасилованием, которые совершают при преодолении сопротивления жертвы. В этих случаях убийство, как правило, оказывается совершенным с косвенным умыслом, когда виновный душит потерпевшую или наносит ей удары по голове. Известны убийства, когда преступник, сдавливая шею потерпевшей, приводит ее в бессознательное состояние, а затем осуществляет свое намерение. Некто Ш. на окраине города, в котором он проживал, выслеживал женщин, а затем в пустынных местах накидывал веревочную петлю на шею и затягивал ее. Когда потерпевшая теряла сознание, он совершал насильственный половой акт. Одно из таких нападений закончилось тем, что потерпевшая Л. оказалась убитой.

4. На практике и в литературе возникает вопрос о том, следует ли убийство, сопряженное с изнасилованием, квалифицировать только по п. "е" ст. 102 или необходимо применять наряду с этим ст. 117 УК.

Некоторые авторы считают, что особая общественная опасность преступления, предусмотренного п. "е" ст. 102 УК, состоит в "синтезе" убийства и изнасилования, и поэтому изнасилование не образует самостоятельного состава[31]. Из этого утверждения следует, что два особо опасных преступления можно без всяких сомнений принять за одно. Прежде всего, вряд ли можно отрицать, что в ст. 102 УК речь идет об умышленном убийстве (и ни о каком другом преступлении), но и не просто об умышленном убийстве, а об умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах. Одним из таких отягчающих обстоя-

тельств является изнасилование, которое предусмотрено уголовным законом (ст. 117 УК) как самостоятельное преступление. Возникает вопрос, почему при совершении убийства, сопряженного с изнасилованием (иными словами, убийства и изнасилования), подлежит применению только одна статья закона и не должна применяться другая. Кроме того, в рамки п. "е" ст. 102 УК не укладываются случаи, когда совершено покушение на изнасилование и убийство либо, наоборот, покушение на убийство и изнасилование. В таком случае покушение превратится в оконченное преступление либо останется без самостоятельной юридической оценки. В самом деле, если, например, оказалась изнасилованной несовершеннолетняя и виновный совершил приготовительные действия к убийству, то получается, что изнасилование, предусмотренное ч. 3 ст. 117 УК, должно остаться без самостоятельной юридической оценки и выступать лишь в качестве отягчающего обстоятельства приготовления к убийству. Нелепость подобной ситуации очевидна. В связи с этим представляется вполне обоснованным указание, содержащееся в п. 10 постановления Пленума Верховного суда РФ от 22 декабря 1992 г. о том, что в подобных случаях совершаются два самостоятельных преступления, которые необходимо квалифицировать по п. "е" ст. 102 УК и, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, по соответствующей части ст. 117 УК.

5. По вопросу о квалификации убийства, сопряженного с изнасилованием, иногда высказывается мнение о том, что убийство при изнасиловании является "особо тяжким последствием" (см. ч. 4 ст. 117 УК). Сторонники такого решения вопроса исходят из того, что отягчающим в данном случае может быть только то обстоятельство, которое явилось следствием самого факта изнасилования. Однако с этим нельзя согласиться. Как уже отмечалось, убийство при изнасиловании совершается почти во всех случаях с целью сокрытия данного преступления и поэтому должно рассматриваться как тяжкое последствие. Вряд ли можно представить более тяжкое последствие для потерпевшей, чем убийство. Помимо того, даже чисто логический анализ нормы закона показывает, что изнасилование с убийством потерпевшей должно признаваться повлекшим особо тяжкие последствия, поскольку для квалификации изнасилования по ч. 2 ст. 117 УК достаточно лишь угрозы убийством или причинением тяжкого телесного повреждения.

Вместе с тем было бы неправильным считать, что изнасилование вообще не может быть квалифицировано по ч. 1 или ч. 2 ст. 117 УК, если после изнасилования последовало убийство

потерпевшей. С нашей точки зрения, возможна реальная совокупность изнасилования, предусмотренного ст. 117 УК, и умышленного убийства с целью сокрытия этого ранее совершенного изнасилования в случаях установления определенного разрыва во времени между указанными преступлениями.

Убийство, совершенное лицом, ранее совершившим умышленное убийство, за исключением убийства, предусмотренного ст.ст. 104 и 105 УК (п. "и" ст. 102 УК)

1. Устанавливая повышенную ответственность за совершение повторного убийства, закон исходит из того, что совершение умышленного убийства лицом, ранее уже совершившим убийство, представляет особую опасность для общества как по тяжести наступивших последствий, так и по опасности личности виновного.

Особенность данного вида убийства состоит в том, что квалифицирующим обстоятельством оказываются не признаки, характеризующие данное убийство, а признак, характеризующий субъекта, факт совершения им такого же преступления в прошлом. Иными словами, данное отягчающее обстоятельство не является конститутивным признаком состава конкретного преступления, оно находится за его пределами и влияет на квалификацию в силу предшествующей деятельности субъекта. Уточняя ранее высказанное нами мнение, необходимо подчеркнуть, что повторность совершения убийства является обстоятельством л и ч н ы м, квалифицирующим действия только виновного. Это означает, что данное отягчающее обстоятельство не может вменяться в вину соучастникам. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ при рассмотрении дела Н. указала, что "квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к личности исполнителя (совершение преступления повторно, особо опасным рецидивистом), не вменяются в ответственность соучастникам, если даже эти обстоятельства и охватывались их сознанием, так как указанные обстоятельства характеризуют общественную опасность только личности преступника и могут отягчать лишь самого исполнителя, т.е. лица, к которому они непосредственно относятся"[32].

Убийство, подлежащее квалификации по п. "и" ст. 102 УК, может быть совершено при любых обстоятельствах и по любым мотивам.

Изучение практики показало, что повторное убийство в некоторых случаях совершается по тому же мотиву, что и первое.

Характерно в этом отношении дело по обвинению А., осужденного по пп. "б" и "и" ст. 102 УК. А. был ранее осужден за умышленное убийство из хулиганских побуждений. Освободившись досрочно из мест лишения свободы, А. совершил злостное хулиганство, а затем из хулиганских побуждений убил Х.

Встречаются и такие случаи, когда ревность, месть, стремление скрыть или облегчить другое преступление оказываются мотивами совершения и первого и второго убийства.

2. Повторным в соответствии с п. "и" ст. 102 УК признается умышленное убийство только в том случае, если ранее совершенное убийство было умышленным, за исключением убийства в состоянии аффекта и при превышении пределов необходимой обороны, предусмотренного ст.ст. 104 и 105 УК. Равным образом совершение убийства, предусмотренного ст.ст. 104 и 105 УК, лицом, ранее совершившим умышленное убийство, в силу того же указания закона не может влечь за собой применение п. "и" ст. 102 УК. Основанием для квалификации умышленного убийства по п. "и" ст. 102 УК прежде всего может служить совершение в прошлом убийства, предусмотренного ст.ст. 102, 103, п. "в" ст. 240 УК. Кроме того, по смыслу закона, повторным признается убийство при совершении виновным ранее террористического акта (ст.ст. 66, 67 УК), диверсии, сопряженной с убийством (ст. 68 УК), бандитизма, сопряженного с убийством (ст. 77 УК), посягательства на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их служебной или общественной деятельностью по охране общественного порядка (ст. 191^2 УК).

В судебной практике возник вопрос о том, является ли повторным убийство, совершенное лицом, ранее покушавшимся на убийство. При решении этого вопроса необходимо исходить из ст. 15 УК, устанавливающей единые основания ответственности и за неоконченное и за оконченное преступление. Следовательно, как приготовление, так и покушение при решении вопроса о повторности должны признаваться равнозначными оконченному преступлению. Пленум Верховного суда РФ в постановления от 22 декабря 1992 г. разъяснил, что ответственность за повторное умышленное убийство наступает независимо от того, совершил ли виновный ранее убийство либо покушение, был ли он исполнителем или соучастником этого преступления. В то же время надо иметь в виду, что умышленное убийство не может быть квалифицировано по п. "и" ст. 102 УК, если виновный совершил деяние, являющееся по действующему законодательству не соучастием, а заранее не обещанным укрывательством умышленного убийства.

3. Для судебной практики представляет интерес вопрос о том, подлежит ли применению п. "и" ст. 102 УК в случае, если

установлено, что виновный в разное время совершил два убийства и ни за одно из них не был осужден. Президиум Верховного суда РФ признал, что для применения п. "и" ст. 102 УК не имеет значения, был ли виновный осужден за первое убийство[33]. С таким решением вопроса нельзя не согласиться, так как "лицом, ранее совершившим умышленное убийство", является в том числе и лицо, которое не было еще за него осуждено.

4. В теории уголовного права и на практике остается спорным вопрос о том, подлежат ли квалификации по совокупности действия лица, которое одновременно привлекается к уголовной ответственности за умышленное убийство без отягчающих и без смягчающих обстоятельств, а также за покушение на такое же умышленное убийство. Отсутствие единства взглядов на квалификацию таких случаев показывает дело по обвинению Б., который был осужден по ст.ст. 15 и 103, пп. "б" и "и" ст. 102 УК за покушение на убийство из ревности и за убийство из хулиганских побуждений. Прокурор внес протест, в котором ставил вопрос об исключении ст.ст. 15 и 103 УК. Президиум Верховного суда РФ отклонил протест, указав в постановлении, что если согласиться с изложенным в протесте предложением об исключении квалификации действий Б. по ст.ст. 15 и 103 УК, то это приведет к тому, что первому преступлению, совершенному осужденным, не будет дана соответствующая квалификация и не будет определена мера наказания за это преступление. По нашему мнению, протест отклонен обоснованно, так как п. "и" ст. 102 УК предусматривает квалификацию только второго (повторного) убийства или покушения на него.

Нашу позицию по данному вопросу не разделяет М.И. Блум, полагая, что два или более преступных деяния, одно из которых признается оконченным преступлением, а второе покушением, приготовлением или соучастием, не могут рассматриваться как преступления, предусмотренные различными статьями Уголовного кодекса, и поэтому не могут квалифицироваться как реальная совокупность преступлений. Для таких случаев предлагается квалификация по статье, предусматривающей повышенную ответственность[34].

Несостоятельность этой позиции становится более убедительной, если последовательность совершенных преступлений изложить в таком порядке: сначала совершено умышленное убийство одного человека, а потом — покушение на убийство другого.

Представляется, что здесь не должно возникать вопроса о том, подлежат ли они квалификации по совокупности. Нельзя же квалификацией первого преступления исключить квалифи-

кацию второго преступления либо квалификацией только второго преступления первое превратить в покушение. Как в первом (дело Б.), так и во втором (измененном) примере налицо совокупность одних и тех же преступлений, последовательность совершения которых не должна изменять принципиального подхода к их юридической оценке.

5. В практике возникают и иные вопросы квалификации покушения на убийство и другого оконченного убийства, когда оба преступления совершило одно и то же лицо и преступления расследуются и рассматриваются в одном деле.

На эти вопросы ответил Пленум Верховного суда РФ в п. 12 постановления от 22 декабря 1992 г. В частности, судам разъяснено, что если виновный не был осужден за ранее совершенное убийство (или покушение на него), подпадающее соответственно под действие ст. 103 и ст.ст. 15 и 103 УК, то это деяние подлежит самостоятельной квалификации, а последнее преступление, в зависимости от того, окончено оно или нет, следует квалифицировать по п. "и" ст. 102 либо по ст. 15 и п."и" ст. 102 УК. Такой же порядок самостоятельной квалификации должен применяться в случаях: а) если сначала совершается покушение на убийство при отягчающих обстоятельствах, а затем оконченное преступление —умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах либо без таковых; б) когда первоначально совершается умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах либо без них, а потом — покушение на убийство при отягчающих обстоятельствах либо без них.

6. Для квалификации оконченных преступлений (двух умышленных убийств без отягчающих обстоятельств) также применима совокупность преступлений. В связи с этим представляются необоснованными возражения Г.Л. Кригер, которая оспаривает в Курсе уголовного права нашу позицию по данному вопросу, исключая квалификацию первого убийства по ст. 103 УК при квалификации второго по п. "и" ст. 102 УК на том основании, что "в таких случаях общественная опасность содеянного, выразившегося в неоднократном совершении одного и того же преступления, может быть в полной мере учтена при квалификации совершенных преступлений по одной статье, предусматривающей более строгое наказание за их повторное совершение"[35]. К сожалению, автор не раскрывает, как можно учесть при квалификации *нескольких преступлений* по одной статье, предусматривающей ответственность только за *последнее* преступление, их неоднократность. Другой аргументации не приводится. Авторы Курса уголовного права допускают и непоследовательность, признавая в то же

время необходимость квалификации покушения на убийство и убийства по совокупности ст.ст. 15, 103 и п."и" ст. 102 УК[36].

Сторонники применения в подобных случаях только п. "и" ст. 102 УК ссылаются еще на ст. 40 УК, где говорится о назначении наказания по совокупности преступлений, предусмотренных различными статьями Уголовного кодекса. По нашему мнению, эта ссылка не убедительна. Здесь речь идет о назначении наказания, а не о квалификации преступления.

В качестве аргумента при обсуждении данного вопроса иногда приводится и то, что лицо совершает одноименное преступление. Нетрудно убедиться, что повторное убийство не может быть одноименным, так как впервые совершенное убийство никогда не будет квалифицировано по п. "и" ст. 102 УК как повторное. Оно не может быть одноименным и потому, что имеет свои особенности, которые при квалификации обоих убийств только по п. "и" ст. 102 УК не находили бы отражения. Например, первое убийство совершено из хулиганских побуждений (п. "б" ст. 102 УК), а повторное — без отягчающих обстоятельств. Для последнего единственным квалифицирующим признаком будет п. "и" ст. 102 УК. А как быть с п. "б" ст. 102 УК ? Получается, что он исчезнет. В связи с этим возникает вопрос: почему мы должны облегчать участь убийцы, скрывшегося после совершения первого преступления? Ведь если бы его судили за первое убийство по п. "б" ст. 102 УК, то в случае совершения нового убийства его действия квалифицировались бы также по п. "и" ст. 102 УК. Совершенно непонятно, почему отсутствие судимости за прежнее убийство в подобных случаях должно исключать его самостоятельную квалификацию в соответствии с теми признаками, которые оно содержит.

Наконец, нельзя не учитывать формулировку закона. В п. "и" ст. 102 УК говорится: "умышленное убийство, совершенное лицом, ранее совершившим умышленное убийство", т.е. речь идет о новом убийстве, а предыдущее упоминается лишь как отягчающее обстоятельство, влияющее на квалификацию. Правильное решение вопросов о повторности и совокупности в подобных случаях выходит за рамки разрешения вопроса о квалификации убийств.

7. Для правильной квалификации убийства по п. "и" ст. 102 УК имеет значение решение вопроса о влиянии снятия или погашения судимости на признание или непризнание убийства повторным. Пленум Верховного суда РФ в п. 12 постановления 22 декабря 1992 г. признал, что убийство не может квалифицироваться по п. "и" ст. 102 УК, если судимость за ранее совершенное умышленное убийство снята с виновного в порядке амнистии или помилования либо погашена или снята в установленном законом порядке, а

также если к моменту совершения убийства истек срок давности привлечения к уголовной ответственности за ранее совершенное преступление.

Убийство, совершенное на почве кровной мести (п. "к" ст. 102 УК)

1. Кровная месть является видом мести, возникающей на почве личных отношений. Кровная месть при убийстве выступает как обычай, пережиток прошлого, в силу которого родственники убитого или лицо, считающее себя обиженным, обязаны или "вправе" лишить жизни обидчика. Она представляется им как справедливое возмездие за причиненное зло[37]

Кровная месть идет из глубины веков. Исследователи считают, что первоначально это была личная кровная месть, затем — родовая кровная месть, когда члены рода мстили за убийство своего родича. По Русской Правде кровная месть была ограничена небольшим кругом близких родственников: брат за убитого брата, сын за отца, отец за сына (а также сын брата и сын сестры) вправе были мстить. Кровная месть на Руси была заменена денежным взысканием в середине XI в.[38]

У некоторых других народов, проживающих на территории Российской Федерации, обычай кровной мести сохранился до настоящего времени. Изучение судебной практики в Верховном суде РФ позволяет сделать вывод о том, что убийства на почве кровной мести встречаются еще в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. В этих регионах предусмотрена организация специальных комиссий по примирению враждующих сторон[39]. Деятельность этих комиссий призвана вносить позитивный вклад в предупреждение убийств на почве кровной мести. В ст. 231 УК предусмотрена ответственность родственников за уклонение от отказа применения обычая кровной мести в отношении убийцы и его родственников.

Поводом для кровной мести может быть не только убийство, но и другие противоправные действия или действия, которые по местным обычаям признаются оскорблением[40]. Этим было обусловлено включение данного обстоятельства в качестве отягчающего умышленное убийство в действующий УК. При обсуждении проекта нового УК РФ высказывалось мнение, что кровную месть необходимо исключить из числа отягчающих обстоятельств при убийстве в связи с тем, что это

месть на почве личных отношений. Однако данное предложение в комиссии не получило поддержки в связи с тем, что кровная месть ведет в ряде случаев к совершению "цепи" убийств. Убийство, совершенное на почве кровной мести, как правило, не изменяет его характера и может побудить родственников второго потерпевшего к мести за его смерть, а следовательно, привести к убийству нескольких человек. Так, из дела по обвинению М. по п. "к" ст. 102 УК, осужденного Верховным судом Дагестана, видно, что в результате обычая кровной мести в разное время враждующими сторонами было убито пять человек. Общественная опасность убийства на почве кровной мести усиливается тем, что, как видно из дел этой категории, осуждение лица, виновного в убийстве, не исключает в дальнейшем в связи с этим же убийством применения данного обычая.

2. В литературе было высказано мнение о том, что субъектом убийства на почве кровной мести, равным образом как и потерпевшим от этого преступления, могут быть только лица мужского пола на том основании, что кровная месть "падает" лишь на родственников по мужской линии[41]. Действующее уголовное законодательство не знает таких ограничений.

Для квалификации убийства по п. "к" ст. 102 УК достаточно установить, что лицо, его совершившее, признает такой обычай и в данном случае руководствовалось мотивом кровной мести. Вот это обстоятельство не всегда учитывается судами.

По приговору Тюменского областного суда по п. "к" ст. 102 УК был осужден А. (по национальности цыган) за убийство на почве кровной мести цыганки С., дядя которой за несколько месяцев перед этим убил отчима осужденного. Признавая убийство совершенным на почве кровной мести, суд сослался на то, что осужденный и его брат решили мстить семье С. за убийство их отчима. Однако в приговоре не было приведено никаких доказательств того, что осужденный принадлежит к группе населения, признающей обычай кровной мести. В связи с этим Президиум Верховного суда РСФСР переквалифицировал действия А. на ст. 103 УК.

В то же время необходимо подчеркнуть, что не имеет значения, относится ли к группе населения, придерживающейся обычая кровной мести, потерпевший. Кровная месть может возникнуть в отношении потерпевшего как мужского, так и женского пола.

Установление принадлежности лица, совершившего убийство, к группе населения, которая придерживается обычая кровной мести, еще не решает вопроса о квалификации этого преступ-

ления по п. "к" ст. 102 УК. Для этого необходимо установить **мотив кровной мести**, т.е. побудительную причину убийства, порожденную данным обычаем. Судебная практика показывает, что в некоторых случаях допускается квалификация действий виновного по п. "к" ст. 102 УК, когда убийство совершено не по мотиву кровной мести, а в связи с грозящей кровной местью. Рассматривая дело по обвинению А. в убийстве М., Верховный суд Дагестана установил, что родственник А. совершил убийство родственника М. Опасаясь кровной мести со стороны М., А. стал ходить с охотничьим ружьем. Работая в поле по снегозадержанию и имея с собой ружье, А. увидел подходившего к нему М., возвращающегося с охоты. Опасаясь мести, А. убил М. Суд, сославшись на то, что между А. и М. существовали неприязненные отношения в связи с убийством родственником А. родственника М., признал, что убийство подпадает под признаки п. "к" ст. 102 УК. Президиум Верховного суда РСФСР отменил приговор и предложил выяснить ряд обстоятельств, указав при этом, что убийством на почве кровной мести может быть признано убийство по мотиву мести, если эта месть является пережитком местных обычаев. Следует добавить, что, как видно из обстоятельств, предшествовавших убийству, наоборот, А. опасался кровной мести со стороны М. Следовательно, это убийство было совершено в связи с кровной местью, а не по мотиву кровной мести. При новом рассмотрении дела действия А. были квалифицированы по ст. 103 УК.

4. Кроме мотива, при выяснении признаков субъективной стороны для квалификации действий виновного по п."к" ст. 102 УК необходимо установить характер умысла виновного. Представляется, что убийство на почве кровной мести не может быть совершено с косвенным умыслом, необходимо установить прямой умысел. В связи с этим имеет значение выяснение соотношения мотива и цели при совершении такого убийства. А. Мамутов пишет, что "субъективная сторона этого преступления включает не только мотив — чувство обиды, но и цель отмщения"[42]. Такая позиция представляется спорной. О чувстве обиды можно было бы говорить в том случае, если бы действия виновного не определялись обычаем кровной мести. Именно кровная месть как обычай здесь выступает побудительной причиной убийства, и, следовательно, ее нельзя не признать мотивом совершения преступления, которым руководствуется виновный. Неверны соображения А. Мамутова и относительно цели убийства на почве кровной мести. Целью убийства является вовсе не отмщение, а лишение

жизни обидчика. Она и свидетельствует о прямом умысле на совершение такого преступления.

5. В связи с квалификацией убийства по п. "к" ст. 102 УК возникает вопрос о действии этой нормы в пространстве. Дело в том, что кровная месть является местным обычаем, а в ст. 236 УК указывается, что действие главы о преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев (гл. XI УК), распространяется только на те республики и другие местности Российской Федерации, где такие общественно опасные деяния являются пережитками местных обычаев. Представляется, что убийство может быть признано совершенным на почве кровной мести при наличии данных, которые для этого необходимы, и в том случае, если оно совершено за пределами местности, где кровная месть среди населения еще встречается. Такое решение вопроса объясняется прежде всего тем, что п. "к" ст. 102 УК находится не в системе норм указанной главы XI, а в главе "Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности". Совершение убийства на почве кровной мести в любой местности России не изменяет его юридической природы, а следовательно, и не влияет на квалификацию.

6. Изучение практики показывает, что в местностях, на которые распространяются нормы гл. XI УК, встречаются убийства, совершенные в связи с феодально-байским отношением к женщине, например убийство жены в связи с "нарушением адата, требующего покорности мужу", или убийство сестры из-за вступления ее в интимные отношения с мужчиной без заключения брака по местному обычаю. Однако вряд ли убийство по этим мотивам может быть признано совершенным по мотиву кровной мести, хотя несомненно, что эти убийства имеют одну и ту же почву.

Было бы неправильно квалифицировать такие убийства и по п. "в" ст. 102 УК в связи с выполнением общественного долга потерпевшим. Закон в этих случаях не имеет в виду убийств, совершенных на почве феодально-байского отношения к женщине. В то же время вряд ли можно считать данный вид убийства менее опасным, чем убийство по мотиву кровной мести. Это дает основания для обсуждения вопроса об изменении редакции п. "к" ст. 102 УК.

Убийство, совершенное особо опасным рецидивистом (п. "л" ст. 102 УК)

1. Отнесение умышленного убийства, совершенного особо опасным рецидивистом, к числу особо опасных убийств обусловлено личностью человека, виновного в совершении этого пре-

ступления. Из ст. 24^1 УК следует, что если лицо признано судом особо опасным рецидивистом, то это означает, что оно неоднократно в прошлом совершало преступления. Как и при квалификации убийства по п. "и" ст. 102 УК, здесь квалифицирующим обстоятельством оказываются не признаки, характеризующие данное убийство, а личность виновного. Поэтому совершение убийства особо опасным рецидивистом не влечет квалификацию по п. "л" ст. 102 УК действий других лиц, если они являются соучастниками данного преступления.

Пленум Верховного суда РФ в п. 13 постановления от 22 декабря 1992 г. признал, что по п. "л" ст. 102 УК могут нести ответственность только лица, признанные в установленном законом порядке особо опасными рецидивистами до совершения ими убийства. Это разъяснение Пленума соответствует также буквальному смыслу п. "л" ст. 102 УК, где говорится об умышленном убийстве, *совершенном особо опасным рецидивистом*. При таком решении вопроса приобретает важное значение определение момента, с которого лицо перестает быть особо опасным рецидивистом.

В ст. 24^1 УК указывается, что признание лица особо опасным рецидивистом отменяется при снятии с него судимости. Это означает, что п. "л" ст. 102 УК может применяться при квалификации убийства, совершенного лицами, как отбывающими наказание за прежнее преступление в местах лишения свободы, так и отбывшими наказание, но до снятия с них судимости.

Правильность решения данного вопроса вызывает сомнения. Вряд ли есть необходимость, помимо судимости как последствия осуждения за преступление и отбытия наказания, после освобождения лица из мест лишения свободы вводить еще особую категорию лиц, которые считаются особо опасными рецидивистами. Кроме того, продолжая признавать таких лиц особо опасными рецидивистами в течение срока судимости, мы как бы заранее ставим под сомнение возможность исправления их в местах лишения свободы. Более правильно было бы считать, что лицо перестает быть особо опасным рецидивистом по отбытии срока наказания по приговору, которым оно было признано особо опасным рецидивистом. Но при таком положении п. "л" ст. 102 УК можно было бы применять только при совершении убийств в местах лишения свободы. Это было бы тоже неверно. По нашему мнению, данный вопрос следует разрешить путем изменения формулировки закона. В частности, п. "л" ст. 102 УК целесообразно было бы изложить в такой редакции: умышленное убийство, совершенное особо опасным

рецидивистом либо лицом, признававшимся особо опасным рецидивистом и имеющим судимости, послужившие основанием для признания его таковым*. Подобная формулировка закона позволила бы после освобождения из исправительно-трудового учреждения лица, признанного особо опасным рецидивистом, считать его имеющим судимость, но не являющимся особо опасным рецидивистом. В то же время в случае совершения нового преступления в течение срока судимости лицо, ранее признававшееся особо опасным рецидивистом, несло бы повышенную ответственность в связи с квалификацией его действий с учетом этого признака по более строгому закону.

2. Квалификация умышленного убийства, совершенного особо опасным рецидивистом, по п. "л" ст. 102 УК иногда сочетается с применением и других пунктов этой статьи при наличии предусмотренных ими отягчающих обстоятельств. Как правило, решение этого вопроса не представляет трудностей. Некоторую сложность, может быть, имеет только вопрос о разграничении применения п. "л" и п. "и" ст. 102 УК. Здесь возможны различные сочетания судимости и наличия факта признания лица особо опасным рецидивистом. Не исключены три варианта: а) применению подлежат и п. "л" и п. "и" ст. 102 УК, если лицо, совершившее последнее убийство, имеет судимость за умышленное убийство без смягчающих обстоятельств и ранее было признано особо опасным рецидивистом; б) применению подлежит только п. "л" ст. 102 УК, если лицо, совершившее умышленное убийство, было признано особо опасным рецидивистом в связи с совершением преступлений, указанных в ст. 24[1] УК, не позволяющих признавать убийство повторным; в) применению подлежит только п. "и" ст. 102 УК, если лицо, совершившее повторное убийство, ранее не было признано особо опасным рецидивистом.

Убийство, совершенное на почве национальной или расовой вражды или розни (п. "м" ст. 102 УК)

1. В сложившейся в России социально-политической обстановке включение в действующий УК данного отягчающего обстоятельства вполне оправдано. Причины обострения отношений

* Это предложение затрагивает и другие статьи Особенной части Уголовного кодекса, в которых совершение преступлений особо опасным рецидивистом рассматривается как квалифицирующий признак

между гражданами различных национальностей и народностей были заложены еще в период тоталитаризма, когда целые народы и народности по преступным приказам переселялись с их национальной родины в другие местности. Сейчас, когда восстанавливается справедливость и незаконно выселенное население возвращается в места прежнего постоянного проживания, их очаги оказываются заняты гражданами другой национальности. В результате в ряде случаев возникает вражда, которая получает национальную окраску. Национальная вражда или рознь коренится в национал-патриотизме. Возникают экстремистские группировки националистического или шовинистического толка, исповедующие идеи расового превосходства одного народа над другим.

2. Изучение судебной практики показывает, что дела об убийствах на почве национальной розни имеются. До последнего времени такие преступления квалифицировались по другим признакам ст. 102 УК при наличии соответствующих этим признакам обстоятельств, а в некоторых случаях применялась ст. 103 УК. Появление в УК п. "м" ст. 102 позволяет мотиву национальной или расовой вражды или розни при убийстве давать соответствующую закону юридическую оценку.

Установление факта национальной или расовой вражды или розни при убийстве как мотива совершения преступления для применения п. "м" ст. 102 УК является обязательным. Данный мотив может сочетаться и с мотивом мести. Не исключено, по нашему мнению, применение одновременно пп. "м", "а" или "е" ст. 102 УК, когда установлены и корыстные побуждения при убийстве, либо последнее сопряжено с изнасилованием или сокрытием другого преступления. Однако национальная или расовая вражда или рознь должна быть во всех случаях установлена как самостоятельный доминирующий мотив.

Как правило, убийство, подпадающее под п. "м" ст. 102 УК, совершается с прямым умыслом, поскольку мотив в данном случае характеризует и цель совершения преступления. Возможны такие убийства и с косвенным умыслом, но данный мотив должен быть установлен по отношению к другому преступлению. Например, — поджог дома лица другой национальности по рассматриваемому мотиву, когда в доме находятся люди и виновный к их судьбе относится безразлично, не исключая наступление смерти.

Возможны и другие варианты применения п. "м" ст. 102 УК, которые выявит в ближайшее время практика.

Убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц (п. "н" ст. 102 УК)

1. В п. 2 ст. 39 УК имеется отягчающее обстоятельство — "совершение преступления организованной группой". Это, как мы уже подчеркивали, относится ко всем тем случаям совершения преступлений, когда данное обстоятельство не является квалифицирующим признаком, указанным в статье Особенной части УК. Представляется, что данное положение относится к п. "н" ст. 102 УК. Правда, здесь в одной статье речь идет об "организованной группе", а в другой — о "предварительном сговоре" группы лиц. В формулировках статей, как видно, имеется некоторое различие, о котором будет сказано далее. Здесь лишь необходимо подчеркнуть, что предварительный сговор об убийстве свидетельствует об организации группы для совершения данного преступления.

Из сказанного следуют два вывода: 1) для применения п. "н" ст. 102 УК при совершении убийства двумя или более лицами необходимо установить предварительный сговор виновных в убийстве; 2) при назначении наказания таким лицам п. 2 ст. 39 УК не должен учитываться как отягчающее обстоятельство, поскольку квалифицирующий признак данного вида в п. "н" ст. 102 УК имеется.

2. Под предварительным сговором следует понимать договоренность о преступлении между соучастниками, достигнутую в течение любого промежутка времени, но до начала совершения убийства, точнее, до начала покушения на его совершение. Предварительный сговор может состояться и во время приготовления одного лица к совершению убийства вместе с другим лицом. Присоединение к убийству другого лица в процессе его совершения, как вытекает из текста закона, исключает квалификацию убийства как совершенного по *предварительному* сговору группой лиц и квалификацию по п. "н" ст. 102 УК.

Применение данного отягчающего обстоятельства позволит следователям и судьям давать более точную юридическую оценку особо тяжким убийствам.

На практике возникают трудности при оценке действий всех соучастников убийства, а также действий соучастников — непосредственных соисполнителей, когда это преступление совершается группой лиц. Вполне понятно, что при разрешении вопросов квалификации многое зависит от конкретной специфики действий соучастников убийства в каждом случае, но нельзя исключать возможность определения некоторых общих принципиальных подходов. Это сделал Пленум Верховного суда РФ в п. 2 постановления от 22 декабря 1992 г., в котором реко-

мендовал судам при рассмотрении дел об убийствах, совершенных несколькими лицами, тщательно исследовать, имелась ли предварительная договоренность между участниками преступления, были ли распределены роли между ними, а также все иные обстоятельства, с учетом которых может быть сделан вывод о наличии или отсутствии организованной группы. В связи с тем, что п. "н" ст. 102 УК был включен в кодекс уже после принятия упомянутого постановления Пленума, по нашему мнению, прежде всего необходимо устанавливать предварительный сговор, который может быть и без организованной группы, хотя организованная группа, безусловно, свидетельствует о предварительном сговоре.

Пленум исходит также из того, что соисполнителями следует признавать лиц, которые действовали совместно, с умыслом, направленным на совершение убийства, и непосредственно участвовали в лишении жизни потерпевшего. При соисполнительстве, таким образом, необходимо учитывать согласованность действий соисполнителей, непосредственно направленных на причинение смерти другому человеку.

При квалификации действий соучастников, кроме того, необходимо иметь в виду, что такие отягчающие обстоятельства, как совершение убийства особо опасным рецидивистом или лицом ранее совершившим умышленное убийство, следует учитывать только в отношении тех соучастников, к которым эти признаки относятся непосредственно.

4. Формулировка п. "н" ст. 102 УК совпадает с формулировкой опубликованного проекта УК. При его подготовке обсуждались, однако, и другие варианты, например, предлагалось указать на умышленное убийство, совершенное организованной группой или преступным сообществом. С нашей точки зрения, эти предложения были обоснованно отклонены, поскольку они охватывали бы только незначительную часть убийств, совершенных группой лиц. Указание в действующем теперь законе на "предварительный сговор" проблему в полной мере также не решает. Дело в том, что, как показывает изучение судебной практики, для данной категории преступлений точная формулировка соучастия имеет особенно существенное значение. По нашему мнению, проблема не в "предварительном сговоре", "организованной группе" или "преступном сообществе", а в том, что надо установить повышенную ответственность за все случаи совершения умышленного убийства группой лиц. Групповые действия во время убийства парализуют возможность потерпевшего защитить свою жизнь, облегчают доведение его до конца. Именно данное обстоятельство при совершении убийства приобретает решающее значение. Поэтому в число обстоятельств, делающих умышленное

убийство квалифицированным, следовало бы включить совершение его "группой лиц". Представляется, что данный признак охватывал бы применительно к убийству и "преступное сообщество", и "организованную группу", и "предварительный сговор", а также все другие убийства, совершенные двумя и более лицами.

§ 3. Отягчающие обстоятельства, характеризующие объективные свойства убийства

Убийство, совершенное с особой жестокостью (п. "г" ст. 102 УК)

1. Совершение преступления с особой жестокостью или издевательством над потерпевшим признается обстоятельством, отягчающим совершение любого преступления (п. 7 ст. 39 УК). Пункт "г" ст. 102 УК является конкретным проявлением этого общего положения при совершении умышленного убийства. Об особой опасности для общества такого убийства свидетельствуют обстоятельства его совершения, которые могут проявиться в способе действий виновного, в безразличном отношении к страданиям потерпевшего и других лиц. Субъект данного вида убийства также характеризуется крайне отрицательно.

Правильное применение п. "г" ст. 102 УК находится в зависимости от того, что понимается под "особой жестокостью" при совершении умышленного убийства. Относя особую жестокость к обстоятельствам, отягчающим умышленное убийство, закон вместе с тем не называет критерии, по которым убийство должно быть признано совершенным с особой жестокостью. Некоторые следователи и судьи пытаются найти ответ на этот вопрос в заключении судебно-медицинского эксперта. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ отменила приговор нижестоящего суда по делу Б., осужденного по п. "г" ст. 102 УК за убийство своей сожительницы В. Судебная коллегия сослалась на то, что в суде не был допрошен судебно-медицинский эксперт и в связи с этим осталось не установленным, было ли совершено убийство с особой жестокостью. Президиум Верховного суда РФ отменил определение Коллегии по этому делу как противоречащее закону. В самом деле, в п. 1 ст. 79 УПК говорится, что судебно-медицинский эксперт устанавливает причины смерти и характер телесных повреждений. Установление "особой жестокости" закон не относит к компетенции судебно-медицинского эксперта.

Разумеется, нельзя впадать в другую крайность и вообще игнорировать заключение эксперта при определении особой жестокости убийства. В ряде случаев выводы эксперта о характере телесных повреждений и причине смерти потерпевшего в совокупности с другими доказательствами позволяют сделать обоснованный вывод о квалификации убийства по п. "г" ст. 102 УК. При этом во всяком случае необходимо иметь в виду, что особая жестокость — не медицинское, а юридическое понятие.

Отдельные авторы рекомендуют применять п. "г" ст. 102 УК, исходя из разъяснения в толковом словаре русского языка термина "жестокость"[43], не отграничивая это понятие от "особой жестокости". На практике подобные рекомендации могут привести к необоснованному расширению пределов применения п. "г" ст. 102 УК. Именно это обстоятельство подчеркнул Президиум Верховного суда РФ по делу А. Признав необоснованной квалификацию действий А. по п. "г" ст. 102 УК, Президиум указал, что всякое умышленное убийство является тяжким и в той или иной мере жестоким преступлением, а при квалификации убийства по п. "г" ст. 102 УК необходима особая жестокость.

2. Установить признаки особой жестокости нельзя без анализа субъективной стороны данного преступления. В каждом случае должно быть выяснено отношение виновного не только к последствию, но и к особой жестокости как к обстоятельству, отягчающему умышленное убийство. Квалификация убийства по п. "г" ст. 102 УК может оказаться неправильной, если не выяснены и соответствующим образом не оценены эти обстоятельства. Так, С. была осуждена Кемеровским областным судом по п. "г" ст. 102 УК. Президиум Верховного суда РФ переквалифицировал действия осужденной на ст. 103 УК, сославшись на то, что нанесение потерпевшему нескольких ударов топором было вызвано не сознанием с ее стороны особой жестокости, а опасением, что В. расправится с ней, если останется в живых, так как он ранее угрожал убить С. и ее мать.

Очевидно, что в данном случае виновная действовала без цели совершить убийство с особой жестокостью и не сознавала, что ее действия могут объективно свидетельствовать об особой жестокости. При таких обстоятельствах признание убийства совершенным с особой жестокостью было бы объективным вменением.

Субъективное отношение виновного может быть установлено из его показаний, показаний свидетелей и других доказательств, позволяющих сделать вывод об особой жестокости. Но чаще всего вывод приходится делать в зависимости от действий виновного во время убийства, обстановки его совершения, лич-

ности потерпевшего и некоторых обстоятельств, в которых может проявиться особая жестокость.

В целом ряде случаев об особой жестокости свидетельствует множественность ранений или иных телесных повреждений, причиненных потерпевшему. Правильное разрешение вопроса о наличии или отсутствии особой жестокости при убийстве таким способом имеет важное значение для практики, так как применение п. "г" ст. 102 УК нередко обосновывается ссылкой на способ убийства. В таких случаях множественность ранений или иных телесных повреждений признается за бесспорное доказательство особой жестокости. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ, а затем и Президиум оставили без изменения приговор суда в отношении Ф., который был осужден за убийство с особой жестокостью только на том основании, что он нанес потерпевшей множество ранений, при этом субъективная сторона преступления не была проанализирована. Пленум Верховного суда СССР при рассмотрении этого дела подчеркнул, что один лишь факт множественности ранений (как и иных телесных повреждений) не может служить единственным основанием для признания убийства совершенным с особой жестокостью[44]. Вместе с тем в этом постановлении допускается неточность, когда утверждается, что для квалификации убийства по п. "г" ст. 102 УК должно быть установлено, что виновный действовал с умыслом, направленным на убийство с особой жестокостью. При такой формулировке органы следствия и суды в каждом случае для применения п. "г" ст. 102 УК обязаны установить, что виновный при убийстве действовал специально с особой жестокостью, т.е. с прямым умыслом. Вряд ли с этим можно согласиться. Во всяком случае такое указание не вытекает из закона, в котором нет ограничений в применении п. "г" ст. 102 УК, когда убийство совершается с косвенным умыслом по отношению к последствиям. А убийства, совершенного с косвенным умыслом в отношении причинения смерти потерпевшему и с прямым умыслом в отношении проявленной особой жестокости, вообще быть не может. Во всех таких случаях виновный к особой жестокости относится только с косвенным умыслом. В связи с этим трудно согласиться с разъяснением Пленума Верховного суда РФ, данным в п. 8 постановления от 22 декабря 1992 г., где говорится, что для признания убийства совершенным с особой жестокостью достаточно, чтобы оно было совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий. Дело в том, что "заведомость" как

4—901

уголовно-правовая категория, наряду с умыслом, включает преступную самонадеянность как вид неосторожной вины. В судебной практике трудно встретить ситуацию, при которой виновный, умышленно лишая жизни другого человека и предвидя возможность совершения этого преступления с особой жестокостью, легкомысленно рассчитывал бы на предотвращение особой жестокости. Теоретически такие убийства могут быть совершены, когда виновный действует из сострадания либо по просьбе или договоренности с потерпевшим. Возникает вопрос: подлежит ли в таких случаях убийство квалификации по п. "г" ст. 102 УК на том основании, что оно для виновного было "заведомо" особо жестоким? По нашему мнению, когда речь идет о "заведомости" как признаке преступной самонадеянности, на этот вопрос необходимо ответить отрицательно. В ст. 102 УК предусмотрена ответственность за умышленное убийство, и, следовательно, субъективная сторона преступления может характеризоваться только умыслом по отношению как к последствиям, так и к квалифицирующим обстоятельствам, отягчающим ответственность[45].

3. Особая жестокость связана с причинением жертве особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды и т.д.). Это вполне обоснованно подчеркнуто в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 22 декабря 1992 г. Анализ практики показывает, что суды не всегда учитывают, что действия, свидетельствующие об особой жестокости, должны быть совершены непосредственно перед убийством или в процессе его совершения. Ростовский областной суд, например, рассматривая дело по обвинению М. в покушении на убийство, признал его совершенным с особой жестокостью. При этом в приговоре подчеркнуто, что М. перед убийством более года пьянствовал и избивал потерпевшую. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ, указав, что М. при покушении на убийство не проявил особой жестокости, переквалифицировала его действия на ст. 15 и 103 УК, признав, таким образом, что истязания хотя и предшествовали убийству, но непосредственно не были связаны с ним.

В тех случаях, когда умышленное убийство совершается в присутствии лиц, близких потерпевшему, оно должно квалифицироваться по п. "г" ст. 102 УК. На данное обстоятельство обратил внимание Пленум Верховного суда РФ в постановлении от 22 декабря 1992 г., подчеркнув в нем, что должно быть установлено причинение таким лицам особых страданий. Чаще всего особо жестокими признаются убийства, совершенные на почве семей-

ных скандалов в присутствии детей. Магаданский областной суд осудил по п. "г" ст. 102 УК И. за убийство сожительницы А. в присутствии ее четырехлетней дочери. Суд сослался на то, что дочь потерпевшей осознавала убийство матери, тяжело переживала случившееся, ей были причинены особые страдания.

Убийствами с особой жестокостью в подобных случаях признаются убийства детей в присутствии родителей и других лиц, близких потерпевшему и лишенных по какой-либо причине возможности оказать им эффективную помощь. Здесь об особой жестокости свидетельствует характер действий виновного, выражающийся в надругательстве над чувствами близких потерпевшему лиц, в присутствии которых совершается преступление.

Вполне обоснованно, по нашему мнению, признаются совершенными с особой жестокостью убийства и в тех случаях, когда виновный для осуществления своего намерения использовал беспомощное состояние потерпевшего, который сознавал, что его лишают жизни, но по возрасту или в силу других причин не мог оказать сопротивления. Так, А. осужден за убийство с особой жестокостью своей матери, которая была парализована и находилась в беспомощном состоянии. А. нанес потерпевшей удар топором в грудь. Верховный суд РФ признал приговор обоснованным. В этом и в ряде других аналогичных случаев особая жестокость проявляется в безжалостности и в заведомых для виновного особых страданиях потерпевшего. Возражать против такой практики нет никаких оснований. Однако М.К. Аниянц в своей книге утверждает, что беспомощное состояние потерпевшего не может служить основанием для признания убийства особо жестоким в связи с тем, что, хотя по ранее действовавшему УК 1926 года беспомощное состояние потерпевшего было отягчающим обстоятельством, в действующем УК оно к таковым не отнесено[46]. Эти соображения неубедительны. М.К.Аниянц был бы прав только при том условии, если бы в действующем УК формулировки прежнего УК остались без изменения. Между тем автор и сам несколько ранее вполне правильно повторяет общепризнанное положение о том, что содержание понятия "особая жестокость" шире понятия "особая мучительность". Поэтому в принципе нельзя исключить, что действующий УК в обобщенной формулировке одного отягчающего обстоятельства может охватывать несколько отягчающих обстоятельств, содержащихся в различных частях или пунктах ранее действовавшего закона. Кроме того, было бы нелогично признавать особые страдания других лиц, близких потерпевшему, в присутствии которых совершается убийство, свидетельством

особой жестокости, а особые страдания самого потерпевшего (ребенка, престарелого, больного), которого лишают жизни и который не может защитить себя, не признавать таковым. Вместе с тем, очевидно, что неправильно квалифицировать по п. "г" ст. 102 УК такие убийства, при которых вывод об особой жестокости основывался бы только на том, что смерть потерпевшему причиняется во время сна. Здесь хотя и налицо беспомощность потерпевшего, но особые страдания ему не причиняются самим фактом убийства при этих условиях.

О безжалостности как об одном из признаков особой жестокости свидетельствует убийство нескольких лиц — одного за другим. Челябинским областным судом был осужден Б. за убийство своей жены и ее подруги К. с особой жестокостью. Было установлено, что Б. сначала нанес несколько ударов топором К. по голове, а затем душил ее до тех пор, пока она не перестала подавать признаков жизни. Затем он связал находившуюся тут же свою жену, заткнул ей рот, изнасиловал и несколькими ударами ножа убил. Суд подчеркнул, что исключительная безжалостность осужденного по отношению к жертвам — характерная особенность поведения лица, совершающего преступление с особой жестокостью.

В таких случаях об особой жестокости свидетельствует не только то, что убийство совершается в присутствии других лиц, жизнь которых находится под угрозой, но и то, что она проявляется в совокупности всех действий виновного.

4. В литературе[47] было высказано мнение о том, что расчленение трупа потерпевшего следует считать проявлением особой жестокости. Для всех случаев такое решение было бы ошибочным не только по приведенным выше соображениям. Изучение судебной практики показывает, что расчленение трупа чаще всего совершается с целью уничтожения или сокрытия следов преступления. Московский областной суд переквалифицировал действия Ч., совершившего убийство Б. и расчленившего ее труп, с п. "г" ст. 102 на ст. 103 УК, сославшись на то, что расчленение трупа с целью сокрытия преступления не является убийством с особой жестокостью. Иного решения вопроса в таких случаях и не может быть, поскольку действующий УК не предусматривает уголовной ответственности виновного за сокрытие следов преступления. Эти действия, следовательно, находятся за пределами состава преступления. Расчленение, как и уничтожение трупа, нельзя рассматривать как обстоятельство, свидетельствующее об особой жестокости. К такому же выводу пришел Пленум Верховного суда РФ в п. 8 постановления от 22 декабря 1992г.

Убийство, совершенное способом, опасным для жизни многих людей (п. "д" ст. 102 УК)

1. Совершение преступления общеопасным способом признается обстоятельством, отягчающим ответственность для любого преступления (п. 9 ст. 39 УК). Пункт "д" ст. 102 УК является конкретизацией этого общего положения при совершении умышленных убийств.

Для правильной квалификации убийства по п. "д" ст. 102 УК имеет значение выяснение способа совершения убийства. Зачастую опасность способа для жизни многих людей не вызывает сомнения. Это относится, например, к тем случаям, когда убийство совершается путем взрыва. М. с целью убийства жены во время поездки на автобусе подложил ей в хозяйственную сумку сконструированное им взрывное устройство. От взрыва в автобусе погибли три человека и шесть человек были ранены. В другом случае Л., поссорившись с Г., вскочил на стоявший трактор, завел и направил его на большой скорости на группу из пяти человек, среди которых был Г. В результате наезда один человек был убит, двое получили телесные повреждения. Правильность применения п. "д" ст. 102 УК в этих случаях сомнений не вызывает. Однако опасность способа должна оцениваться не абстрактно, а в конкретной обстановке совершения преступления. То же применение взрывного устройства или наезд транспортным средством, например, в безлюдном месте, где находится только один потерпевший, нельзя квалифицировать по п. "д" ст. 102 УК. Президиум Верховного суда РФ признал неправильной квалификацию по п. "д" ст. 102 УК действий К., который тремя выстрелами из пистолета на одной из улиц г. Калуги убил Ш. Суд мотивировал указанную квалификацию тем, что в направлении выстрелов, произведенных К., как правило, происходит большое движение пешеходов и транспорта. Этот довод Президиум признал неубедительным и указал, что основанием для признания убийства совершенным способом, опасным для жизни многих людей, в данном случае мог бы быть лишь факт пребывания других людей в месте, в направлении которого велась стрельба.

В судебной практике возникает вопрос о том, как следует понимать указание закона об опасности способа убийства для жизни многих людей, т.е. для какого числа лиц способ убийства создает опасность и влечет применение п. "д" ст. 102 УК. Этот вопрос, в частности, возник в Верховном суде РФ при рассмотрении дела по обвинению Ж., осужденного по п. "д" ст. 102 УК. Ж., общественный инспектор

охотохозяйства, обнаружив двух браконьеров, несколько раз выстрелил из ружья. Один из них З. был убит.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ переквалифицировала действия осужденного на ст. 103 УК, сославшись на отсутствие квалифицирующего признака п. "д" ст. 102 УК. По мнению Судебной коллегии, стрельба в двух человек не свидетельствовала об опасности убийства для многих людей.

Такое решение вопроса вряд ли можно признать правильным. По нашему мнению, в данном случае необходимо учитывать, что закон направлен на усиление уголовной ответственности за убийство, при котором создается опасность лишения жизни более чем одного человека. Убедительные соображения по этому вопросу содержатся в п. 9 постановления Пленума Верховного суда РФ от 22 декабря 1992 г., где говорится, что для признания убийства совершенным способом, опасным для жизни многих людей, необходимо установить, что, осуществляя умысел на убийство определенного лица, виновный сознавал, что он применяет такой способ причинения смерти, который опасен для жизни не только одного человека. Следовательно, п. "д" ст. 102 УК подлежит применению во всех тех случаях, когда способ убийства создает опасность лишения жизни другого лица или других лиц наряду с потерпевшим.

2. Правильная квалификация убийства по п. "д" ст. 102 УК зависит также от выяснения признаков субъективной стороны этого преступления. Установлению подлежит характер умысла виновного как в отношении потерпевшего, так и в отношении лиц, для жизни которых способ опасен. Чаще всего виновный при таком убийстве преследует цель лишения жизни какого-то определенного лица и безразлично относится к тому, что он ставит в опасность жизнь других людей, т.е. в отношении потерпевшего действует с прямым, а в отношенип других лиц — с косвенным умыслом.

Однако встречаются и такие убийства, когда виновный действует с косвенным умыслом без цели убийства какого-либо лица. В этом отношении характерно дело по обвинению Д., рассмотренное Верховным судом РФ. Д., имея при себе малокалиберную винтовку, будучи в нетрезвом состоянии, в полевом стане открыл беспорядочную стрельбу, в результате которой убил С., а жизнь людей, находившихся вместе с потерпевшим, подверглась опасности. Как в отношении потерпевшего С., так и в отношении других лиц Д. действовал с косвенным умыслом*.

* О разграничении квалификации убийства по пп. "д" и "з" ст. 102 УК см. с. 112.

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что при совершении убийства способом, опасным для жизни многих людей, умысел виновного по отношению к наступившему последствию — смерти потерпевшего и смерти других лиц, которым угрожает опасность, может совпадать (соответственно: прямой — прямой либо косвенный — косвенный), но может и не совпадать (соответственно: прямой — косвенный либо косвенный — прямой). Это обязывает в каждом случае детально разобраться в субъективной стороне совершенного убийства. Между тем на практике данному вопросу не всегда уделяется внимание. Очень часто, установив умышленный характер действий в отношении потерпевшего, суды не выясняют отношение виновного к возможности причинения смерти другим лицам. Встречаются такие случаи, когда вывод о наличии или отсутствии отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. "д" ст. 102 УК, *делается на основании последствий*, которые, как известно, *не всегда точно и полно* отражают *субъективную сторону* преступления. Так, Президиум Верховного суда РФ, отменяя определение Судебной коллегии по уголовным делам, в котором содержалось указание о квалификации действий П. по п. "д" ст. 102 УК, сослался на то, что, по заключению судебно-медицинского эксперта, выстрел в С. был произведен в упор на расстоянии 20 см, весь заряд остался в теле убитой. С нашей точки зрения, доводы Президиума неубедительны. Даже, если весь заряд дроби и остался в теле С., не исключается возможность признания убийства совершенным способом, опасным для жизни многих людей. Именно об этом свидетельствуют действия виновного, которые при оценке отношения его к возможности причинения смерти другим лицам, находившимся вместе с С. в коридоре, были оставлены без внимания.

3. В судебной практике возник вопрос о том, как квалифицировать действия виновного, который, не имея цели причинить смерть какому-то определенному лицу, совершает с косвенным умыслом действия, создающие опасность для жизни многих людей, в результате которых наступает смерть человека.

По приговору суда Ф. был осужден по п. "д" ст. 102 УК за умышленное убийство З. Проживая в деревне, Ф. в целях охраны сада опутал изгородь проволокой и подключил ее к электрической сети 220 вольт. Жители деревни требовали снять проводку, но Ф. этого не сделал. Днем семилетний Володя З., а также несовершеннолетние С. и Ц. проникли в сад, чтобы нарвать яблок. При выходе из сада З. прикоснулся к проводам и был убит. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ не согласилась с указанной юридической оценкой, так как по делу не собраны

данные, свидетельствующие о том, что Ф., пропуская через проволоку на изгороди сада электроток, имел умысел на убийство определенного лица способом, опасным для жизни многих людей. Однако, предупрежденный односельчанами о необходимости отключения от элекросети расположенных на изгороди проводов, Ф. этого не сделал, следовательно, сознавал опасный характер своих действий и допускал наступление тяжких последствий. Такие действия свидетельствуют об убийстве, совершенном без отягчающих обстоятельств, указанных в ст. 102 УК, и их необходимо квалифицировать по ст. 103 УК.

По существу решение Судебной коллегии является правильным, следует лишь добавить, что дело не только в том, что Ф. действовал с косвенным умыслом, а в том, что умысел в данном случае был неконкретизированным. Ответственность при таком виде умысла наступает за причиненный результат по последствиям. Поэтому действия Ф. и наступившие последствия могут быть квалифицированы в данном случае по ст. 103 УК.

4. Спорным также оказался вопрос о квалификации последствий (помимо убийства) по п. "д" ст. 102 УК. При рассмотрении дела в отношении П., который, покушаясь на убийство жены, причинил менее тяжкие повреждения другим лицам, Военная коллегия Верховного суда СССР признала, что квалификация преступления по одной лишь ст. 102 УК неполностью отражает содержание действий П. и степень их общественной опасности, так как п. "д" этой статьи, предусматривая ответственность за убийство, совершенное способом, опасным для жизни многих людей, не охватывает всех последствий, которые предвидел осужденный. Такую же позицию по данному вопросу занял М.Д. Шаргородский, который поддержал определение Коллегии. Он писал, что при квалификации по п. "д" ст. 102 УК убийства, которое сопровождалось причинением телесных повреждений другим лицам, телесные повреждения требуют дополнительной квалификации[48]. По этому же пути пошел Пленум Верховного суда РФ, который в п. 9 постановления от 22 декабря 1992 г. разъяснил, что в случае причинения телесных повреждений другим лицам действия виновного надлежит квалифицировать, помимо п. "д" ст. 102 УК, также по статьям УК, предусматривающим ответственность за умышленное причинение телесных повреждений.

Правильность этого разъяснения вызывает сомнение. Дело в том, что дополнительная квалификация причиненных телесных повреждений ничего не добавляет, например не порождает повторности при совершении нового телесного повреждения. Такая квалификация, кроме того, в случаях причинения телесных повреждений различной тяжести нескольким лицам (а такие дела

есть) приведет к применению ряда статей Уголовного кодекса, осложнит расследование и судебное разбирательство необходимостью определения степени тяжести телесных повреждений и по существу ничего не даст.

Необходимо учитывать точный смысл п. "д" ст. 102 УК, из которого вытекает, что в данном пункте речь идет о способе, *опасном для жизни* многих людей, а не о способе, который может наряду с убийством представлять опасность причинения телесных повреждений. *Логичнее говорить о дополнительной квалификации как о покушении на убийство*, поскольку в законе говорится об опасности для жизни.

В самом деле, если дальше разбирать упомянутую позицию, то необходимо выяснять характер умысла виновного по отношению к возможности причинения смерти "другим" лицам. Например, при установлении умысла на убийство трех лиц, из которых убит один, а двоим причинены телесные повреждения, действия виновного в отношении двух лиц в соответствии с указанным разъяснением Пленума должны быть квалифицированы по последствиям, и, следовательно, применению подлежит закон о телесных повреждениях. Вряд ли это верно, так как при прямом умысле в действительности имеет место покушение на убийство, которое, по нашему мнению, в дополнительной квалификации не нуждается.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что при косвенном умысле положение виновного отягчается дополнительной квалификацией. При таком положении нам представляется все же более убедительной позиция, занятая Пленумом Верховного суда СССР по конкретному уголовному делу, когда он признал, что по смыслу п. "д" ст. 102 УК квалификация убийства, совершенного способом, опасным для жизни многих людей, не ставится в зависимость от реального причинения вреда жизни или здоровью третьих лиц. Признавая указанный способ действий виновного отягчающим обстоятельством и устанавливая за такое преступление повышенное наказание, закон тем самым допускает возможность причинения вреда здоровью третьих лиц. Реальное причинение такого вреда, хотя и является преступлением, однако в данном случае *представляет собой* один из возможных *элементов объективной стороны состава другого, более тяжкого преступления*, в связи с чем *утрачивает значение самостоятельного преступления*, и, следовательно, не требует и самостоятельной квалификации[49].

Если, совершая убийство способом, опасным для жизни других людей, виновный причинил по неосторожности тяжкие телесные

повреждения вследствие отклонения действия, их следует квалифицировать самостоятельно по ст. 114 УК в связи с различными формами вины убийства и телесного повреждения*.

5. Среди убийств, которые квалифицируются по п. "д" ст. 102 УК, встречаются и такие, когда виновный, устроив засаду с целью убийства, допускает ошибку в личности потерпевшего и убивает лицо, появившееся там, где, по его расчетам, должно было оказаться лицо, намеченное для убийства. Так, Б., чтобы убить жену, спрятался в подъезде дома с ружьем и, полагая, что она вошла в дверь, произвел выстрел, которым был убит сосед З. Признав квалификацию убийства по п. "д" ст. 102 УК правильной, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ сослалась на то, что такой способ убийства был безусловно опасен для жизни многих людей, которые могли войти в подъезд дома и которые в данном случае входили по узкому коридору вслед за З. Судебная коллегия вполне обоснованно признала, что ошибка в личности потерпевшего не влияет на квалификацию данного убийства. Вместе с тем представляется, что при отсутствии других обстоятельств, свидетельствующих об общеопасном способе, ошибка в личности потерпевшего не влечет применения п. "д" ст. 102 УК. Хотя в таком случае опасности лишения жизни подвергаются другие лица, которые могут быть приняты за жертву, намеченную для убийства, совершается убийство одного лица, а ошибка в личности потерпевшего в момент убийства сама по себе не делает его опасным для жизни многих людей.

Убийство женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности (п. "ж" ст. 102 УК)

1. Это убийство отнесено к числу совершенных при отягчающих обстоятельствах в связи с тем, что виновный, причиняя смерть беременной женщине, посягает фактически на две жизни — на жизнь потерпевшей и на жизнь будущего человека. Учитывая данное обстоятельство, закон ставит под усиленную охрану жизнь беременной женщины.

Убийство, предусмотренное п. "ж" ст. 102 УК, может быть совершено любым лицом как мужского, так и женского пола. Субъект преступления в связи с особой общественной опасностью такого убийства характеризуется крайне отрицательно.

Устанавливая повышенную ответственность за убийство беременной женщины, закон выдвигает в качестве обязательного условия, необходимого для квалификации действий виновного по п. "ж"

* О квалификации убийства при отклонении действия см. гл. YII.

упомянутой статьи, его заведомую осведомленность о беременности потерпевшей.

Заведомость предполагает осведомленность виновного о том, что он посягает на жизнь беременной женщины. В связи с этим представляется спорным указание Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ по делу Б., осужденного Тюменским областным судом по п. "ж" ст. 102 УК, о том, что для такой квалификации убийства необходимо, чтобы виновный достоверно знал о беременности потерпевшей. В судебном заседании Б. показал, что жена сообщила ему о своей беременности предположительно. "Следовательно, — указала коллегия, — Б. заведомо не знал о том, что жена находилась в состоянии беременности"[50]. Как мы уже отмечали, при заведомости несомненность знания субъекта об отягчающем обстоятельстве следует относить не к тому, имеется ли оно в действительности, а к тому, что он знает о нем. При этом несомненность знания об отягчающем обстоятельстве не изменяется от того, что у субъекта нет полной уверенности в его фактическом наличии. В таких случаях отношение виновного к отягчающему обстоятельству характеризуется косвенным умыслом (он безразлично относится к его наличию) и, следовательно, квалификация убийства по п. "ж" ст. 102 УК не исключается.

Чаще всего такие затруднения в применении п. "ж" ст. 102 УК возникают в тех случаях, когда потерпевшая оказывается убитой в первые месяцы беременности.

Изучение дел этой категории показывает, что такие убийства совершаются в большинстве случаев на почве ревности, а подчас сопровождаются и особой жестокостью. В этом отношении характерно дело по обвинению В., осужденного за убийство жены. Было установлено, что В. подозревал жену в супружеской неверности. Считая, что жена изменяет ему, он стал встречаться с другими женщинами, не приходил домой ночевать. Это еще больше обострило их отношения. Во время одной из ссор он нанес потерпевшей множество ранений ножом в различные части тела, совершив убийство. В. признал, что ему было известно о беременности жены. Суд квалифицировал его действия по пп. "г" и "ж" ст. 102 УК. Ревность не имеет значения для квалификации убийства по п. "ж" ст. 102 УК, поскольку она как мотив этого преступления не относится к отягчающим обстоятельствам.

2. В судебной практике возник вопрос о том, подлежит ли применению п. "ж" ст. 102 УК, когда виновный, совершая убийство, ошибочно полагает, что потерпевшая находится в состоянии беременности. Верховным судом РФ в кассационном порядке было рассмотрено дело по обвинению Л., совершившего убийство Ш., с которой он состоял в интимной связи. Ш., желая, чтобы Л. ушел от жены, однажды заявила ему, что она беременна. Л, опасаясь "неприят-

ностей" дома и на работе, решил совершить убийство. С этой целью он пригласил Ш. в лес за ягодами и убил. Вскрытие показало, что беременной потерпевшая не была. Суд квалифицировал действия виновного по п. "ж" ст. 102 УК.

По нашему мнению, с таким решением вопроса можно согласиться, но при этом необходимо иметь в виду следующее. Судя по обстоятельствам убийства, Л. допустил фактическую ошибку, которая состояла в предположении наличия обстоятельства, квалифицирующего убийство. Он заблуждался, полагая, что личность потерпевшей обладает теми качествами, которые влекут для него повышенную ответственность за убийство. По мнению А.А. Пионтковского, "совершение преступления при ошибочном предположении лица о наличии квалифицирующих преступление обстоятельств следует рассматривать как покушение на совершение квалифицированного преступления"[51]. Исходя из этого, действия Л. следовало бы квалифицировать как покушение на убийство при отягчающих обстоятельствах по ст. 15 и п. "ж" ст. 102 УК. Но в данном случае с таким предложением согласиться нельзя, поскольку потерпевшей причинена смерть и налицо оконченное преступление.

В.Ф. Кириченко полагал, что в подобных случаях действия виновного должны квалифицироваться как оконченное преступление без отягчающих обстоятельств и как покушение на аналогичное преступление при отягчающих обстоятельствах, поскольку такая квалификация позволяет непосредственно установить фактически совершенное привлекаемым к ответственности лицом. Свое предложение он мотивирует тем, что "совершая покушение на квалифицированное преступление, лицо может и не достигнуть стадии, на которой простое преступление считается законченным"[52].

Для некоторых преступлений такое решение вопроса и аргументация приемлемы. При убийстве же, подлежащем квалификации по п. "ж" ст. 102 УК, не может быть стадий в указанном смысле. Покушение на такое убийство всегда является покушением на убийство при отягчающих обстоятельствах. Оно ни в какой стадии не может быть квалифицировано по ст. 103 УК. Кроме того, квалификация убийства по ст. 15, п. "ж" ст. 102 и по ст. 103 УК даст основание для утверждения, что виновный совершил два преступления, хотя в действительности он совершил одно. При таком положении, как нам кажется, меньшей неточностью будет признание убийства при указанных обстоятельствах оконченным и применение п. "ж" ст. 102 УК.

3. При фактической ошибке, когда виновный предполагает об отсутствии данного обстоятельства, отягчающего убийство, он не должен нести ответственность по п. "ж" ст. 102 УК, поскольку

нет его заведомой осведомленности о беременности потерпевшей. На это обстоятельство указал Президиум Верховного суда РФ по делу П., который был осужден по ст. 15 и п. "ж" ст. 102 УК за то, что он на почве неприязненных отношений покушался на убийство жены, зная, что она беременна. Президиум указал, что в материалах дела нет данных о том, что П. знал о беременности жены. Из справки больницы видно, что на день совершения преступления беременность потерпевшей была менее двух недель. В женскую консультацию она обратилась через полтора месяца после совершения преступления, где и была установлена беременность. Осужденный утверждал, что он не знал о беременности жены. Исходя из установленных по делу данных, Президиум переквалифицировал действия П. на ст.ст. 15 и 103 УК. Здесь налицо фактическая ошибка, исключающая применение п. "ж" ст. 102 УК.

Убийство двух или более лиц (п. "з" ст. 102 УК)

1. Отнесение убийства двух или более лиц к обстоятельствам, отягчающим это преступление, объясняется тяжестью наступивших последствий и в связи с этим опасностью личности виновного, лишающего жизни нескольких человек.

Как разъяснил Пленум Верховного суда РФ в п. 11 постановления от 22 декабря 1992 г., при квалификации преступлений, предусмотренных п. "з" ст. 102 УК, необходимо исходить из того, что действия виновного при умышленном убийстве охватывались единством умысла и совершены, как правило, одновременно.

О единстве преступного намерения свидетельствуют умысел на убийство двух или более лиц и один и тот же мотив лишения жизни этих лиц.

Умысел на убийство двух или более лиц — обязательный признак, указывающий на единство преступного намерения виновного. При признании разновременного убийства двух или более лиц, объединенного единством преступного намерения, должен быть установлен только прямой умысел, а при одновременном убийстве — возможен не только прямой, но и косвенный умысел.

Один и тот же мотив лишения жизни каждого из потерпевших также может свидетельствовать о единстве намерений. Его значение для правильного применения п. "з" ст. 102 УК видно на следующем примере. М., будучи в пьяном виде, из хулиганских побуждений убил сожительницу А. Затем на велосипеде поехал в соседнюю деревню, где по тому же мотиву убил сестру А. и

покушался на убийство других лиц. Верховный суд РФ признал правильной квалификацию действий М. по пп. "б" и "з" ст. 102 УК. По нашему мнению, о единстве преступного намерения М. на убийство двух или более лиц свидетельствует не только умысел, но и один и тот же мотив совершения преступления. Однако мотив не может считаться во всех случаях обязательным признаком единства преступного намерения виновного. Вполне возможна квалификация по п. "з" ст. 102 УК, когда два лица убиты одно за другим, по разным мотивам, например, смерть одному потерпевшему причинена из хулиганских побуждений, а другому — в связи с выполнением им общественного долга.

К одновременному убийству двух или более лиц следует отнести такие убийства, при которых потерпевшие лишены жизни без разрыва во времени. Это может быть, например, убийство двух человек одним выстрелом либо причинение смерти потерпевшим одному за другим.

В литературе была предпринята попытка подменить требование одновременности более "емким" понятием "непрерывность" преступной деятельности, при которой "причинение смерти каждому из потерпевших является звеном одного и того же акта преступного поведения"[53]. Вот это последнее как раз и могут подтвердить или не подтвердить в каждом конкретном случае разобранные выше критерии. "Непрерывность" преступной деятельности при убийстве двух или более лиц дополнительно для уяснения вопроса ничего не дает, а подмена "непрерывностью" требования одновременности только запутает его.

Таким образом, в тех случаях, когда убийство двух или более лиц совершается не одновременно и не охватывается единством преступного намерения, п. "з" ст. 102 УК не применяется. Эти убийства подлежат квалификации в зависимости от мотивов и конкретных обстоятельств их совершения, а последнее убийство должно быть квалифицировано по п. "и" ст. 102 УК как повторное.

2. В судебной практике возник вопрос о том, как квалифицировать одновременное совершение убийства одного лица и покушение на убийство другого. При его решении определились две позиции. Одна из них выражена в деле по обвинению К., который был осужден Пермским областным судом по ст. 15, пп."б" и "з" ст. 102, а также по пп."б" и "ж" ст. 102 УК. К. признан судом виновным в том, что из хулиганских побуждений он совершил убийство своей жены, находившейся в состоянии беременности, и покушался на убийство тещи. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ признала квалификацию действий осужденного неправильной и указала, что при установлении умысла виновного на лишение жизни двух или более лиц убийство

одного и покушение на жизнь другого следует квалифицировать как оконченное преступление по п. "з" ст. 102 УК. Судебная коллегия сохранила квалификацию действий К. по пп. "б" и "ж" этой статьи. Эта позиция была отражена в п. 10 указанного постановления Пленума Верховного суда СССР от 3 июля 1963 г. "О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве".

Другая позиция состоит в том, что действия виновного квалифицируются по ст. 15, п. "з" ст. 102 и ст. 103 УК. По приговору Калужского областного суда так были квалифицированы действия Б., покушавшегося на убийство С. и совершившего убийство Г. Признав такую квалификацию правильной, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ сослалась на то, что преступление в отношении одного человека не доведено до конца и обстоятельства, отягчающие убийство и покушение на убийство, отсутствуют. Именно такое решение вопроса предложил Пленум Верховного суда РФ в п. 11 постановления от 22 декабря 1992 г. В нем подчеркивается, что убийство одного человека и покушение на жизнь другого не может рассматриваться как оконченное преступление — убийство двух и более лиц. Поскольку преступное намерение убить двух лиц не было осуществлено по причинам, не зависящим от воли виновного, содеянное следует квалифицировать по ст.ст. 103 или 102 и ст. 15 и п. "з" ст. 102 УК.

Обе позиции небезупречны. Однако менее точной представляется вторая позиция, поскольку в этом случае покушение на жизнь одного человека превращается в покушение на жизнь двух и более лиц, а оконченное убийство не получает юридической оценки по п. "з" ст. 102 УК.

3. По-другому должен решаться вопрос в тех случаях, когда одновременно совершено посягательство на жизнь работника милиции (виновный покушался на его жизнь) и убийство лица, не являющегося работником милиции или народным дружинником. Представляется, что действия виновного в отношении работника милиции должны быть квалифицированы по ст. 191^2 УК, а убийство другого лица — по п. "з" ст. 102 УК при отсутствии других отягчающих обстоятельств. Такое решение вопроса объясняется тем, что посягательство на жизнь работника милиции является самостоятельным преступлением и должно получить отдельную квалификацию. Как указал Пленум Верховного суда СССР, "под посягательством на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка надлежит рассматривать убийство или покушение на убийство этих лиц"[54]. Следовательно, в данной ситуации фактически совершены покушение на убийство и убийство, которые получают указанную выше квалификацию по совокупности.

4. На практике возникает вопрос об отграничении убийства двух или более лиц от убийства способом, опасным для жизни многих людей (п. "д" ст. 102 УК). Суды часто не учитывают различий условий квалификации этих убийств. Так, Т. был осужден по ст. 15, пп. "д" и "з" ст. 102 УК за то, что он произвел три выстрела из ружья, покушаясь на убийство братьев Анатолия и Василия П. и К. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ признала неправильной квалификацию по ст. 15, п. "д" ст. 102 УК и указала: В обоснование такой квалификации суд в приговоре сослался на то, что Т. стрелял в группу людей, причинив братьям П. телесные повреждения, при этом жизни К. угрожала опасность. Однако суд не учел, что группа состояла из тех трех лиц, на жизнь которых он и покушался. Если же виновный подвергал опасности жизнь тех лиц, на убийство которых был направлен умысел, квалификация по п. "д" ст. 102 УК не требуется. Анализ, данный Судебной коллегией по делу Т., дает основания подчеркнуть, что при посягательстве на жизнь одного человека и при угрозе лишения жизни других лиц убийство квалифицируется по п. "д", а п. "з" ст. 102 УК не применяется.

Вопрос о квалификации убийства по совокупности этих признаков, по нашему мнению, должен разрешаться следующим образом. В тех случаях, когда лицо, совершая преступление, ставит перед собой конкретную цель — убийство двух или более лиц и осуществляет его способом, при котором создается опасность для жизни других лиц, применению подлежат как п. "з", так и п. "д" ст. 102 УК. Здесь способ убийства двух или более лиц одновременно свидетельствует о его опасности для жизни многих людей. Преступление будет квалифицироваться по совокупности пп. "з" и "д" ст. 102 УК и в том случае, если виновный совершит убийство двух или более лиц, независимо от характера умысла, способом, опасным для жизни многих людей, в отношении которых он действовал с косвенным умыслом.

Глава V. УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ В СОСТОЯНИИ СИЛЬНОГО ДУШЕВНОГО ВОЛНЕНИЯ

1. Умышленное убийство в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения признается убийством, совершенным при смягчающих обстоятельствах. Это объясняется тем, что такое убийство обусловлено особым эмоциональным состоянием виновного — сильным душевным волнением, которое в судебной психиатрии и психологии называется физиологическим аффектом. Он представляет собой "крайне резко выраженную, но кратковре-

менную эмоцию, возникающую в ответ на воздействие чрезвычайного раздражения"[1]. От физиологического аффекта необходимо отличать патологический аффект, который является одним из видов временного расстройства душевной деятельности и исключает вменяемость (ст. 11 УК). Физиологический аффект, наоборот, не исключает вменяемости, поскольку даже в самый сильный момент аффективной вспышки человек может "взять себя в руки"[2]. Лица, совершающие те или иные действия в состоянии физиологического аффекта, признаются вменяемыми, поскольку у них сохраняется в той или иной мере способность самообладания, возможность действовать в известном соответствии с поводом, вызвавшим аффективную реакцию[3], отсутствует состояние помрачения сознания. Учитывая это особое состояние сознания, закон рассматривает совершение преступления в состоянии сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего, как обстоятельство, смягчающее ответственность (п. 5 ст. 38 УК). Одно из конкретных проявлений этого общего указания закона — ст. 104 УК. В литературе указывалось на "неточность" формулировки ст. 104 УК. Предлагалось "внезапно возникшее сильное душевное волнение" заменить термином "аффект", поскольку только состояние аффекта в совокупности с неправомерными действиями потерпевшего может выступать в качестве смягчающего преступление обстоятельства[4]. По нашему мнению, это предложение является весьма спорным. В законе все же лучше иметь развернутую и всем понятную формулировку.

2. Для квалификации убийства по ст. 104 УК особенно важное значение имеет анализ субъективной стороны, которая характеризуется не только умыслом, мотивом, но и эмоциями, дающими специфическую окраску данному преступлению.

При убийстве в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения умысел может быть как п р я м ы м, так и к о с в е н н ы м. Мы не можем разделить высказанное В.И. Ткаченко мнение о том, что такое убийство совершается только с косвенным умыслом. Это утверждение не вытекает из закона и автором ничем не обосновано. Его довод о том, что "умысел в этом случае возникает внезапно, человек в значительной мере теряет контроль над своими поступками, не может регулировать их интенсивность"[5], характеризует лишь момент возникновения умысла, а не его форму.

Не всегда правильно определяется соотношение состояния сильного душевного волнения и мотива убийства, предусмотренного ст. 104 УК. Б.В. Харазишвили, например, считает, что сильное душевное волнение является самостоятельным мотивом преступления[6]. Это неверно. В действительности сильное душевное волнение — особое

психическое состояние человека, которое оказывается почвой для формирования тех или иных мотивов, побуждающих к определенному поведению[7]. Именно от точного установления мотива в целом ряде случаев зависит правильное решение вопроса о квалификации убийства по ст. 104 УК. Хотя мотив здесь и не определяет квалификацию, но выяснение его нередко необходимо для ответа на вопрос, было ли состояние сильного душевного волнения у лица, совершившего убийство. Изучение практики показывает, что убийство, предусмотренное ст. 104 УК, в большинстве случаев совершается по мотиву мести или ревности. Эти мотивы чаще всего выступают побудительными причинами действий лица, виновного в таком убийстве.

3. Состояние сильного душевного волнения должно быть внезапно возникшим. Внезапность его возникновения тесно связана с возникновением мотива. Дело в том, что мотивы могут формироваться как спустя определенное время после появления обстоятельств, вызвавших их, так и внезапно, сразу же за этими обстоятельствами. В данном случае мотивы мести, ревности и другие возникают как непосредственная реакция на неправомерные действия потерпевшего. Мотив и внезапность возникновения сильного душевного волнения при убийстве — не только тесно связанные, но и параллельно существующие категории, возникающие одновременно. В этом смысле можно говорить о внезапности возникновения и сильного душевного волнения, и мотива при убийстве, подлежащем квалификации по ст. 104 УК. Нельзя внезапность возникновения сильного душевного волнения подменять "внезапностью совершения преступления"[8]. Это не равнозначные ситуации. Убийство может быть совершено внезапно, а внезапности возникновения сильного душевного волнения, чего требует ст. 104 УК, может и не быть. Если же внезапность возникновения сильного душевного волнения отсутствует, то отпадает и возможность относить совершенное преступление к данному виду убийства.

Внезапность возникновения сильного душевного волнения состоит в том, что оно появляется немедленно как ответная реакция на тяжкое оскорбление или насилие. Из этого следует, что разрыв во времени между тяжким оскорблением или насилием и сильным душевным волнением невозможен. Если допустить такой разрыв, то сильное душевное волнение будет лишено внезапности возникновения, которая характерна для физиологического аффекта.

Э.Ф. Побегайло предложил исключить из ст. 104 УК указание на внезапность возникновения сильного душевного волнения, поскольку "приходится сталкиваться со случаями физиологическо-

го аффекта, формирующегося постепенно под воздействием длительной психотравмирующей ситуации, вызванной систематическим неправомерным либо аморальным поведением потерпевшего"[9]. С этим трудно согласиться. Ситуация, о которой идет речь, возможна, например, при убийстве на почве ревности или мести. Суд вправе учесть ее и в соответствии с п. 5 ст. 38 УК, когда преступление совершено под влиянием сильного душевного волнения, и снизить виновному наказание. Для преступления, предусмотренного ст. 104 УК, как раз характерна внезапность возникновения сильного душевного волнения (краткосрочная внезапно возникшая эмоция), повлиявшего на поведение лица, совершившего преступление.

4. Для правильного применения ст. 104 УК важное значение имеет разрешение вопроса о моменте возникновения и приведения в исполнение умысла на убийство и об условиях, в которых он возникает.

Внезапность, характеризующая возникновение сильного душевного волнения, мотива убийства, предусмотренного ст. 104 УК, характерна и для возникновения умысла на убийство. Такое убийство не может быть заранее задуманным, предумышленным, а следовательно, какие-либо приготовительные действия к убийству исключают применение ст. 104 УК. В связи с этим вряд ли верно утверждение о том, что для преступления, совершаемого в состоянии аффекта как сложного волевого действия, присуще "планирование, которое включает в себя выбор средств и путей, ведущих к достижению цели"[10].

Характерным для убийства в состоянии аффекта является не только внезапность возникновения, но и "немедленное приведение в исполнение умысла на преступные действия"[11]. Во всяком случае обстоятельства дела при квалификации убийства по ст. 104 УК должны свидетельствовать о том, что умысел на его совершение приведен в исполнение до окончания состояния внезапно возникшего сильного душевного волнения, которое продолжается иногда всего лишь несколько минут"[12].

По-иному должен решаться вопрос в тех случаях, когда возникший в состоянии сильного душевного волнения умысел на убийство не был приведен в исполнение сразу, а осуществлен после того, как это состояние прошло. Статья 104 УК при этих обстоятельствах не может быть применена. Такие убийства при отсутствии отягчающих обстоятельств подлежат квалификации по ст. 103 УК. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ признала правильной квалификацию действий Б., осужденного по ст. 103 УК за умышленное убийство Л., сославшись на то, что виновный после оскорбления его потерпевшим пошел

домой, взял ружье, зарядил его, ходил к соседу и производил до совершения убийства другие действия. Верховный суд, таким образом, подчеркнул, что убийство не может быть квалифицировано по ст. 104 УК, если умысел на убийство не реализован сразу же в состоянии аффекта.

5. Анализ признаков, указанных в ст. 104 УК, позволяет, во-первых, выявить наличие или отсутствие физиологического аффекта и, во-вторых, признать или не признать имевший место физиологический аффект смягчающим обстоятельством, достаточным для квалификации убийства по этой статье.

Физиологический аффект может быть вызван как физическим насилием (причинение телесных повреждений, нанесение побоев и т.п.), так и психическим (угроза причинить физическое насилие, огласить заведомо клеветнические, позорящие сведения). Чаще всего в следственной и судебной практике в связи с убийством встречается состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванное физическим насилием.

Характерная черта насилия — противозаконность действий потерпевшего. В связи с этим не может быть квалифицировано по ст. 104 УК убийство, совершенное в таком состоянии лицом, которое подвергалось насилию на законном основании. Кроме того, во всех случаях, когда насилие явилось поводом для возникновения сильного душевного волнения и убийства, не исключается возможность и необходимой обороны или превышения ее пределов. В судебной практике встречаются убийства в состоянии необходимой обороны или с превышением ее пределов, когда лицо, совершившее убийство, находилось в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Следовательно, прежде чем решить вопрос о квалификации действий лица, совершившего убийство в состоянии физиологического аффекта, вызванного насилием, необходимо исключить возможность квалификации убийства по ст. 105 УК (превышение пределов необходимой обороны) или прекращения дела по ст. 13 УК.

В некоторых случаях допускается неправильное понимание процесса возникновения сильного душевного волнения. По приговору Архангельского областного суда Л. был осужден за умышленное убийство Ш. В судебном заседании подсудимый утверждал, что он совершил убийство в состоянии аффекта. Суд, не согласившись с ним, указал в приговоре, что потерпевший после насилия над виновным "повернулся спиной" и "уже уходил". Президиум Верховного Суда РФ не согласился с доводами областного суда и переквалифицировал действия Л. на ст. 104 УК. Следует отметить, что соображения, которые приводились в

приговоре по этому делу, могут иметь значение при установлении наличия или отсутствия состояния необходимой обороны, но они не имеют значения при решении вопроса о применении ст. 104 УК. В этом случае вовсе не требуется, чтобы насилие продолжалось, достаточно установить факт только что совершенного насилия, вызвавшего состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Тяжкое оскорбление как повод для возникновения внезапного сильного душевного волнения в практике встречается реже, чем насилие. Но определение понятия тяжкого оскорбления представляет большую сложность, чем определение понятия насилия. Некоторые авторы, рассматривающие этот вопрос, ограничиваются утверждением о том, что признание того или иного оскорбления тяжким является вопросом факта и входит в компетенцию суда[13]. Против этого вряд ли можно возражать. Вместе с тем, с нашей точки зрения, необходимо попытаться хотя бы в общих чертах выяснить, в чем же состоит тяжкое оскорбление, достаточное для того, чтобы вызвать состояние физиологического аффекта.

Для определения наличия или отсутствия состояния аффекта при убийстве, вызванного тяжким оскорблением, важное значение имеет степень тяжести оскорбления. Прежде всего следует подчеркнуть, что далеко не всякое оскорбление можно считать в такой степени тяжким, чтобы оно вызвало состояние аффекта и повлекло убийство.

Изучение следственной и судебной практики показывает, что степень тяжести оскорбления не всегда правильно определяется, когда речь идет о наличии или отсутствии состояния аффекта при убийстве. Суды в ряде случаев необоснованно отказываются признать убийство совершенным в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, ссылаясь на то, что оскорбление не было тяжким. При этом не всегда учитываются в совокупности все действия и поведение потерпевшего как перед убийством непосредственно, так и совершенные им несколько раньше.

Кемеровский областной суд осудил З. за убийство ее мужа М. В судебном заседании подсудимая признала себя виновной и показала, что М. систематически издевался над нею (избивал и оскорблял) и в день убийства вновь оскорбил, заявив, что он не является отцом ребенка, которым она беременна, и поэтому совместную жизнь продолжать больше не будет. В ответ на это З. схватила топор и несколько раз ударила М. по голове. Суд не признал оскорбление З. тяжким и осудил ее за убийство из мести. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ не согласилась с решением о тяжести оскорбления З., сославшись на

то, что М. систематически скандалил, пьянствовал, оскорблял и истязал З. Все это переполнило "чашу терпения" и при очередном оскорблении, унижающем достоинство З., привело ее в состояние физиологического аффекта. Тем более что, как утверждала З., она не хотела убить мужа и не помнит обстоятельств убийства.

При определении тяжести оскорбления не могут не учитываться индивидуальные особенности виновного, совершившего убийство. Известно, что к таким особенностям относится и беременность, при которой наблюдается повышенная возбудимость психики женщины. Вместе с тем нельзя переоценивать значение индивидуальных особенностей личности виновного при решении вопроса о том, является ли оскорбление тяжким, как это делает, например, В.И. Ткаченко. Он считает, что при определении тяжести оскорбления "необходимо всегда учитывать состояние физического и психического здоровья человека". Это привело бы к утрате общепринятого эталона поведения в обществе. По нашему мнению, субъективная оценка виновным характера нанесенного оскорбления без учета всех данных, имеющихся в деле, не может служить основанием для признания убийства совершенным в состоянии аффекта.

В юридической литературе спорным считается вопрос о том, следует ли признать оскорбление тяжким при нарушении супружеской верности в присутствии одного из супругов. На этот вопрос ответить заранее для всех случаев, по нашему мнению, невозможно. Из анализа дел об убийстве следует, что существуют самые различные обстоятельства, которые учитываются судами по таким делам при решении вопроса о применении ст. 104 УК.

Президиум Верховного суда РФ, например, признал тяжким оскорблением, вызвавшим внезапно возникшее сильное душевное волнение у Г., который убил в своей квартире жену, обнаружение ее в постели с неизвестным мужчиной. Президиум указал, что состояние аффекта у осужденного было вызвано тяжким оскорблением его супружеских чувств со стороны потерпевшей. По другому делу Л. был осужден за то, что совершил убийство жены в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, застав ее ночью в квартире наедине со своим товарищем С. Президиум отменил приговор и признал, что действия потерпевшей нельзя считать тяжким оскорблением для Л., поскольку он с женой в течение двух недель не проживал, пытался создать семью с другой женщиной, в квартиру жены зашел случайно, без намерения возобновить супружеские отношения.

Сопоставление обстоятельств убийства по каждому из этих дел показывает, что Президиум Верховного суда РФ не просто учитывал факт измены супруга, а оценивал все данные в совокупности.

Изучение судебной практики показывает, что в ряде случаев действия потерпевшего, приводящие к возникновению сильного душевного волнения, содержат одновременно и насилие и оскорбление. Так, народный суд Глушковского района Курской области осудил С. по ст. 104 УК за то, что она задушила своего сына, который, явившись домой в пьяном виде, потребовал, чтобы она вступила с ним в половую связь, и при этом наносил ей побои. Суд признал, что виновная находилась в состоянии внезапно возникшего сильного волнения, вызванного тяжким оскорблением и насилием.

В ст. 104 УК указывается также и на то, что сильное душевное волнение может быть вызвано, кроме насилия или тяжкого оскорбления, также иными противозаконными действиями потерпевшего, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких. Необходимость такого указания в ст. 104 УК объясняется тем, что насилие и тяжкое оскорбление не исчерпывают всех возможных поводов возникновения внезапного сильного душевного волнения, повлекшего причинение смерти потерпевшему. Под иными противозаконными действиями следует понимать такие действия, совершенные потерпевшим, которые не могут быть признаны ни насилием, ни оскорблением и вместе с тем характеризуются грубым нарушением прав и законных интересов виновного или его близких (причинение смерти либо вреда здоровью не в результате насилия, самоуправство, клевета и т.п.). Однако само совершение иных противозаконных действий еще недостаточно для того, чтобы признать установленным факт физиологического аффекта. Необходимо, чтобы эти противозаконные действия повлекли или могли повлечь наступление тяжких последствий для виновного или его близких. Это обстоятельство на практике не всегда учитывается. Так, одним из народных судов Владимирской области по ст.ст. 15 и 104 УК были квалифицированы действия Н., покушавшегося на убийство инспектора рыбохозяйства, который составил акт о якобы имевшем место нарушении Н. правил ловли рыбы и потребовал штраф. Было установлено, что Н. в действительности никаких правил не нарушал. Хотя инспектор рыбохозяйства действовал незаконно, по данному делу нет достаточных оснований признать, что Н. находился в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Действия инспектора не повлекли и не могли повлечь для виновного тяжких последствий, о которых упоминает закон.

В качестве примеров возникновения состояния аффекта в результате иных противозаконных действий, повлекших тяжкие последствия, можно привести убийство шофера автобуса отцом ребенка, который был задавлен в присутствии виновного в результате нарушения потерпевшим правил уличного движения, убийство лица, совершившего поджог дома или иного имущества.

Из ст. 104 УК следует, что внезапное сильное душевное волнение и как следствие его умысел на убийство могут возникнуть не только у того лица, которому причинено насилие или нанесено оскорбление, но и у других лиц, которым об этом факте стало известно. На практике этот вопрос возникал и решался положительно. Так, Ц. был осужден за убийство В., который жестоко избил его несовершеннолетнего сына. Вечером в дом Ц. соседи принесли его сына, рассказав, что мальчика избивал палкой В. Сын Ц. находился без сознания и был весь окровавлен, его одежда порвана. Еще в детстве он лишился одного глаза, а теперь второй глаз после избиения оказался залитым кровью. Возмущенный Ц. схватил ружье, выбежал на улицу и, встретив недалеко от своего дома В., застрелил его. Президиум Верховного суда РФ признал, что Ц. совершил убийство в состоянии аффекта. В данном случае действия Ц. были вызваны насилием в отношении сына, оно возмутило Ц., хотя к нему не относилось. Действия же потерпевшего были противозаконными, повлекшими тяжкие последствия для близкого Ц. человека.

Противозаконные действия в отношении другого лица и особенно в отношении детей, женщин и стариков вызывают справедливое чувство негодования у каждого человека. Тем более оно присуще родственникам или знакомым лица, подвергшегося насилию или тяжкому оскорблению. Поэтому было бы неправильным считать это чувство третьих лиц низменным или отягчающим ответственность в случае убийства в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Обязательным условием применения ст. 104 УК при убийстве являются насилие, тяжкое оскорбление или иные противозаконные действия *потерпевшего*, которые вызвали состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения. Отсутствие этого условия судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ признала основанием для отмены приговора в отношении Ч., осужденной по ст. 104 УК за убийство своего мужа Х. при следующих обстоятельствах. Х. в пьяном виде заснул на берегу реки Камы. Увидев мужа в таком состоянии и убедившись, что в карманах его одежды нет полученной в тот день зарплаты, а на руках — часов, Ч. нанесла ему множество ударов палкой по голове. От получен-

ных повреждений Х. умер. Судебная коллегия подчеркнула, что состояние сильного душевного волнения Ч. было вызвано не противоправными действиями потерпевшего, а иными причинами, не указанными в законе в качестве условия применения ст. 104 УК. Здесь же следует указать на то, что действия лица, совершившего умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения, не могут квалифицироваться по ст. 104 УК, если душевное волнение вызвано не потерпевшим, а действиями других лиц[14].

Возникает еще один вопрос, имеющий равное значение для определения понятия как насилия, тяжкого оскорбления, так и иных противозаконных действий: о субъективной стороне всех этих действий потерпевшего. С нашей точки зрения, отношение потерпевшего к своим действиям не может быть одинаковым при насилии, тяжком оскорблении и при совершении иных противозаконных действий.

Что касается насилия и тяжкого оскорбления, которые могут вызвать состояние физиологического аффекта, то каждое из них должно быть нанесено умышленно. При изучении следственной и судебной практики нам не встретилось ни одного случая квалификации убийства по ст. 104 УК, когда оно было бы совершено в состоянии сильного душевного волнения, внезапно возникшего в результате насилия или тяжкого оскорбления со стороны потерпевшего, причиненных по неосторожности. Такое положение не случайно. Насилие, причиненное по неосторожности, в силу его характера не дает достаточных оснований расценивать возникшее в связи в с этим сильное душевное волнение как смягчающее обстоятельство. Оскорбить же по неосторожности вообще немыслимо.

По-другому должен решаться вопрос об отношении потерпевшего к иным противозаконным действиям, которые вызывают физиологический аффект. Они могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности. Выше уже приводился пример, когда шофер, управляя автобусом, наехал на мальчика и задавил его. Эти противозаконные действия он совершил по неосторожности, однако состояние аффекта при убийстве, совершенном отцом мальчика в результате этих действий, бесспорно. В качестве примера умышленного совершения потерпевшим иных противозаконных действий можно привести самоуправство.

6. При обсуждении вопроса об условиях возникновения сильного душевного волнения необходимо учитывать и состояние психического здоровья лица, у которого возникло сильное душевное волнение. Изучение практики показывает, что следователи и

судьи при определении состояния аффекта основное внимание уделяют провоцирующему поведению потерпевшего и почти не учитывают психофизические свойства виновного, другие данные о его личности, оказывающие влияние на решение совершить преступление[15]. Между тем специальные исследования показывают, что среди осужденных за преступления против личности, включая и осужденных по ст. 104 УК, 68% таких лиц имеют психические аномалии. Они в большинстве своем трудоспособны, дееспособны и вменяемы, но их личность характеризуют такие черты, как раздражительность, агрессивность, жестокость и в то же время у них снижены волевые процессы и ослаблены сдерживающие контрольные механизмы[16]. В силу этих качеств лица с психическими аномалиями более склонны к аффективным действиям, чем лица, у которых нет подобных аномалий. Данное обстоятельство должно учитываться при определении условий возникновения, а также наличия или отсутствия состояния сильного душевного волнения при квалификации преступления по ст. 104 УК.

7. В литературе обсуждался вопрос о необходимости проведения судебной экспертизы для определения внезапно возникшего сильного душевного волнения. Были высказаны различные мнения. Одни авторы предлагают проводить судебно-психологическую экспертизу[17], другие — комплексную психологическо-психиатрическую экспертизу[18]. На практике встречаются случаи назначения судебно-психиатрической экспертизы.

Как уже отмечалось, состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения — это особое эмоциональное состояние психически здорового человека. На этом основании нам представляется правильным мнение тех авторов, которые высказываются за назначение в таких случаях судебно-психологической, а не судебно-психиатрической экспертизы, исследующей болезненное состояние психики.

Что касается предложения о назначении комплексной психологическо-психиатрической экспертизы, то она целесообразна для тех случаев, когда необходимо разграничить физиологический и патологический аффекты. Однако назначать такую экспертизу во всех случаях для определения состояния физиологического аффекта нет никакой необходимости. Длительное изучение следственной и судебной практики не выявило ни одного случая, когда бы такой вопрос возникал. Не приводит их и автор этого предложения.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что пределы компетенции эксперта-психолога ограничены выявлением наличия или отсутствия состояния физиологического аффекта. Исследования психологов подтверждают принципиальную возможность обос-

нованного ответа на этот вопрос. Установлено, что следы от каждого пережитого аффекта остаются в психике довольно долгое время. Дело в том, что во время аффекта "в организме происходит ряд функциональных сдвигов, большинство которых выходит из-под контроля сознания. Это выражается в изменениях биохимических, физиологических и психологических процессов"[19].

Заключение судебно-психологической экспертизы должно оцениваться обязательно с учетом всех других доказательств, раскрывающих картину совершенного убийства. Суды не всегда идут по этому пути. По приговору Томского областного суда С. был осужден по ст. 103 УК за убийство А. Оба они в квартире А. совместно с другими лицами распивали спиртные напитки. А. попросил младшего по возрасту С. принести из спальни часы и сам пошел за ним. В спальне А. стал принуждать С. к мужеложству, обнимал и срывал с него одежду. Эти действия вызвали возмущение С., который схватил лежавшие на тумбочке ножницы и нанес ими А. несколько ударов в грудь, от которых он скончался на месте. По делу была проведена судебно-психологическая экспертиза, которая признала, что С. не находился в состоянии сильного душевного волнения. Одним из доводов было то, что С. в момент убийства был в нетрезвом состоянии. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ переквалифицировала действия виновного на ст. 104 УК, указав, что суд обязан был оценить заключение экспертов в совокупности со всеми обстоятельствами убийства, подчеркнув, что состояние опьянения не исключает сильного душевного волнения, вызванного в данном случае циничными противоправными действиями.

Вопрос о внезапности возникновения сильного душевного волнения эксперт-психолог, по нашему мнению, не может решать. Это оценочная категория. Верховный суд РСФСР, квалифицируя действия Д. по ст. 104 УК, подчеркнул, что "при решении вопроса о том, являлось ли сильное душевное волнение лица внезапно возникшим, суд должен исходить из совокупности конкретных обстоятельств дела"[20].

8. В тех случаях, когда лицо, ранее совершившее умышленное убийство, совершает убийство в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, последнее преступление должно квалифицироваться по ст. 104 УК. Из п. "и" ст. 102 УК следует, что умышленное убийство не может считаться повторным, если прежнее убийство было признано совершенным в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Такое решение является принципиальным. Нельзя устанавливать равную ответственность за повторное умышленное убийство, пре-

дусмотренное ст.ст. 102 или 103 УК, и за умышленное убийство, предусмотренное этими же статьями, совершенное лицом, ранее совершившим убийство при смягчающих обстоятельствах. Равным образом поэтому не может быть квалифицировано по п. "и" ст. 102 УК убийство, совершенное в состоянии аффекта, лицом, ранее уже совершившим умышленное убийство, предусмотренное ст.ст. 102 и 103 УК*.

9. Как уже отмечалось, некоторая часть следователей и судей придерживается мнения о том, что так называемое убийство в драке должно квалифицироваться по ст. 103 УК. Не говоря уже о том, что убийство в драке далеко не всегда исключает применение ст. 102 УК, необходимо отметить, что о возможности применения при определенных условиях по таким делам ст. 104 УК вообще зачастую забывают. В качестве примера можно привести дело по обвинению Г., который был осужден за умышленное убийство без отягчающих обстоятельств. Суд указал, что Г. убил П. в драке. Президиум Верховного суда РФ установил, что П. на улице подошел к незнакомому ему Г. и беспричинно ударил его кулаком по лицу. В ответ Г. ударил кулаком П. Затем П. нанес еще несколько ударов по лицу Г. и отбежал. Г. достал из висевшей на боку сумки сапожный нож и ударил им П. в грудь. От полученного ранения П. умер. Президиум указал, что Г. совершил убийство в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, которое было вызвано хулиганскими действиями потерпевшего.

Таким образом, в ряде случаев так называемое убийство в драке, квалифицированное по ст. 103 УК, при более внимательном и глубоком исследовании обстоятельств совершенного преступления оказывается убийством в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Глава VI. УБИЙСТВО ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

1. Институт необходимой обороны в уголовном праве является одной из важных гарантий обеспечения защиты жизни, здоровья, чести и достоинства граждан, безопасности в обществе, интересов государства. Действия граждан, работников милиции, военнослужащих и любых лиц, выполняющих служебные обязанности, которые направлены на отражение общественно опасного посяга-

* См. также гл. II, где рассматриваются вопросы квалификации убийств, совершенных одновременно и при отягчающих и смягчающих обстоятельствах.

тельства, при соблюдении требований закона не содержат состава преступления. Только при превышении пределов необходимой обороны лицо, обороняющееся от общественно опасного посягательства подлежит привлечению к уголовной ответственности. Но и в этом случае преступление признается совершенным при смягчающих обстоятельствах (п. 6 ст. 38 УК), однако оно, как правило, не влечет иную квалификацию. Убийство же при превышении пределов необходимой обороны подлежит квалификации по ст. 105 УК*.

Для решения вопроса о том, было ли совершено убийство при превышении пределов необходимой обороны, должно быть выяснено, было ли состояние необходимой обороны. Очевидно, что нельзя превысить пределы необходимой обороны, если выясняется, что ее вообще не было.

2. На момент завершения данной работы обсуждается проект изменения редакции ст. 13 УК. Предлагается статья из трех частей. В первой части провозглашается право на защиту прав и законных интересов как обороняющегося лица, так и других лиц, а также право граждан на защиту общества и государства путем причинения вреда посягающему. Предлагается здесь же записать, что такая защита правомерна независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. Во второй части проекта статьи подчеркивается, что правомерной является защита прав и законных интересов субъектов, упомянутых в части первой, путем *причинения любого вреда* посягающему, если нападение было *сопряжено с насилием, опасным для жизни* обороняющегося или других лиц, либо *непосредственной угрозой такого вреда*. В части третьей проекта статьи речь идет о случаях, когда нападение *не сопряжено* с насилием или угрозой насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица. Здесь указывается, что защита является право-

---

* Применение норм УК о необходимой обороне является достаточно трудным вопросом для следственной и судебной практики. В связи с этим Пленум Верховного суда СССР принял в разные годы два руководящих постановления "О порядке применения судами законодательства о необходимой обороне" от 4 декабря 1969 г. и "О применении законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасного посягательства" от 16 августа 1984 г. (см. Бюллетень Верховного суда СССР, 1970 г. № 1, с. 15 — 20; 1984 г. № 5, с. 9 — 13). Оба эти постановления, по нашему мнению, в настоящее время сохраняют свое значение как документы консультативного характера во всех тех случаях, когда они не противоречат законодательству Российской Федерации и практике Верховного суда РФ.

мерной, если при этом не было допущено превышение пределов необходимой обороны, т.е. действий, явно не соответствующих характеру посягательства[1].

Главной в изложенном проекте статьи является часть вторая, в которой предполагается по закону расширить право граждан на необходимую оборону, когда их жизни угрожает опасность.

Эта новелла, по нашему мнению, является результатом развития доктрины уголовного права и накопленной практики Верховного суда РФ и Верховного суда СССР. Если проект статьи 13 будет включен в УК, то у судов от народных до Верховного появится законодательная база, а не постановления пленума, для принятия решений, связанных с правом на необходимую оборону, по значительной части этой категории дел при решении вопроса о применении ст. 105 УК.

Мы не разбираем другие положения проекта ст. 13 УК, поскольку они по содержанию либо существенно не корректируют действующий закон, либо носят декларативный характер. Для следователей и судей по-прежнему останутся трудности установления и оценки конкретных обстоятельств дела при применении ст. 105 УК, а для доктрины уголовного права — обязанность совершенствовать критерии определения превышения пределов необходимой обороны.

3. При квалификации убийства по ст. 105 УК первостепенное значение имеет установление критерия, позволяющего сделать вывод о том, что пределы необходимой обороны действительно были превышены. Таким критерием закон считает явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства (ч. 2 ст. 13 УК). Такое указание законодателя значительно облегчает для следственных и судебных органов решение в каждом конкретном случае вопроса о наличии или отсутствии превышения пределов необходимой обороны. Вместе с тем практика свидетельствует о том, что данный вопрос не во всех случаях разрешается правильно. Как будет показано, по многим аспектам, связанным с превышением пределов необходимой обороны, нет единого мнения и в литературе.

По нашему мнению, формулировка ч. 2 ст. 13 УК дает основания утверждать, что пределы необходимой обороны могут быть превышены как в результате несоразмерности средств защиты и нападения, включая интенсивность действий сторон и ценность защищаемого блага, так и в результате несвоевременной (запоздалой) обороны.

Изучение судебной практики показывает, что превышение пределов необходимой обороны в результате несоразмерности средств защиты и нападения, включая оценку интенсивности

действий сторон и ценности защищаемого блага, встречается чаще, чем превышение пределов необходимой обороны в результате несвоевременности защиты.

В ч. 1 ст. 13 УК указано, что право на необходимую оборону возникает, когда осуществляется защита от общественно опасного посягательства, направленного против интересов государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица. Из этого следует, что общественно опасное посягательство должно быть таким, чтобы в результате этого посягательства были поставлены под угрозу законные права личности и интересы общества и государства.

Анализируя практику применения ст. 105 УК, когда пределы необходимой обороны оказываются превышенными в результате несоразмерности защиты с интенсивностью нападения и характером защищаемого интереса, необходимо отметить, что наиболее распространенной ошибкой по делам этой категории является сужение прав граждан и работников правоохранительных органов на необходимую оборону.

При этом лишение жизни нападающего в состоянии необходимой обороны ошибочно признается убийством при превышении пределов необходимой обороны. Пределы необходимой обороны признаются превышенными в тех случаях, когда интенсивность защиты или ее средства не соответствуют точно интенсивности или средствам нападения.

Пленум Верховного суда СССР в упомянутом постановлении от 4 декабря 1969 г. признал неправильной практику тех судов, которые полагают, что защищающийся имеет право отражать нападение только соразмерными средствами, и без учета конкретных обстоятельств дела признают пределы необходимой обороны превышенными в тех случаях, когда нет соразмерности между актом нападения и актом защиты в отношении как средств защиты, так и наступивших последствий. При разрешении вопроса о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны суды не должны механически исходить из требования соразмерности средств защиты и средств нападения, а также соразмерности интенсивности защиты и нападения. Они должны учитывать как степень и характер опасности, угрожавшей обороняющемуся, так и его силы и возможности по отражению нападения (количество нападавших и оборонявшихся, их возраст, физическое состояние, наличие оружия, место и время посягательства и др. обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и защищавшегося).

Таким образом, разрешение вопроса о правомерности вреда, причиненного нападающему лицом, осуществляющим оборону,

зависит от характера (ценности) защищаемого интереса; соразмерности средств защиты и нападения, интенсивности средств защиты и нападения; ряда других обстоятельств, характеризующих соотношение сил нападающего и обороняющегося и обстановку посягательства.

3.1. Защита от общественно опасного посягательства уже в силу ее необходимости предполагает соответствие интереса (блага) защищаемого (важность его сохранения в неприкосновенности) тому вреду, который может быть причинен, но лишь в самых общих чертах. Закон признает неправомерным вред только при явном несоответствии ценности блага, которое защищалось, тому вреду, который причинен нападающему. Поэтому мы согласны с А.Я. Груном[2], который считал, что от нападения, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, можно защищаться любыми средствами и способами, не угрожающими здоровью или жизни третьих лиц (имеются в виду не участники нападения). В то же время это не означает, что от нападения, не угрожающего жизни, ни при каких обстоятельствах нельзя защищаться способом, угрожающим жизни нападающего. Очевидно, что женщина, подвергшаяся нападению лица, покушавшегося на изнасилование, вправе защищаться любыми средствами и причинить тяжкий вред нападающему.

Изучение судебной практики показало, что не всегда правильно оценивается ценность блага, на которое совершается посягательство. В ряде случаев право необходимой обороны признается за лицом только при преступном посягательстве на него самого или на его права, хотя согласно закону граждане имеют право защищать от такого посягательства интересы личности, общества и государства и права других лиц, которые подвергаются посягательству. Кстати, иногда под "преступным посягательством" понимаются лишь те преступления, которые связаны с нападением, хотя граждане, осуществляя свое право на необходимую оборону, вправе защищать указанные интересы и от других посягательств[3].

3.2. Соразмерность средств защиты и нападения — это прежде всего вопрос о том, какими средствами пользовался посягающий при нападении и чем, каким образом защищалось лицо, подвергшееся нападению. Решая данный вопрос, необходимо учитывать вызванное нападением душевное волнение, когда обороняющийся не всегда в состоянии точно взвесить характер опасности и избрать соразмерные средства защиты, что, естественно, может повлечь и более тяжкие последствия, за которые он не должен нести ответственности.

Изучение практики показывает, что при определении соразмерности средств защиты и нападения чаще всего возникает вопрос о правомерности применения оружия или предметов, его заменяющих, при защите от общественно опасного посягательства. Органам следствия и суду приходится обсуждать этот вопрос по каждому уголовному делу, где речь идет о необходимой обороне или о превышении ее пределов. В тех случаях, когда обороняющийся применяет те же средства защиты, что и посягающий для нападения, этот вопрос не вызывает больших трудностей. Он возникает тогда, когда при защите применены более эффективные средства, чем при нападении. Встречаются случаи механического признания превышения пределов необходимой обороны лишь на том основании, что обороняющийся применил оружие, а нападающий не был вооружен. Нередко такой подход приводит к необоснованному осуждению. Так, З. была осуждена по ст. 105 УК за убийство К. при превышении пределов необходимой обороны. Суд установил, что осужденная и потерпевший в течение нескольких лет часто встречались. Затем З. прекратила встречи с К. и уговаривала его оставить ее в покое. Однажды К., находясь в нетрезвом состоянии, пришел в дом, где проживала З., и стал стучать в дверь, но она его не пустила. В этот момент они нанесли друг другу оскорбления. Продолжая требовать открыть ему дверь, К. стал угрожать З. убийством, затем начал ломать дверь. Когда он выломал филенку двери, З. взяла висевшее на стене ружье, зарядила его и в пролом двери произвела два выстрела, которыми убила К. Суд признал, что З. превысила пределы необходимой обороны. Однако Пленум Верховного суда СССР не согласился с такой оценкой действий З. и указал, что средства защиты, примененные ею, соответствуют конкретной обстановке, сложившейся в результате неправомерных действий К., степени и характеру угрожавшей опасности, а также силам и возможностям З. по отражению нападения. Пленум обвинительный приговор отменил, а дело производством прекратил.

Приведенный пример убедительно показывает несостоятельность попыток заранее предопределить неправомерность вооруженной защиты от невооруженного нападения.

3.3. Анализ соотношения интенсивности нападения и защиты по многим делам этой категории имеет важное значение. В самом деле, чем интенсивнее действует нападающий, тем большую угрозу для обороняющегося он создает, заставляя его также действовать интенсивнее.

В настоящее время взгляд, согласно которому лицо, подвергшееся общественно опасному посягательству, вправе а к т и в н о защищаться от нападения, в литературе считается общепризнан-

ным. К сожалению, до последнего времени встречаются случаи, когда правомерность активной защиты от нападения ставится под сомнение, если лицо, подвергшееся нападению, имеет возможность спастись бегством, обратиться к органам власти, к гражданам или избрать какие-либо иные способы защиты, не носящие характера активного сопротивления посягающему. Это одна из наиболее распространенных ошибок в следственной и судебной практике.

Так, прокуратурой Брянской области был привлечен к уголовной ответственности работник милиции А. за убийство М. при следующих обстоятельствах. А. в 12 часов ночи шел домой из дома культуры по пустынной улице районного центра, прилегающей к парку. Неожиданно из-за столба выскочил М., бывший в нетрезвом состоянии, напал на А., угрожая "рассчитаться по всем правилам", а когда А. попытался убежать, то М. настиг его со словами: "Теперь ты от меня не уйдешь". В этот момент А. обнажил оружие, предупредил М. окриком и выстрелом вверх, но М. продолжал наступать с ножом в руке. А. выстрелил в М. и убил его.

Суд оправдал А., считая, что он действовал в состоянии необходимой обороны. По протесту прокурора оправдательный приговор был отменен. Только Президиум Верховного суда РФ признал оправдательный приговор правильным и указал в постановлении, что у А. были все основания для активной обороны от общественно опасного посягательства.

Отступление от лица, совершающего общественно опасное посягательство, или бегство от него создает обстановку безнаказанности для правонарушителей. Тем более недопустимо выдвигать такое условие правомерности действий для работников милиции, призванных охранять общественный порядок. Бегство работника милиции от нападающего преступника при наличии возможности пресечь преступление должно рассматриваться как грубое нарушение им своих служебных обязанностей.

Выяснение соотношения интенсивности нападения и защиты по большинству дел позволяет более полно и всесторонне выяснить характер и опасность посягательства. В то же время необходимо учитывать, что понятие интенсивности нападения не всегда применимо для характеристики нападения. Нельзя, к примеру, один выстрел из ружья произвести более или менее интенсивно. Здесь общественная опасность достаточно полно характеризуется средством нападения.

3.4. Чтобы правильно решить вопрос о наличии или отсутствии превышения пределов необходимой обороны в случае причинения смерти нападающему, необходимо учитывать также обстоятельства, характеризующие соотношение сил сторон и обстановку посягательства. Учет такого

рода обстоятельств по некоторым делам может иметь решающее значение для вынесения законного и обоснованного приговора. Так, не может не учитываться соотношение сил нападающего и обороняющегося, способность последнего к отражению посягательства. Имеет значение возраст, пол, физическая подготовка и сила. Например, для отражения нападения физически сильного невооруженного мужчины престарелым человеком или подростком будет оправдано применение в качестве средств защиты оружия или предметов, его заменяющих, и соответственное причинение вреда нападающему. Наоборот, для отражения нападения физически слабого человека лицом, обладающим достаточной физической силой, применение оружия может повлечь превышение пределов необходимой обороны.

Число лиц, совершающих общественно опасное посягательство, оказывает определенное влияние на его оценку. Пленум Верховного суда СССР, считая необоснованным осуждение Н. за убийство при превышении пределов необходимой обороны (он ударил потерпевшего И. камнем по голове), признал, что Н. применил средства защиты непосредственно в момент нападения, когда его здоровью и жизни угрожала реальная опасность. Средства защиты, имея в виду численное превосходство нападающих, уже дважды избивавших Н. в этот вечер, соответствовали характеру и опасности посягательства.

Даже тогда, когда нападение осуществляет одно лицо, а другие сообщники не проявляют активности и поддерживают его лишь своим присутствием, опасность посягательства возрастает. Для обороняющегося в таких случаях очевидно, что в любую минуту в результате вмешательства других лиц соотношение сил может резко измениться в пользу нападающего.

Имеет значение и обстановка, в которой происходит посягательство. Например, в лесу или на пустынной улице нападение требует более решительных средств защиты, чем нападение, совершенное днем на людной улице, где есть возможность прибегнуть к помощи других лиц. Правда, при этом необходимо иметь в виду, что при наличии общественно опасного посягательства, угрожающего жизни, не всегда есть возможность обратиться за помощью к другим лицам. Во всяком случае, как уже подчеркивалось, необращение за помощью к другим лицам не должно оказывать влияния на решение вопроса о правомерности причиненного вреда.

Приведенные выше обстоятельства, относящиеся к характеристике защищаемого блага, соразмерности средств защиты и нападения, их интенсивности, соотношения сил сторон и обстановки, в которой совершается посягательство, для правильного разрешения вопроса о квалификации убийства по ст. 105 УК

должны оцениваться в совокупности. Разумеется, значимость указанных обстоятельств в каждом конкретном случае различна и подлежит индивидуальной оценке.

4. Закон (ст. 13 УК) не содержит указания об определении начала и окончания состояния необходимой обороны.

Представляется, что не может быть состояния необходимой обороны до того, как возникла непосредственная угроза нападения и охраняемые законом права и интересы оказались в опасности. Вместе с тем, право на необходимую оборону возникает не только при осуществлении нападения, но и в тех случаях, когда имеется реальная опасность приведения угрозы расправой в немедленное исполнение. С другой стороны, лицо, подвергшееся нападению, имеет право на оборону в течение всего общественно опасного посягательства до того момента, когда для него становится очевидным, что нападение окончилось. Это общие положения, которые, по нашему мнению, могли бы служить основой для определения границ состояния необходимой обороны во времени. В литературе по данному вопросу нет единого мнения. Многие авторы допускают возможность превышения пределов необходимой обороны не только вследствие несоразмерности защиты и характера происходящего нападения, но и вследствие несвоевременности обороны[4].

В.Ф. Кириченко, И.И. Слуцкий и некоторые другие авторы полагают, что превышение пределов необходимой обороны возможно только при несоразмерности интенсивности защиты с интенсивностью нападения и характером защищаемого интереса[5]. Несвоевременность защиты эти авторы либо рассматривают как второстепенный, дополняющий признак, либо вообще не относят к превышению пределов необходимой обороны, ссылаясь на то, что при нарушении границ необходимой обороны во времени отсутствует состояние необходимой обороны и потому не может быть речи о превышении ее пределов.

По нашему мнению, наиболее обоснована позиция, которую занимал А.А. Пионтковский. По его мнению, В.Ф. Кириченко и И.И. Слуцкий "правы лишь наполовину. В тех случаях, когда... опасность посягательства не была еще наличной, нельзя говорить о возникновении права на необходимую оборону. Поэтому причинение вреда лицу, которое может лишь в будущем совершить нападение, нельзя рассматривать как превышение пределов необходимой обороны".

Заметим, что ни один из авторов, отстаивающих возможность превышения пределов необходимой обороны при так называемой преждевременной обороне, не может привести случая из практики. И.С. Тишкевич ссылается на постановление Президиума Верхов-

ного суда РСФСР по делу А., который, сидя верхом на лошади, с расстояния 5—6 м выстрелил в Ш., угрожавшего убийством и с ножом в руках приближавшегося к А., несмотря на предупреждение последнего, что он будет стрелять. Однако в данном случае не было преждевременной обороны. Суд квалифицировал действия А. по ст. 103 УК, не признав, что нападение Ш. на А. было действительным и реальным. Президиум Верховного суда РСФСР эти доводы суда счел неубедительными и указал, что А. совершил убийство при превышении пределов необходимой обороны. Следовательно, Президиум нашел, что нападение было действительным и реальным, но А. превысил пределы необходимой обороны. Преждевременной обороны в данном случае не было, поэтому, вполне понятно, о ней в постановлении Президиума ничего не говорится[6].

Превышение пределов необходимой обороны при ее несвоевременности имеет место лишь тогда, когда "преступное посягательство существовало в действительности, а потому и было право на необходимую оборону у потерпевшего или у других лиц, но преступник уже прекратил нападение: опасность нападения миновала или преступный результат уже полностью осуществлен. В этих случаях п р и о п р е д е л е н н ы х у с л о в и я х (разрядка наша — *С. Б.*) можно говорить о превышении пределов необходимой обороны"[7].

А.А. Пионтковский правильно исходил из того, что лицо, только что подвергшееся общественно опасному посягательству, не должно нести ответственность за вред, причиненный нападавшему, на общих основаниях. Ответственность в таких случаях должна быть менее строгой потому, что лицо находится еще под впечатлением произведенного на него нападения. Такая позиция подтверждается практикой Верховного суда РФ. По приговору Хакасского областного суда Б. был осужден за убийство Л. из мести и за покушение на убийство К. Обстоятельства совершения преступления заключались в следующем. Б. проживал в г. Абакане в собственном доме по соседству с К. и Л., которые неоднократно выражали ему свою неприязнь. В один из дней они вызвали Б. из дома на улицу и начали беспричинно избивать его кулаками, ногами, обутыми в сапоги, и палкой. Во время избиения Б. вырвал у К. палку, забежал во двор и закрыл калитку. К. и Л., подбежав к калитке, начали ее дергать. Б. в это время забежал в дом, взял ружье и выстрелил в К., ранив его. Затем Б. выстрелил в пытавшегося убежать Л., который вскоре от полученного ранения умер. Рассмотрев дело, Президиум Верховного суда РФ указал, что со стороны К. и Л. имело место неожиданное и ничем не спровоцированное нападение на Б. и избиение его. Вместе с тем

из описанных обстоятельств преступления видно, что после того, как Б. произвел первый выстрел и легко ранил К., нападение фактически было окончено. Стреляя после этого в Л., который пытался убежать, Б. совершил убийство с превышением пределов необходимой обороны.

В данном случае Б., стреляя в Л., действовал сразу же, без промедления. Его действия по сути дела явились продолжением отражения нападения, но были совершены в тот момент, когда для него было очевидно, что нападение фактически окончилось.

Анализ данного примера приводит к выводу, что впечатление о совершенном нападении, которым руководствуется виновный, "отражая" явно чрезмерными средствами защиты уже оконченное нападение, должно быть ограничено мгновенными ответными действиями. Если же после окончания общественно опасного посягательства виновный совершает убийство через более или менее длительный промежуток времени, то оно должно расцениваться в зависимости от конкретных обстоятельств дела как совершенное либо в состоянии аффекта (ст. 104 УК), либо на почве мести (ст. 103 УК).

Изучение судебной практики показывает, что встречаются и такие случаи, когда защита применяется после окончания нападения при отсутствии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Такое убийство, как правило, свидетельствует о проявлении различного рода низменных побуждений. Дело в том, что законом не признаются совершенными в состоянии необходимой обороны действия обороняющегося, причинившие вред нападавшему, лишь в том случае, если они были совершены уже после того, как нападение было предотвращено или окончено и в применении средств защиты уже явно миновала необходимость, и, следовательно, эти действия выступают как акт мести.

Таким образом, в зависимости от конкретных обстоятельств дела при запоздалой обороне, сопряженной с лишением жизни нападавшего, применение ст. 105 УК должно строго отграничиваться от квалификации других видов убийства. Проведенный выше анализ судебной практики показывает, что отграничение в этих случаях одного вида убийства от другого зависит от соотношения во времени нападения и применения в ответ на него средств защиты. В зависимости от этого применение одних и тех же средств защиты от одного и того же нападения может привести к различной квалификации убийства. Оно может быть признано совершенным, во-первых, при превышении пределов необходимой обороны, когда применение средств защиты последовало немедленно за окончившимся нападением, во-вторых, в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, когда нападение закончилось, но лицо, подвергшееся насилию, находилось в состоянии аффекта, в-третьих, в зависимости от других данных дела без отягчающих или при отягчающих обстоятельствах, когда состояние аффекта прошло и смерть нападавшему причиняется как акт расправы.

Наконец, когда нападение и защита совпадают во времени, лишение жизни может быть признано совершенным в состоянии необходимой обороны. Следовательно, убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 105 УК) следует отграничивать и от состояния необходимой обороны. Это тем более важно, что в практике в отдельных случаях правомерные действия обороняющегося, причинившего смерть нападавшему, под предлогом запоздалой обороны признаются совершенными с превышением пределов необходимой обороны. Между тем лицо, подвергшееся нападению, не всегда в состоянии быстро реагировать на изменение обстановки, тем более в сложных условиях отражения общественно опасного посягательства. Верховным судом Татарстана в кассационном порядке был отменен приговор народного суда в отношении Н., осужденной по ст. 105 УК за убийство своего мужа. Было установлено, что муж Н. систематически пьянствовал, издевался над семьей, выгонял членов семьи из дома, угрожал убийством. Во время очередного скандала он пытался задушить Н., затем взял нож и приставил к ее спине, угрожая убийством. Н. в этот момент вырвала нож и нанесла им мужу удар в грудь, от которого он вскоре умер. Верховный суд прекратил дело в отношении Н., признав, что она действовала в состоянии необходимой обороны. Такое решение является обоснованным. В данном случае нельзя считать, что Н., превысила пределы необходимой обороны, поскольку она подверглась нападению пьяного хулигана и после того, как вырвала у него нож, судя по обстоятельствам дела, имела все основания ждать продолжения нападения. Следовательно, в момент нанесения удара ножом потерпевшему Н. не утратила права на необходимую оборону.

5. Для правильной квалификации убийств, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, первостепенное значение имеет анализ субъективной стороны этого преступления. По данному вопросу были высказаны различные суждения. В.Ф. Кириченко полагает, что убийство при превышении пределов необходимой обороны может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. По его мнению, логически допустимы "четыре комбинации форм виновности: умысел и неосторожность в отношении причинения результата при неосторожном превышении пределов необходимой обороны и умысел и неосторожность в отношении причинения результата при умышленном превышении пределов необходимой обороны"[8].

Соображения, высказанные по этому вопросу В.Ф. Кириченко, подробно разбирались в нашей литературе. Теоретически предлагаемая им конструкция форм вины при превышении пределов необходимой обороны возможна. Но вряд ли правильно анализировать субъективную сторону состава данного преступления отдельно для превышения пределов необходимой обороны и отдельно — для наступивших последствий. В данном случае и из

закона не вытекает необходимость установления так называемой двойной вины, как, например, это требуется при анализе тяжкого телесного повреждения, окончившегося смертью потерпевшего (ч. 2 ст. 108 УК). Для практики такое дробление единого деяния не имеет какого-либо значения, и, видимо, поэтому не было ею воспринято.

Другой взгляд высказал М.И. Якубович, который не только допускает неосторожное совершение убийства при превышении пределов необходимой обороны, но и считает эту форму вины единственно возможной, исключая умысел. Он писал: "В самом деле, можно ли согласиться с утверждением о том, что обороняющийся, защищаясь от преступного посягательства на него или другое лицо, имеет умысел на лишение жизни нападающего. Нет, этого утверждать нельзя, ибо, причиняя вред нападающему, обороняющийся преследует единственную цель — отразить, пресечь преступное посягательство". Это положение также нельзя признать правильным. Прежде всего, обороняющийся не всегда при превышении пределов необходимой обороны преследует единственную цель защиты. Сам же М.И. Якубович в той же работе писал: "Применение явно чрезмерных средств защиты, когда защищающийся с о з н а е т, что он может без всякого риска для себя устранить грозящую опасность менее интенсивным способом, с л е д у е т с ч и т а т ь п р е в ы ш е н и е м пределов необходимой обороны"[9] (разрядка наша — *С.Б.*). Очевидно, что в этом случае М.И. Якубович признавал возможность умышленного превышения пределов необходимой обороны. Кроме того, и в тех случаях, когда единственной целью обороняющегося является защита от нападения, это обстоятельство не устраняет умысла, так как умысел на убийство и цель защиты от нападения —разные понятия, не исключающие друг друга.

Неубедительно и другое соображение М.И. Якубовича о том, что признанием убийства при превышении пределов необходимой обороны умышленным преступлением якобы совершается скачок от непреступления к умышленному преступлению, минуя промежуточное звено, т.е. неосторожную вину. Это соображение могло бы служить доводом в пользу излагаемой М.И. Якубовичем позиции только при том условии, если бы законодательство и доктрина уголовного права признавали неосторожность "промежуточным звеном" между непреступлением и преступлением. Между тем и законодательство и доктрина умысел и неосторожность признают самостоятельными формами вины.

Против признания превышения пределов необходимой обороны при убийстве неосторожным преступлением гово-

рит и ч. 2 ст. 13 УК, в которой превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, что, по нашему мнению, исключает признание превышения пределов необходимой обороны неосторожным преступлением. Из Особенной части УК вытекает, что убийство при превышении пределов необходимой обороны является умышленным преступлением (см. п. "и" ст. 102 УК). Сложившаяся судебная практика также исходит из того, что убийство при превышении пределов необходимой обороны — это умышленное преступление. В литературе аналогичную позицию обосновывает В.И. Ткаченко[10]. Следует указать на то, что в опубликованном проекте УК речь идет об умышленном убийстве при превышении пределов необходимой обороны. Данное решение вопроса представляется принципиальным, ориентирующим на то, что признание причинения смерти по неосторожности исключает квалификацию убийства по ст. 105 УК. Это, очевидно, должно служить критерием для разграничения квалификации убийств, подпадающих под признаки ст.ст. 105 и 106 УК*.

6. Правильная квалификация убийства при превышении пределов необходимой обороны зависит также от критериев отграничения этого преступления от умышленных убийств, предусмотренных ст.ст. 104 и 103 УК.

6.1. Отграничение убийства при превышении пределов необходимой обороны от убийства, предусмотренного ст. 104 УК, необходимо проводить по признакам объективной и субъективной стороны.

В литературе по этому вопросу высказывался Г.А. Кригер. Он писал: "... в ст. 104 УК прежде всего имеются в виду случаи убийства, когда насилие, являющееся первопричиной смерти, было по своему характеру заведомо не опасно для жизни и здоровья человека, а угрожало лишь его телесной неприкосновенности (удары, побои и т.п.). Когда же насилие было заведомо опасным для жизни либо здоровья лица или половой неприкосновенности женщины, у лица, подвергшегося такому насилию, возникает право на необходимую оборону, в процессе которой вполне возможно и причинение смерти нападавшему"[11].

В принципе это правильные соображения, но их нельзя принять без оговорок. Дело в том, что Г.А. Кригер оставляет без внимания некоторые ситуации, при которых насилие, хотя и "заведомо опасное для жизни либо здоровья лица или половой неприкосновенности женщины", в случае

---

* О квалификации убийства по неосторожности см. гл. YII

причинения смерти нападавшему вовсе не обязательно влечет применение ст. 105 УК. Хотя Г.А. Кригер и упоминает о "своевременности защиты" как признаке, имеющем значение для разграничения применения ст.ст. 104 и 105 УК, однако рассматривает его вне связи с характером насилия, исключая вообще возможность превышения пределов необходимой обороны при запоздалой обороне. Г.А. Кригер правильно критикует М.Д. Шаргородского, который считал, что под понятие насилия, предусмотренного ст. 104 УК, подходят удары, побои, телесные повреждения, изнасилование, угрозы и т.п.[12], и исключал, таким образом, право женщины на необходимую оборону в случае причинения смерти насильнику. Вместе с тем изнасилование, причинение тяжкого телесного повреждения, покушение на убийство, явившиеся, как выражается Г.А. Кригер, "первопричиной" смерти потерпевшего, могут при определенной ситуации повлечь квалификацию действий виновного не по ст. 105 УК, например убийство нападавшего третьим лицом, которое пришло в состояние аффекта после того, как нападавший причинил кому-либо тяжкое телесное повреждение, или же убийство в состоянии аффекта, совершенное лицом, на жизнь которого покушался потерпевший, после окончания нападения и в некоторых других подобных случаях. Таким образом, рассмотрение своевременности защиты и нападения в совокупности с характером и интенсивностью посягательства дает основания для правильного разграничения применения ст.ст. 104 и 105 УК.

По форме вины убийства, предусмотренные ст.ст. 105 и 104 УК, одинаковы, они могут быть совершены только умышленно. Для разграничения этих преступлений используются мотивы их совершения. Прежде всего следует подчеркнуть, что при превышении пределов необходимой обороны, по нашему мнению, мотив и цель совпадают, равно как и при совершении убийства из корыстных побуждений и с корыстной целью. Отражая общественно опасное посягательство, лицо руководствуется мотивами необходимости защиты своих прав и законных интересов, общественных и государственных интересов. Целью при отражении общественно опасного посягательства также является защита указанных прав и интересов. Поэтому представляется неудавшейся попытка В.Н. Козака разграничить цель и мотив при превышении пределов необходимой обороны[13].

Как уже подчеркивалось, мотивом убийства, предусмотренного ст. 104 УК, может быть месть, ревность и другие побуждения, порожденные аффективным состоянием психики субъекта. При этом необходимо иметь в виду, что пределы необходимой обороны могут быть превышены также лицом,

находящимся в состоянии аффекта, вызванного общественно опасным посягательством.

Изучение судебной практики показывает важность отграничения убийства при превышении пределов необходимой обороны от умышленного убийства в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Следует исходить из того, что для преступлений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения, характерно причинение вреда потерпевшему не с целью защиты от посягательства и, следовательно, не в состоянии необходимой обороны. Кроме того, для убийства, предусмотренного ст. 104 УК, состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения является обязательным признаком, тогда как для убийства, предусмотренного ст. 105 УК, состояние сильного душевного волнения не составляет обязательного признака. И совсем не имеет никакого значения, было ли оно внезапно возникшим.

6.2. Убийство при превышении пределов необходимой обороны чаще всего приходится отграничивать от простого умышленного убийства (ст. 103 УК) в случаях, когда можно предположить, что последнее было совершено по мотиву мести или в драке.

Как уже подчеркивалось, при отражении общественно опасного посягательства лицо, превысившее пределы необходимой обороны, руководствуется необходимостью защиты от общественно опасного посягательства. До тех пор пока оно руководствуется данным мотивом, причинение смерти посягавшему в такой ситуации квалифицируется по ст. 105 УК. Когда же необходимость защиты от общественно опасного посягательства миновала, а подвергшийся нападению тем не менее причиняет смерть нападавшему, эти действия, как подчеркнул пленум Верховного суда СССР в упомянутом постановлении, выступают "как акт мести — самочинной расправы". Такие действия при отсутствии отягчающих обстоятельств подпадают под признаки ст. 103 УК.

Сложнее решить вопрос о разграничении квалификации убийства по ст. 105 или ст. 103 УК, когда оно совершено в драке. Практика свидетельствует о том, что по общему правилу убийство в драке квалифицируется по ст. 103 УК, если отсутствуют отягчающие обстоятельства*. Однако представляется, что убийство в драке само по себе не исключает возможности рассматривать его совершенным с превышением пределов необходимой обороны или даже как лишение жизни в состоянии необходимой обороны. Такие ситуации на практике встречаются[14]. При этом смешиваются иногда два разных понятия: драка, т.е. взаимное нанесение ударов,

---

* См. главу III.

и избиение — нанесение одним человеком побоев другому. В результате действия обороняющегося неправильно признаются умышленным преступлением против жизни и здоровья, не связанным с необходимой обороной. А это в свою очередь завершается осуждением лица, отражавшего нападение, за умышленное преступление без применения законодательства о необходимой обороне.

В.Н. Козак пишет о двух вариантах, когда в драках может возникать состояние необходимой обороны, дающее право на защиту от противоправного посягательства: а) состояние необходимой обороны лица, пытающегося предотвратить драку, а поэтому втянутого в нее; б) состояние необходимой обороны для обороняющихся лиц[15]. Но таких вариантов может быть больше, например, вступление в драку с тем, чтобы защитить слабого. Но дело, очевидно, не только и не столько в этом. Важно подчеркнуть необходимость анализа субъективной стороны действий участников драки.

Для разграничения квалификации убийства по ст.ст. 105 и 103 УК нужно выяснить прежде всего следующие вопросы: а) подверглось ли нападению лицо, причинившее смерть; б) каков характер данного посягательства; в) с какой целью действовало лицо, подвергшееся нападению. Для анализа убийства в драке необходимо установить, подвергалось ли нападению лицо, совершившее убийство. Военная коллегия Верховного суда СССР при рассмотрении дела С., обвинявшегося в убийстве в драке (ст. 103 УК), отклонила жалобу адвоката о переквалификации действий С. на ст. 105 УК, указав, что осужденный не находился в состоянии необходимой обороны, так как на него не было нападения.

В тех случаях, когда установлено, что лицо, совершившее убийство в драке, действительно подверглось нападению, угрожавшему его здоровью или жизни, и действовало с целью защиты от этого нападения, может идти речь о состоянии необходимой обороны или о превышении ее пределов. В данном случае применение ст. 103 УК исключается.

Если в действиях лица, причинившего смерть, не установлена цель защиты, то при отсутствии отягчающих обстоятельств и состояния внезапно возникшего сильного душевного волнения его действия должны быть квалифицированы по ст. 103 УК.

Особую сложность для разграничения квалификации представляют убийства в драке, в которой участвует несколько человек. В таких случаях правильную юридическую оценку можно дать только при всестороннем анализе обстоятельств, характеризующих обстановку происшествия. Тщательному разбору подлежат дейст-

вия каждого участника драки, их роль в ее возникновении и продолжении, в особенности в момент, предшествовавший нанесению удара, повлекшего смертельный исход. Разумеется, вопрос разрешается с учетом обстоятельств, указывающих на состояние необходимой обороны или на превышение ее пределов.

6.3. Убийство при превышении пределов необходимой обороны следует отграничивать от убийства, совершенного вследствие установки так называемых предохранительных предупредительных устройств.

Судебная практика показывает, что в отдельных случаях к убийствам при превышении пределов необходимой обороны относятся такие убийства, которые совершаются при помощи так называемых предупредительных мер (различного рода капканы, включение электрического тока в оголенный провод и т.д.), предпринимаемых в целях охраны от "возможных воров". Суд признал, что К. совершил убийство Н. при превышении пределов необходимой обороны. К. обмотал забор оголенной проволокой, через которую пропустил электрический ток. Чтобы украсть яблоки, Н. пытался проникнуть в сад. При этом он задел рукой провод и был убит. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ не согласилась с такой квалификацией и указала, что действия К. следует рассматривать как умышленное убийство. К., обмотав забор проволокой и пропустив электрический ток, создал угрозу для жизни граждан, и некоторые из них от случайного соприкосновения с проволокой ранее уже получали ожоги.

В теоретической модели Общей части проекта УК вносилось предложение распространить правила о необходимой обороне на случаи применения технических устройств для защиты правоохраняемых интересов от преступных посягательств, когда эти условия не создавали опасности для лиц, не совершающих общественно опасного посягательства[16]. С этим предложением трудно согласиться. В таких случаях, по нашему мнению, нет и не может быть как состояния необходимой обороны, так и превышения ее пределов, потому что необходимая оборона, как и превышение ее пределов, могут иметь место лишь против конкретного посягательства. Лица, устраивающие опасные для жизни людей приспособления в общедоступных местах, не находятся в состоянии необходимой обороны от конкретных лиц и не могут превысить ее пределов.

В отдельных случаях убийство, связанное с так называемыми предохранительными устройствами, может быть квалифицировано по ст. 106 УК, когда установлена неосторожная вина в причинении смерти потерпевшему[17].

Однако в последнее время на практике, в связи с распространением квартирных краж, стали встречаться другие случаи, когда в закрытой квартире или даче владелец, уезжая, оставляет отравленный напиток, который может причинить смерть лицу, незаконно проникшему в помещение и выпившему этот напиток. Так, в Москве Н., при отъезде в командировку, в бутылку коньяка насыпал яд и оставил его в домашнем баре. Квартира была поставлена на сигнализацию. Когда он вернулся, то обнаружил отключенную сигнализацию, собранные в тюки вещи и труп неизвестного гражданина. Возник вопрос: должен ли Н. нести ответственность за причинение смерти.

По нашему мнению, по сравнению с другими приведенными случаями, когда "защитное" сооружение доступно любым гражданам, здесь уголовная ответственность все же не должна наступать. В данном случае чаще всего имеет место неосторожное превышение пределов необходимой обороны, что непреступно и ненаказуемо, т.к. это преступление может быть только умышленным. Возможен и другой вариант: признать наличие состояния необходимой обороны, которая также исключает наступление уголовной ответственности, хотя действия лица могут характеризоваться и умыслом на причинение смерти. Оба решения не являются бесспорными. Как нам кажется, характер юридического решения и его мотивировка в значительной степени зависят от обстоятельств дела и, кроме того, нуждаются в дополнительном изучении и обдумывании.

7. В судебной практике возникает вопрос о правомерности применения правил о необходимой обороне, когда посягающим оказывается лицо, страдающее психическим расстройством. В некоторых случаях суды исходят из наличия или отсутствия сведений у обороняющегося о психическом заболевании посягающего лица. Так, Б. был осужден по ст. 105 УК за то, что он выстрелом из ружья убил своего брата, болевшего шизофренией, который, будучи в нетрезвом состоянии и угрожая убийством, бросался на него с ножом. Суд признал, что Б. превысил пределы необходимой обороны, указав, что он знал о болезни брата и имел возможность ударом ствола ружья выбить нож из рук нападающего или, в крайнем случае, выскочить в окно. Все эти доводы суда являются юридически необоснованными. В данном случае налицо признаки, которые должны наличествовать при общественно опасном посягательстве на жизнь человека. Что касается осведомленности обороняющегося о болезни посягавшего, это обстоятельство не может менять правовую оценку данного деяния. Реальная опасность погибнуть в результате нападения здорового или психически больного лица для подвергшегося опасности не имеет значения. Из этого следует, что

лицо, обороняющееся от нападения, и в данной ситуации имеет право на необходимую оборону.

Аналогичное решение предложил Н.С. Таганцев, полагая, что сторож в доме умалишенных, которого душит психически больной, несомненно имеет право на оборону, которая сохраняет свой правомерный характер, коль скоро нападение не дозволено законом, хотя бы оно само по себе не было наказуемо[18]. Необходимо еще добавить, что для оценки такого события не имеет значения, является ли психически больной по своему состоянию вменяемым или невменяемым в момент посягательства.

В литературе предлагается и другой подход к таким случаям. Например, А.Б. Сахаров считает, что общественно опасное посягательство умалишенного должно оцениваться по правилам крайней необходимости, поскольку необходимая оборона имеет в виду только защиту от преступлений[19]. Этот довод, по нашему мнению, из действующего закона не вытекает. Общественно опасным является не только преступление, но и деяние лица, страдающего психическим расстройством. Кроме того, при крайней необходимости вред причиняется тому лицу, которое не создавало угрозу[20].

8. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, следует отличать от деяний, повлекших причинение смерти при мнимой обороне.

Под мнимой обороной понимают защиту от не существующего в действительности нападения, когда лицо, применяющее средства защиты, ошибочно полагает, что оно отражает общественно опасное посягательство.

Вопрос о правовой природе мнимой обороны, о пределах уголовной ответственности за совершение деяния при мнимой обороне и при превышении пределов допустимого вреда в условиях аналогичного реального нападения в нашей литературе пока еще не разработан. Судебная практика исходит из того, что мнимая оборона исключает уголовную ответственность лишь в тех случаях, когда вся обстановка происшествия давала лицу, применившему средства защиты, достаточные основания полагать, что имело место реальное посягательство, и оно не сознавало ошибочности своего предположения.

В постановлении Пленума Верховного суда СССР по делу К. указывается, что мнимая и необходимая оборона предполагают одно обязательное условие: необходимая оборона — наличие реального посягательства, мнимая оборона — совершение действий, принятых за посягательство. Комментируя это постановление, Н.Д. Дурманов писал: "Все обстоятельства, характеризующие необходимую оборону, при мнимой обороне отсутствуют, но в представлении лица, действующего в состоянии мнимой обороны,

эти обстоятельства, прежде всего наличие общественно опасного посягательства, имеются"[21].

Из этого следует, что основания освобождения от уголовной ответственности при мнимой обороне и при необходимой обороне различны.

Ответственность за вред, причиненный в состоянии мнимой обороны, наступает по общим правилам ответственности за фактическую ошибку. Если фактическая ошибка исключает умысел или неосторожность, то устраняется и уголовная ответственность за действия, совершенные в состоянии мнимой обороны. Поэтому причинение смерти в состоянии мнимой обороны, когда не установлены ни умысел, ни неосторожность, не влечет уголовной ответственности. Лицо, действующее в состоянии необходимой обороны, никакой ошибки не допускает. Оно освобождается от ответственности за вред, причиненный лицу, совершившему опасное посягательство, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

В упомянутом постановлении Пленума Верховного суда СССР от 4 декабря 1969 г. говорится, что при так называемой мнимой обороне в зависимости от обстоятельств дела лицо может отвечать за неосторожные действия либо вообще не подлежит привлечению к уголовной ответственности, причем уголовная ответственность исключается в тех случаях, когда вся обстановка происшествия давала лицу, применившему средства защиты, достаточные основания полагать, что имело место реальное посягательство, и оно не сознавало ошибочности своего предположения.

В том же постановлении Пленума указывается, что "в тех случаях, когда при мнимой обороне лицо причинило потерпевшему вред, явно превышающий пределы допустимого вреда в условиях соответствующего реального посягательства, оно подлежит ответственности, как за превышение пределов необходимой обороны".

Таким образом, в различных ситуациях, возникающих при мнимой обороне, подлежит применению законодательство о необходимой обороне или о превышении ее пределов с соблюдением рассмотренных выше условий.

В связи с этим представляет интерес дело С., осужденного Владимирским областным судом за убийство Н. при следующих обстоятельствах. Осужденный, потерпевший и Л. поздно вечером случайно встретились в магазине, вскладчину купили бутылку водки, которую распили. Затем С. пошел домой. В пути следования он обратил внимание на то, что Н. и Л. идут за ним. Полагая, что они хотят его ограбить, С. пошел быстрее, а потом побежал. Н. и Л. побежали за ним. В проломе забора Н. догнал С. и схватил его

за плечо. С. в этот момент вытащил имевшийся у него нож и ударил им в грудь Н., который здесь же умер. Вышестоящий суд, рассмотрев это дело, признал, что характер действий Н. и Л. вполне мог породить у С. представление о том, что он подвергается реальному нападению и, следовательно, имеет право защищаться. Какие-либо другие причины нанесения удара ножом по делу не установлены. Следует также иметь в виду, что обстоятельства дела позволяют признать, что С. не сознавал ошибочности своего предположения о том, что на него совершается разбойное нападение, тем более что действительные намерения Н. так и остались неустановленными. Придя к выводу о том, что С. действовал в состоянии мнимой обороны, надлежит вместе с тем признать, что тот вред, который он причинил потерпевшему, явно превышал пределы допустимого вреда в условиях аналогичного реального нападения, в силу чего С. должен нести ответственность как за убийство, явившееся результатом превышения пределов необходимой обороны.

При решении вопроса о том, было ли допущено превышение пределов обороны при отражении мнимого нападения, следует абстрагироваться, как полагает И.С. Тишкевич, от того факта, что нападение было кажущимся, т.е. предположить, что мнимое нападение было реальным, и установить, вправе ли был защищающийся причинить тот же вред при тех же условиях, отражая реальное нападение[22].

Изучение дел этой категории показывает, что при оценке фактической стороны происшествия не учитываются показания осужденных об отражении (по их мнению, в момент защиты) общественно опасного посягательства. Между тем показания этих лиц заслуживают самого серьезного внимания. В то же время обстоятельства, относящиеся к характеристике нападения, было бы неправильно рассматривать лишь с позиции лица, ссылающегося на то, что оно оборонялось от нападения. Эти объяснения должны быть обязательно сопоставлены с другими данными дела. Лицо, причинившее смерть другому человеку, может быть необъективным, объясняя свои действия, а в ряде случаев может ссылаться на необходимую оборону сознательно, желая избежать уголовной ответственности за совершенное преступление. При оценке фактических обстоятельств происшедшего нельзя не учитывать и состояние лица, которое в момент защиты добросовестно считало, что оно отражает общественно опасное посягательство. Может быть и так, что неправомерные в его представлении действия вызвали душевное волнение, которое могло помешать правильному восприятию происходящих событий. Все это следует обязательно иметь в виду при обсуждении вопроса

о причинении смерти при обстоятельствах, свидетельствующих о наличии мнимой обороны или превышения ее пределов в условиях, аналогичных реальному посягательству.

9. Законодательство России не содержит указаний о характере ответственности и о квалификации действий лица, которое причинило при задержании смерть лицу, совершающему или уже совершившему преступление.

В одном из Указов Президиума Верховного Совета СССР говорилось о том, что действия граждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, не влекут уголовной ответственности, даже если этими действиями вынужденно был причинен вред преступнику[23]. Однако положения Указа носят общий характер и не получили дальнейшей конкретизации в законодательстве.

Данный пробел попытался восполнить Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 4 декабря 1969 г., которое уже упоминалось. В нем было разъяснено, что действия граждан по задержанию преступника в целях пресечения его преступного посягательства или предпринятые непосредственно после посягательства для доставления преступника в соответствующие органы власти, должны рассматриваться судами как совершенные в состоянии необходимой обороны. Уголовная ответственность за причинение вреда преступнику в указанных случаях может наступить лишь при условии, если действия, причинившие вред преступнику, не являлись необходимыми для его задержания, явно не соответствовали характеру и опасности посягательства и обстановке задержания.

В.И. Ткаченко было высказано мнение о том, что Верховный суд СССР вышел за пределы своей компетенции, применив аналогию закона, и ошибочно распространил на решение вопроса об ответственности за причинение вреда преступнику при задержании законодательство о необходимой обороне[24].

Вряд ли можно спорить с тем, что вопрос должен быть решен в законодательном порядке. Такие предложения вносились и ранее. Что касается существа разрешения вопроса, то мы не разделяем позицию В.И. Ткаченко по соображениям, которые нами приводятся.

В опубликованный проект УК включена ст. 36, в которой говорится, что "не является преступлением причинение вреда лицу при его задержании в момент или непосредственно после совершения им преступления в целях передачи задержанного органам власти, если при этом не было допущено несоответствие мер задержания характеру и степени общественной опасности содеянного задержанным и обстоятельствам задержания".

Если сопоставить рекомендации Пленума и норму проекта УК, то они в значительной степени совпадают. Однако специальной законодательной нормы пока все же нет. Суды исходят из упомянутого постановления Пленума.

С позиции доктрины уголовного права, как нам представляется, имеются достаточные основания расценивать причинение смерти при задержании на базе законодательства о необходимой обороне. Дело в том, что действия, совершаемые лицом при задержании преступника, по своей юридической природе близки к действиям, совершаемым в состоянии необходимой обороны.

Изучение судебной практики позволяет подчеркнуть некоторые важные моменты, которые необходимо учитывать при разрешении вопроса о виновном или правомерном лишении жизни задерживаемого.

Особенность задержания, отличающая его от необходимой обороны, состоит в том, что активно действует, как правило, не преступник, а лицо, предпринимающее меры к его задержанию. В то же время не исключено, что их роли могут меняться. Преступник может предпринять активные действия с тем, чтобы избавиться от преследователя и совершить нападение. В связи с этим очень важно исчерпывающе выяснить все обстоятельства, при которых задерживаемому лицу была причинена смерть.

К необходимой обороне могут быть приравнены только те действия, которые совершены с целью задержания. Они по обстоятельствам происшествия должны быть необходимыми. Это значит, что, применяя такие средства задержания преступника, которые повлекут его смерть, задерживающий должен сознавать, что иного выхода нет. Например, преступник совершил вооруженный разбой и пытается скрыться, лишение его жизни в такой ситуации будет правомерным только при отсутствии других средств задержания. Если же лицо, преследующее преступника, видит, что на помощь спешат работники милиции, и, несмотря на это, наносит смертельный удар задерживаемому, такие действия не могут быть признаны правомерными. Причинение смерти при сложившейся обстановке не вызывалось необходимостью. Действия по задержанию из общественно полезных превращаются в общественно опасные.

Субъективное мнение лица о необходимости применения крайних мер в отношении пытающегося скрыться преступника должно согласовываться с характером совершенного общественно опасного посягательства, личностью виновного и с обстановкой, в которой происходит задержание.

Соблюдение этих условий обязательно. В самом деле, лишение жизни пытающегося скрыться преступника при задержании мо-

жет быть оправдано только тогда, когда он является совершившим новое преступление особо опасным рецидивистом или лицом, совершившим умышленное убийство, бандитизм, разбой, изнасилование или другое тяжкое преступление. Круг этих преступлений должен быть ограничен преступлениями, перечисленными в ст. 7 УК. При совершении таких преступлений оставление виновного на свободе может привести к тому, что он может совершить и другие общественно опасные действия. Поэтому лишение жизни лица, совершившего тяжкое преступление, при невозможности его задержания следует рассматривать как средство пресечения деятельности, опасной для общества. Такие действия, безусловно, являются правомерными.

В то же время применение такой меры, как лишение жизни при задержании, например, в отношении пытающегося скрыться лица, подозреваемого в совершении преступления, не представляющего большой опасности для общества, не может быть приравнено ни к необходимой обороне, ни к превышению ее пределов. Например, участковый инспектор В. вел наблюдение за домом П., в квартире которой накануне были обнаружены и изъяты похищенные из магазина вещи. В 12 часов ночи из этого дома вышли два подростка, которых В. посчитал причастными к краже. Остановив их, он спросил, кто они такие. Ребята нагрубили ему, а затем побежали. В. произвел выстрел и убил одного из подростков. В. был осужден за убийство по ст. 103 УК. Очевидно, что такие действия не могут быть приравнены к превышению пределов необходимой обороны.

В связи с этим нельзя согласиться с М.Д. Шаргородским, который считал, что убийство вора, вытащившего кошелек с незначительной суммой денег, должно рассматриваться как превышение пределов необходимой обороны[25]. В действительности же в таком случае совершается умышленное убийство либо в состоянии аффекта, либо без смягчающих и отягчающих обстоятельств. Кошелек с незначительной суммой денег можно возвратить, не прибегая к насилию, опасному для жизни, и тем более причинению смерти. Заметим, что Русская правда признавала правомерным лишение жизни вора, обнаруженного во дворе или в клети только ночью.

Вместе с тем возникает вопрос: в каких случаях причинение смерти при задержании должно признаваться совершенным с превышением пределов необходимости и приравниваться к убийству, предусмотренному ст. 105 УК?

В следственной и судебной практике дела этой категории встречаются. Так, Архангельским областным судом Р. был осужден за убийство К. в состоянии внезапно возникшего душевного

волнения. Как видно из дела, К. дебоширил в чайной, откуда был выведен, но при этом ударил ножом Р. в плечо и побежал. Р. предложил находившемуся там же Ж. догнать К., отобрать у него нож и отвести в сельский Совет. Когда Р. догнал К. и пытался его задержать, К. нанес Р. четыре ножевых ранения. Затем подбежал Ж. и попытался схватить сзади К., который укусил ему палец. В этот момент Р. вырвал у К. нож и нанес ему несколько ударов в грудь, от которых он умер.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ признала, что Р., принимая меры к задержанию К., действовал в интересах охраны общественного порядка. Однако его действия, хотя и направленные на задержание правонарушителя, были сопряжены с причинением смерти последнему, что при данных условиях не вызывалось необходимостью. Судебная коллегия признала, что Р. должен нести ответственность за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. Как видно из определения, Судебная коллегия, признав действия Р. совершенными при превышении пределов необходимой обороны, сослалась на то, что причинение смерти К. в данных условиях н е в ы з ы в а л о с ь н е о б х о д и м о с т ь ю.

М.И. Якубович, специально рассматривавший этот вопрос, также по существу ограничивается указанием на то, что он должен разрешаться по правилам о необходимой обороне[26]. Подобные рекомендации нельзя не признать слишком общими и неконкретными. Во всяком случае они не могут считаться критерием для разграничения причинения смерти при задержании, с одной стороны, когда превышены пределы необходимой обороны, с другой стороны, когда речь идет об умышленном убийстве без смягчающих обстоятельств. В приведенных примерах убийство вора после кражи кошелька, так же как и убийство, совершенное Р. при задержании К., не вызывалось необходимостью.

Следовательно, признание этого обстоятельства установленным не может служить, например, основанием для решения вопроса о разграничении применения ст.ст. 105 и 103 УК. Кроме того, формула "не вызывалось необходимостью" также не может быть признана достаточной при всех возможных ситуациях и для разграничения причинения смерти в момент задержания, когда уголовная ответственность исключается или когда она наступает по ст. 105 УК.

При решении поставленного вопроса, как мы полагаем, необходимо исходить из следующих положений.

Прежде всего, степень тяжести совершенного преступления лицом, о задержании которого идет речь, с а м а п о с е б е не может служить критерием для решения вопроса о том, было

ли допущено превышение пределов необходимой обороны. Степень тяжести преступления является лишь условием, при котором причинение смерти в момент задержания может признаваться или не признаваться правомерным. В связи с этим все возможные случаи причинения при задержании смерти преступнику для решения вопроса об их правомерности подлежат разделению на две группы: 1) когда по тяжести совершенного преступления ни при каких обстоятельствах не могут применяться такие средства, в результате применения которых может быть причинена смерть задерживаемому; 2) когда по тяжести совершенного преступления при задержании могут быть применены любые средства, не ставящие под угрозу безопасность третьих лиц. К первой группе должно относиться и задержание лиц, в отношении которых в целях задержания запрещается применение оружия. Ко второй группе должно относиться и задержание осужденных, совершивших побег из мест лишения свободы.

Очевидно, что о превышении пределов необходимой обороны нельзя говорить при задержании лиц, отнесенных нами к первой группе, если такие лица не оказывают сопротивления при задержании. Только при оказании сопротивления вопрос о правомерности действий лица, производящего задержание, в случае причинения смерти преступнику подлежит разрешению по общим правилам применения ст.ст. 13 и 105 УК. В случае причинения смерти при задержании лицам, которые не оказывали сопротивления, а лишь пытались уклониться от задержания, причинение смерти должно признаваться убийством без смягчающих обстоятельств соответственно при отсутствии признаков ст.ст. 104 и 102 УК. Например, действия Ш., совершившего убийство браконьера, пытавшегося скрыться, были квалифицированы по ст. 103 УК. Это дело рассматривалось Пленумом Верховного суда СССР, который признал, что, хотя Ш. перед прицельным выстрелом произвел предупредительный выстрел, его действия являются актом самочинной расправы и не могут быть признаны совершенными при превышении пределов необходимой обороны.

Что касается лиц, отнесенных нами ко второй группе, то в случае причинения им смерти в момент задержания при определенных обстоятельствах может возникнуть вопрос об ответственности лица, производившего задержание, по ст. 105 УК. При задержании в таких случаях мыслимы три ситуации: а) преступник скрывается (убегает, уезжает и т.п.); б) оказывает сопротивление; в) не пытается скрыться и не оказывает сопротивления.

При первой ситуации следует считать правомерным причинение смерти преступнику, совершившему особо тяжкое

преступление, когда его задержание путем причинения менее тяжкого вреда невозможно.

Если же смерть такому преступнику причинена при явной возможности его задержания менее опасным способом, ответственность наступает только за убийство при превышении пределов необходимой обороны. Мы согласны с тем, что при этих обстоятельствах причинение смерти преступнику соразмерно опасности совершенного им посягательства, но явно не соответствует обстановке задержания, что свидетельствует о превышении размеров вреда, достаточного для его задержания[27].

При второй ситуации, когда преступник оказывает сопротивление, вопрос об ответственности за причинение ему смерти должен решаться по общим правилам ответственности за совершение деяния в состоянии необходимой обороны или при превышении ее пределов.

При третьей ситуации (встречающейся крайне редко) ответственность за лишение жизни задерживаемого наступает, как за умышленное убийство, которое квалифицируется по общим правилам применения ст.ст. 102, 103 и 104 УК.

Вопрос об ответственности лица, производившего задержание, при причинении смерти преступнику не следует связывать с тем, причинена ли смерть в момент общественно опасного посягательства, непосредственно после него или спустя какое-то время. Лишение жизни лица в момент совершения им общественно опасного посягательства вообще не относится к вопросу о причинении смерти при задержании преступника, поскольку попытка задержать преступника в этом случае является пресечением общественно опасного посягательства и ничем не отличается от причинения смерти лицу в состоянии необходимой обороны или при превышении ее пределов. Поэтому нельзя согласиться с тем, что причинение смерти при пресечении общественно опасного посягательства относится к задержанию[28]. Не имеет значения и время, истекшее с момента совершения виновным преступления до задержания. Необходимо лишь, чтобы во всех этих случаях лицо было заведомо уверено (твердо убеждено), что меры для задержания применяются именно в отношении преступника, подлежащего задержанию.

В случае ошибки в личности задерживаемого, которому причиняется смерть, ответственность за убийство должна наступать на общих основаниях.

В связи с этим представляется спорным и, по меньшей мере, не обязательным для каждого случая высказываемое иногда

мнение о том, что действия, направленные на задержание преступника, должны быть совершены непосредственно после общественно опасного посягательства. Преступнику иногда удается скрыться сразу после совершения преступления, а спустя некоторое время потерпевший либо работники милиции его опознают. Вряд ли есть достаточные основания не признавать правомерными в таких случаях активные меры для задержания опасного преступника и считать, что при причинении ему тяжкого вреда лица, производившие задержание, должны отвечать за это по общим правилам уголовной ответственности, а не по правилам ответственности за действия, совершенные в состоянии необходимой обороны или при превышении ее пределов. Кроме того, указание, что задержание должно следовать непосредственно за преступлением, совершенным лицом, подлежащим задержанию, исключает возможность рассматривать по правилам необходимой обороны вопросы об ответственности лиц, задерживающих осужденных, бежавших из мест лишения свободы.

10. В последние годы проблемам последствий и возмещения вреда, причиненного преступлением, в литературе уделяется большое внимание. Эти вопросы рассматриваются в связи с различными ситуациями, возникающими при применении уголовного законодательства[29]. Возникают они и в связи с причинением вреда при осуществлении права на необходимую оборону или при превышении ее пределов.

Пленум Верховного суда СССР в упомянутом постановлении от 16 августа 1984 г. разъяснил, что в соответствии со ст. 444 ГК вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, возмещению не подлежит. В ч. 3 ст. 444 ГК говорится, что вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению лишь в случаях, предусмотренных законом. В законодательстве Российской Федерации нет положений о возмещении вреда, причиненного нападающему в состоянии необходимой обороны. Высказался Пленум и о порядке возмещения вреда, причиненного при превышении пределов необходимой обороны. Размер вреда определяется в зависимости от обстоятельств дела и степени вины обороняющегося и посягающего. Размер подлежащего возмещению вреда должен быть уменьшен в зависимости от названных обстоятельств либо в возмещении вреда должно быть отказано. Хотя эта рекомендация и носит общий характер, но в ней все же указано направление решения данного вопроса при превышении пределов необходимой обороны.

Глава VII. НЕОСТОРОЖНОЕ УБИЙСТВО

1. Неосторожное убийство по сравнению с умышленными убийствами, особенно предусмотренными ст.ст. 102 и 103 УК, для общества, несомненно, менее опасно. Его тяжесть определяется не столько опасностью субъекта, его действия или бездействия, сколько тяжестью наступающего последствия — лишения жизни человека.

В ст. 106 УК установлена ответственность лишь для лица, которое причинило по неосторожности смерть другому человеку. Ответственность за "грубейшую неосторожность" (нарушение правил обращения с оружием, правил охоты и т.п.), заключающую в себе реальную опасность для жизни человека, но фактически не приведшую к определенным последствиям, в ст. 106 УК не предусмотрена[1].

Статья 106 УК не разграничивает ответственность за неосторожное убийство в зависимости от вида неосторожности: преступной самонадеянности или преступной небрежности. Чаще всего формой вины в неосторожном убийстве является небрежность.

Вопрос о разграничении вида неосторожности в законодательстве советского периода не во всех кодексах республик, входящих в состав бывшего СССР, решался одинаково. Например, в ч. 2 ст. 99 УК Киргизии предусмотрена ответственность за неосторожное убийство в результате сознательного несоблюдения правил предосторожности, а равно за неосторожное убийство двух или более лиц. Следовательно, здесь в качестве признаков, отягчающих неосторожное убийство, выдвигаются: 1) преступная самонадеянность; 2) тяжесть последствий, которые могут наступить в результате как преступной самонадеянности, так и небрежности. Такому конструированию ответственности за неосторожное убийство следует отдать предпочтение в связи с тем, что, во-первых, убийство в результате преступной самонадеянности, как правило, представляет большую общественную опасность, чем убийство по небрежности, во-вторых, несомненна повышенная опасность убийства по неосторожности двух или более лиц.

В опубликованном проекте УК РФ предусмотрена повышенная ответственность за неосторожное убийство двух или более лиц, но ответственность за преступную самонадеянность и небрежность, к сожалению, не дифференцирована (ст. 107). Между тем различие общественной опасности убийства, совершенного в результате самонадеянности, и убийства по небрежности существует. Оно объясняется неодинаковым психическим отношением лица к возможности наступления смерти потерпевшего. Если в первом случае виновный предвидит эту возможность, но легкомысленно надеется ее предотвратить, то во втором — он не предвидит этой возможности, но должен был и мог ее предвидеть. Повышенная опасность убийства, совершенного в результате самонадеянности, как следует, например, из упомянутой ст. 99 УК

Киргизии, объясняется тем, что здесь речь идет о сознательном нарушении каких-либо правил предосторожности, охраняющих человеческую жизнь.

При причинении смерти потерпевшему в результате преступной самонадеянности виновный сознательно нарушает определенные правила предосторожности. Это нарушение может быть следствием: 1) умышленного преступного действия; 2) действия, запрещенного законом, но не являющегося преступным; 3) действия, запрещенного каким-либо правилом, например, превышение скорости на автомототранспорте, нарушение спортивных правил и т.д.; 4) действия, противоречащего данным науки и профессиональным правилам; 5) действия, нарушающего нормальные правила предосторожности в общежитии; 6) действия или занятия профессией, на которые данное лицо не имело права[2].

Различие общественной опасности убийства, совершенного в результате самонадеянности, и убийства по небрежности обязывает каждый раз устанавливать вид неосторожности при совершении деяния и в тех случаях, когда виновный привлекается к ответственности по российскому УК, предусматривающему единый состав неосторожного убийства. Это необходимо для того, чтобы отграничить, с одной стороны, неосторожное убийство от умышленного, а с другой — от случайного причинения смерти.

2. Для правильного применения ст. 106 УК прежде всего имеет значение отграничение неосторожного убийства от убийства, совершенного умышленно.

Изучение практики показывает, что следователи и суды не всегда правильно определяют форму вины лица, совершившего убийство, что нередко объясняется сложностью решения данного вопроса. В связи с этим не являются исключением факты, когда приговоры по таким делам пересматриваются в судебных инстанциях неоднократно. Допускаемые ошибки вызываются различными причинами. В одних случаях они являются следствием неполноты собранных по делу доказательств, обрисовывающих обстоятельства убийства. В других случаях, что чаще встречается, ошибки оказываются следствием неправильного применения закона. При этом необходимо отметить, что такие ошибки носят сравнительно односторонний характер и состоят в том, что убийство по неосторожности необоснованно признается умышленным.

Вопрос о разграничении убийства по неосторожности и умышленного убийства имеет различные аспекты, которые выявляются при изучении следственной и судебной практики.

2.1. Из дел, рассмотренных Верховным судом РФ, видно, что суды иногда смешивают убийство по неосторожности и умышленное убийство в случаях, когда действия виновного выражались в небрежном обращении с оружием, приведшем к смерти потерпевшего. Например, народным судом г. Ржева Т. был осужден за умышленное убийство своей знакомой В. Было установлено, что осужденный и потерпевшая длительное время находились в

дружеских отношениях. Однажды они возвращались домой с танцев из д. Гладкое. У Т. имелось ружье. Шедшая рядом В. спросила, зачем он брал с собой ружье. Т. ответил, что намеревается пострелять дичь. В. забежала вперед, подняла руки и сказала: "Стреляй, сдаюсь". Последовал выстрел, и В. упала. Увидев В. лежащей на земле, Т. крикнул: "Что я наделал!" и побежал вызвать врача. Затем он сопровождал В. до больницы, а когда она умерла, явился в милицию и рассказал о случившемся. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ, рассматривавшая дело в порядке надзора, признала, что характер отношений между потерпевшей и осужденным, обстановка, в которой было совершено преступление, поведение Т. после его совершения свидетельствуют о том, что у него не было умысла на убийство и преступление он совершил по неосторожности. Из дела видно, что в судебном заседании Т. утверждал, что он забыл о наличии боевого патрона в стволе.

По другому делу народным судом Борисоглебского р-на Ярославской области был осужден Ж., 17 лет, за умышленное убийство девочки Н., 13 лет. Возвращаясь с охоты, Ж. встретил Н. и решил ее попугать. Для этого наставил на нее ружье, забыв, что там оставлен заряженный патрон, нажал на спусковой крючок и происшедшим выстрелом убил Н. Труп потерпевшей Ж. спрятал в кустах. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ признала, что Ж. совершил убийство по неосторожности, а за умышленное убийство осужден необоснованно.

Как в первом, так и во втором случае обстоятельства совершения убийства существенно отличаются от обстоятельств обычно приводимых в литературе случаев убийства по неосторожности вследствие небрежного обращения с оружием, когда виновный нечаянно задел спусковой крючок или уронил ружье, которое выстрелило, или стрелял из чужого оружия, полагая, что оно не заряжено, и т.д. В таких случаях не возникает сомнений в том, что виновный, не сознавая фактической стороны совершаемых им действий, допускал небрежность, т.е. должен был и мог предвидеть возможность причинения смерти другим лицам (народная мудрость гласит: "И незаряженное ружье раз в год стреляет"). Наоборот, в указанных выше случаях виновный сознавал фактическую сторону своих действий: лично заряжал ружье, наставлял его на потерпевшего, умышленно нажимал спусковой крючок. Эти обстоятельства и признавались нижестоящими судами свидетельством совершения Т. и Ж. умышленного убийства. С внешней стороны эти обстоятельства как бы подтверждают умысел на убийство. Но в связи с этим возникает вопрос: опровергают ли приведенные выше обстоятельства заявление Т. и Ж. о том, что каждый из них "забыл" о наличии патрона в патроннике? Очевидно, что утвердительно ответить на этот вопрос с уверенностью нельзя, так как о субъективной стороне убийства не всегда можно судить только по одним данным, характеризующим образ действий виновного. Для этого необходимо учитывать все материалы, собранные по делу, и в первую очередь взаимоотношения между потерпевшими и осужденными, обстановку совершения

убийства. Интересна в связи с этим аргументация Пленума Верховного суда СССР, которым признано неправильным осуждение С. за умышленное убийство Ф. Свой вывод Пленум обосновал тем, что: 1) Ф. была невестой и они собирались пожениться; 2) отношения между ними были хорошими; 3) осмотр места происшествия и трупа потерпевшей подтверждают показания С. об отсутствии умысла на убийство; 4) не установлено каких-либо причин для совершения умышленного убийства; 5) С. не мог рассчитывать на сокрытие следов преступления. Оценивая все эти обстоятельства в совокупности, Пленум признал, что С. не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий своих действий, хотя должен был и мог их предвидеть[3].

Что касается действий Ж. (в приведенном примере), когда он спрятал труп в кустах, то они находятся за рамками уже совершенного преступления и не свидетельствуют об умысле на совершение убийства.

2.2. В судебной практике не единичны факты отнесения неосторожных убийств к умышленным, когда смерть потерпевшего наступила в результате падения от сильного толчка или удара, нанесенного виновным. Так, по приговору Верховного суда Республики Марий-Эл О. был осужден за умышленное убийство своей мачехи. Между осужденным и потерпевшей на почве неприязненных отношений возникла ссора, во время которой О. сильно толкнул потерпевшую, от чего она упала и ударилась головой о деревянное корыто, стоявшее неподалеку. В результате этого потерпевшая получила перелом костей свода и основания черепа и умерла. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ признала, что О. осужден за умышленное убийство необоснованно, сославшись на то, что не собрано никаких доказательств вины О. в умышленном убийстве. Сильно толкая потерпевшую, он не предвидел возможность наступления смерти, но должен был и мог это предвидеть. Его действия фактически образуют неосторожное убийство.

Принятие правильного решения о квалификации причинения смерти О., очевидно, затруднялось тем, что действия осужденного носили умышленный характер. Это привело к тому, что сознательное отношение виновного к фактической стороне своих действий суд неправильно признал свидетельством предвидения им смерти потерпевшей*.

Таким образом, для отграничения неосторожного убийства по небрежности от умышленного убийства в подобных случаях всякий раз необходимо установить о т с у т с т в и е при небрежности и н а л и ч и е при умысле предвидения виновным конкретных общественно опасных последствий своих действий.

2.3. При разграничении неосторожного и умышленного убийства решающее значение имеет выяснение различий пре-

* Эти вопросы возникают и при разграничении неосторожного убийства и тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего (см гл. VIII).

ступной самонадеянности и косвенного умысла. Эти различия вытекают из сопоставления ст.ст. 8 и 9 УК, но в литературе не всегда последовательно проводятся. Так, Н.И. Загородников писал, что при преступной самонадеянности "виновный может и должен предвидеть, что обстоятельства, на которые он рассчитывает при сложившихся условиях, не могут предотвратить наступления смерти"[4] (разрядка наша — *С.Б.*). Здесь явная неточность. Получается, что виновный при преступной самонадеянности может и должен предвидеть как результат своих действий неизбежность наступления смерти другого лица. Но это уже умышленная вина.

Допускаются ошибки и в судебной практике. Ш. был осужден по ст. 103 и ч. 2 ст. 163 УК. Занимаясь незаконным ловом рыбы, он, чтобы предупредить возможную кражу, сделал сигнализацию от мостков на берегу реки к дому, где установил звонок, включив от сети электрический ток. О сигнализации Ш. рассказал соседям. Подросток О., желая отключить сигнализацию, пытался разъединить провод, но был убит электрическим током. Рассматривая дело, Пленум Верховного суда СССР признал, что суд, квалифицируя содеянное Ш. как умышленное убийство, не учел, что он сделал электропроводку не в целях использования электротока как средства поражения, что давало бы основания признать наличие у него умысла по отношению к смерти потерпевшего, а только для питания электрического устройства — сигнализации, не рассчитанного на причинение повреждений человеку. С учетом изложенного вывод суда о виновности Ш. в умышленном убийстве следует признать неправильным. Материалы дела дают основание заключить, что в данном случае Ш. проявил преступную самонадеянность, поскольку он знал об опасности, которую представляет для человека электрический ток напряжением в 220 вольт, но легкомысленно надеялся на предотвращение тяжких последствий. При этом он рассчитывал не на случайность, а на такие объективные факторы, которые, по его мнению, исключали возможность наступления тяжких последствий. Следовательно, Ш. совершил убийство по неосторожности, предусмотренное ст. 106 УК.

При убийстве в результате преступной самонадеянности виновный предвидит возможность наступления смерти потерпевшего в аналогичных случаях, но легкомысленно считает, что при данных конкретных обстоятельствах этот результат не наступит. Предвидение этой возможности при самонадеянности носит абстрактный характер в силу отсутствия сознательного допущения предвиденных общественно опасных последствий. Оно лишено здесь той конкретной определенности, которой обладает предвидение при косвенном умысле[5] Этим отличается самонадеянность от косвенного умысла[5]. Следовательно, совершая убийство с косвенным умыслом, виновный предвидит не только возможность, но и вероятность наступления смерти потерпевшего имен-

но в данном случае. Отношение к смерти потерпевшего при самонадеянности состоит в том, что лицо рассчитывает на определенные конкретные обстоятельства, которые предотвратят ее, но расчет оказывается легкомысленным. Если виновный, предвидя наступление смерти потерпевшего, рассчитывает на счастливый случай, или, как говорят, на "авось", или на какие-то иные тому подобные обстоятельства, то он действует с косвенным умыслом. С учетом этого должен решаться и вопрос о том, можно ли считать убийство совершенным в результате преступной самонадеянности, если виновный легкомысленно рассчитывал на его предотвращение в результате действия сил природы. Здесь, по нашему мнению, Н.И. Загородников обоснованно считал, что по делам об убийстве расчет на силы природы как признак самонадеянности исключается[6].

Дело в том, что расчет на силы природы не создает полной уверенности в предотвращении смерти потерпевшего. В сознании виновного остаются сомнения в возможности предотвратить гибель человека, но он все же идет на это, не исключая по существу вероятность наступления смерти. Следовательно, психическое отношение виновного к последствиям характеризуется безразличием, т.е. косвенным умыслом.

2.4. При разграничении умысла и неосторожности при убийстве возникают и другие вопросы, например, каково значение предупреждения со стороны потерпевшего или других лиц о том, что определенные действия виновного при их продолжении могут повлечь наступление смерти. Так, П. совершил убийство 12-летней Г. — ученицы 6 класса. Группа учеников с двумя учителями отдыхала во время экскурсии на берегу реки Старицы под крутым обрывом. П. проходил мимо над обрывом. Увидев внизу людей, он взял ящик гудрона весом 10 кг и бросил к реке в направлении сидевших учеников. Ящик застрял в кустах. Учителя предупредили П. о том, что ящиком можно убить кого-нибудь. Несмотря на это, П. взял другой ящик с гудроном в два раза тяжелей и бросил его вниз в том же направлении. Этим ящиком и была убита Г. Омский областной суд квалифицировал эти действия по пп. "б" и "д" ст. 102 УК, а судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ переквалифицировала их на ст. 106 УК. Судебная коллегия сослалась на то, что П., по его словам, хотел лишь попугать учеников. Других доводов в определении не приводится, а значению предупреждения со стороны учителей не дается никакой оценки. С решением Судебной коллегии можно было бы согласиться, если бы последствия наступили после того, как П. бросил первый ящик. В данном случае предупреждение об опасности причинить смерть при продолжении начатых действий дает основание считать, что П. действовал с косвенным умыслом — безразлично относился к последствиям, которые могут наступить. В самом деле, вряд ли можно утверждать, что в этой ситуации виновный только должен был

и мог предвидеть наступление смерти потерпевшей. Разумеется, это нельзя сформулировать как общее правило, но предупреждение в указанном смысле в конкретных случаях должно всегда получить соответствующую оценку.

2.5. О признании убийства совершенным по неосторожности возникает вопрос и при так называемом отклонении действия. Этот вид фактической ошибки, когда осуществление преступного намерения в отношении другого потерпевшего происходит не вследствие того, что виновный ошибочно принимает его за человека, которого он намерен лишить жизни, а вследствие каких-то других причин, которые от него не зависят. К-н осужден за неосторожное убийство Ш. и покушение на убийство О. и К. Было установлено, что О. и К. напали на улице на К-на, избили его, а позже пришли к его дому, кричали, вызывали его для расправы, разбили стекло в окне. К-н схватил ружье, зарядил его одним патроном, выбежал на улицу и выстрелил в убегавших О. и К. В это время к дому К-на по склону оврага поднималась группа молодежи, среди которой находилась Ш. Она-то и была убита картечью. По обстоятельствам, которые изложены, К-н не предвидел, но мог и должен был предвидеть причинение смерти не только О. и К., но и другим лицам. В данном случае умышленное действие, направленное на убийство О. и К., повлекло смерть Ш. Эта смерть явилась результатом неосторожности К-на. Совершенное им преступление судом правильно квалифицировано в этой части по ст. 106 УК.

Отклонение действия необходимо отграничивать от ошибки в объекте (при убийстве — в личности потерпевшего). В действиях К-на налицо совокупность неосторожного убийства с покушением на умышленное убийство в состоянии аффекта, т.е. "двойная вина". Ошибка в личности потерпевшего при убийстве не изменяет формы вины и не оказывает влияния на квалификацию.

3. Убийство, совершенное по неосторожности, необходимо отграничивать от случайного причинения смерти, когда уголовная ответственность за лишение жизни другого человека не наступает, поскольку лицо, причинившее смерть, не предвидело этих последствий и не могло их предвидеть. Это положение прямо в законе не отражено, но оно вытекает из общего указания о том, что уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления.

Случайное причинение смерти должно отграничиваться от обоих видов неосторожного убийства, совершаемых в результате как преступной самонадеянности, так и небрежности.

Если лицо предвидит возможность причинения смерти другому человеку и предпринимает с должной осторожностью и предусмотрительностью все необходимые меры для предотвращения ее наступления, но смерть все же наступает по причинам, от него не зависящим, оно не может нести ответственность за последствия, так как оно не проявило самонадеянности и наступивший результат является "случаем". При этом условии отсутствует сознание противоправности и общественной опасности

совершаемых действий. При самонадеянности же у виновного всегда имеется сознание противоправноси (общественной опасности) своего поведения.

При расследовании и рассмотрении дел об убийстве указанное различие не всегда учитывается. Так, за неосторожное убийство был осужден Б., который, являясь директором кинотеатра, не обеспечил соблюдения правил пожарной безопасности, в результате чего во время возникшей паники погибло пять человек. Суд установил, что при демонстрации кинофильма начал тлеть трансформатор и в зрительном зале появился дым. В этот момент раздался крик неизвестной женщины: "Горим, пожар!". Все бросились к дверям, в результате образовалась давка и наступили указанные тяжкие последствия.

Вышестоящий суд, рассмотрев дело в кассационном порядке, признал осуждение Б. по ст. 106 УК неправильным. Экспертиза установила, что кинотеатр отвечал всем требованиям противопожарной безопасности, все предписания пожарной охраны администрацией выполнялись, никакой реальной опасности гибели граждан от пожара не существовало. Трагедия произошла в результате паники, возникшей после крика неизвестной женщины.

В судебной практике случайное причинение смерти рассматривается как убийство по небрежности чаще, чем как убийство в результате самонадеянности.

Для отграничения неосторожного убийства от случайного причинения смерти имеет значение наличие или отсутствие условий, позволяющих сделать обоснованный вывод о возможности предвидения лицом наступления смерти потерпевшего. Однако в практике встречаются и такие случаи, когда лицо признается виновным в неосторожном убийстве, даже когда оно не предвидело и не могло предвидеть развитие событий, не говоря уже о том, что оно не предвидело и не могло предвидеть наступление смерти другого человека. По приговору Тасеевского районного народного суда Красноярского края К. был осужден по ст. 106 УК за неосторожное убийство Т., т.к. допустил столкновение повозки, запряженной лошадью, со встречным автомобилем. Было установлено, что лошадь, ослепленная на перекрестке автомобилем, испугавшись, помчалась галопом по левой стороне дороги. Несмотря на усилия К., который пытался остановить лошадь, сани попали под передние колеса встречного автомобиля. Находившаяся в санях Т. получила смертельные телесные повреждения. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ приговор отменила, а дело прекратила за отсутствием состава преступления, поскольку К. не предвидел, что лошадь испугается, будучи ослепленной фарами автомобиля, не предвидел появления другой машины, с которой произошло столкновение, кроме того, по обстоятельствам дела не мог и не должен был это предвидеть. Произошел несчастный случай и, следовательно, К. не может нести ответственности за неосторожное убийство.

Необходимо подчеркнуть, что для ответственности за последствия, наступившие по небрежности, строго говоря, не имеет значения, сознавало ли лицо фактическую сторону своих действий. Важно установить, была ли исключена возможность осознания лицом наступления общественно опасных последствий. Если такая возможность исключена, то ответственность не наступает. Если же такая возможность не исключается и лицо должно было (объективный критерий) и могло (субъективный критерий) предвидеть наступление общественно опасных последствий, оно отвечает за допущенную небрежность[7].

Ответственность исключается за причинение смерти по ст. 106 УК и при отсутствии причинной связи между действиями лица и наступившими для потерпевшего последствиями.

Глава VIII. ОТГРАНИЧЕНИЕ УБИЙСТВА ОТ САМОУБИЙСТВА И НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ, А ТАКЖЕ ОТ ДРУГИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВОМ НА ЖИЗНЬ

§ 1. Отграничение убийства от самоубийства и несчастного случая по роду смерти

1. В судебной медицине различают три рода смерти: смерть от убийства, самоубийства и несчастного случая. Эта классификация, разработанная наукой, закреплена в приказе бывшего Минздрава СССР № 85 от 12 февраля 1966 г. Она соответствует медицинской и юридической практике.

Одним из важных аспектов проблемы определения рода смерти является выяснение признаков, которые отграничивают убийство от самоубийства и несчастного случая.

Если от самоубийства убийство отграничивается довольно четко на базе сложившегося в литературе определения понятия убийства и его признаков, то вопрос об отграничении убийства от несчастного случая при ближайшем рассмотрении оказывается недостаточно ясным прежде всего из-за его неразработанности. Чаще всего с ним сталкиваются медицинские работники, сотрудники милиции, следователи и работники прокуратуры.

Правильный ответ на вопрос о роде насильственной смерти определяет оценку данного факта в обществе и диктует определенное направление деятельности государственных органов.

При убийстве возникает необходимость обнаружения виновного в этом преступлении, наказания его и выявления причин преступления и условий, способствовавших его совершению.

При самоубийстве выяснению подлежат факты, свидетельствующие о возможном доведении до самоубийства, а также причины и условия, которые привели к трагическому концу.

Несчастный случай влечет необходимость выявления возможных лиц, по вине которых создалась ситуация, закончившаяся смертью человека, а также установления причин и условий, которые привели к несчастному случаю.

Таким образом, при ответе на вопрос о роде насильственной смерти возникает необходимость обнаружения виновных в совершении убийства, в доведении до самоубийства, в создании ситуации, которая привела к несчастному случаю. При этом следует исходить из того, что если установлено убийство, то наличие виновного в его совершении обязательно; при самоубийстве же и несчастном случае лишь возможны лица, виновно создавшие ситуацию, приведшую к одному из этих последствий. Общим является и то, что установление факта насильственной смерти, независимо от ее рода, обязательно влечет за собой выявление причин и условий, способствовавших наступлению смерти.

Для выяснения признаков самоубийства и отграничения его от убийства и несчастного случая воспользуемся методом юридического анализа, позволяющим исследовать конкретный жизненный факт. Исследованию может служить уже упомянутая и принятая в уголовном праве абстракция, называемая составом преступления, которая позволяет рассмотреть деяние с различных сторон и раскрыть его признаки. Для сопоставления названных выше трех родов смерти рассмотрим их по общей для них схеме: "состав деяния".

При анализе важно установить, на что посягает данное деяние, чему оно причиняет вред (объект); внешнюю, объективную сторону, характеризующую само деяние (действие или бездействие), наступившие последствия и причинную связь между ними; внутреннюю, субъективную сторону, дающую представление об отношении субъекта к содеянному и его последствиям — умысел (прямой и косвенный), неосторожность (небрежность или самонадеянность), мотив и цель; характеристику самого субъекта деяния.

Приведенная на с. 163 таблица носит, несомненно, условный характер. Она показывает совпадение элементов только объективной стороны в части, относящейся к деятельности людей. Объект, субъективная сторона и субъект характеризуются по-разному при убийстве, самоубийстве, несчастном случае. Остановимся на каждом из этих трех родов смерти.

2. В связи с рассматриваемым вопросом необходимо выяснить, являются ли идентичными уголовно-правовое понятие убийства, о котором мы уже говорили, и понятие убийства как рода смерти. Проанализируем с этой точки зрения различные преступления, связанные с причинением смерти человеку.

Не вызывает сомнения, что к убийству как роду смерти относится смерть в результате преступления, которое уголовный кодекс квалифицирует как умышленное или неосторожное убийство (ст.ст. 102 — 106 УК РФ).

Как указывалось выше, в уголовном кодексе предусмотрена также довольно большая группа преступлений, совершение которых может повлечь смерть. Некоторые из них являются ничем иным, как убийством, отягченным причинением вреда другому объекту. В этих случаях налицо состав убийства со всеми необходимыми его элементами. Отличие этих преступлений от убийства состоит лишь в том, что жизнь человека является не первым, соответствующим родовому, а вторым объектом.

Исходя из этого к убийству как роду смерти следует отнести такие преступления, которые заключаются в причинении смерти человеку, особое должностное или общественное положение которого резко увеличивает опасность содеянного, и посягают одновременно на иные объекты, которые считаются не менее важными, чем жизнь человека.

Рассмотрим с этой позиции террористический акт. У данного преступления два объекта — политическая основа государства, а также жизнь или здоровье государственного или общественного деятеля либо представителя иностранного государства. Таким образом, это преступление включает в качестве составной части умышленное убийство. Все сказанное относится и к такому преступлению, как посягательство на жизнь работника милиции.

Признаки состава деяния: убийства, самоубийства, несчастного случая со смертельным исходом

	Признаки состава преступления			
	Объект	Объективная сторона	Субъективная сторона	Субъект
Убийство	Жизнь человека (потерпевший и субъект — разные лица)	Действие (бездействие) человека; причинная связь и последствия обязательны	Умысел (при прямом умысле цель и мотив обязательны), неосторожность (небрежность, самонадеянность)	Человек в возрасте от 14 лет, вменяемый
Самоубийство	Жизнь человека (потерпевший и субъект — одно лицо)	Действие (бездействие), влекущее саморазрушение	Прямой умысел и мотив обязательны	Человек в возрасте от 10 лет (по методике ЦСУ), вменяемый

Несчастный случай	Жизнь человека (потерпевший и субъект — одно и то же или разные лица)	а) действие (бездействие) человека; б) действие сил природы, животных. Причинная связь и последствия обязательны	Неосторожность (небрежность, самонадеянность) нет мотива; казус (отсутствие умысла и неосторожности)	а) человек любого возраста, вменяемость не имеет значения; б) силы природы, животные

Третья группа преступлений, причиняющих смерть человеку, включает умышленные деяния, не направленные на лишение человека жизни, но приводящие вследствие неосторожности субъекта к такому результату.

Сюда относится, например, причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшего за собой смерть потерпевшего. Н.И. Загородников считал, что это преступление "представляет собой как бы два преступления, соединенные в одном составе: умышленное тяжкое телесное повреждение и неосторожное причинение смерти"[1]. Еще более определенно высказался Ю.И. Ляпунов: "В одной уголовно-правовой норме законодатель объединил два самостоятельных деяния — умышленное тяжкое телесное повреждение и неосторожное убийство"[2]. К числу таких преступлений относятся, например, незаконное производство аборта, умышленное уничтожение имущества и некоторые другие умышленные преступления, связанные с причинением смерти по неосторожности.

Наконец, убийство как род смерти констатируется и в том случае, когда смерть причиняется в результате преступления, связанного с нарушением каких-либо специальных правил или запретов, осложненных столь тяжкими последствиями, как смерть каких-либо лиц. Сюда относится нарушение безопасности движения и эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами, нарушение действующих на транспорте правил, нарушение правил безопасности горных, строительных и других работ и т.п. В составах этих преступлений предусмотрено такое последствие, как смерть человека. Виновный, совершая эти преступления, не предвидит возможности наступления смерти, хотя должен и может это предвидеть, либо предвидит такую возможность, но легкомысленно рассчитывает ее предотвратить. Как видим, названные здесь преступления включают все признаки неосторожного убийства. То обстоятельство, что они предусмотрены в специальных составах, отражает лишь их повышенную общественную опасность. Характерно, что санкции этих преступлений, в случае наступления смерти людей, выше, чем в ст. 106 УК РФ, предусматривающей общую норму об ответственности за неосторожное убийство. Налицо конкуренция общей и специальной норм. И хотя применяться должна

норма специальная[3], следует помнить, что состав, предусмотренный общей нормой, также должен быть полностью установлен.

Из сказанного следует, что *к убийству как роду смерти* нужно отнести, по нашему мнению, все случаи причинения смерти преступными действиями. Иное решение вопроса обязало бы нас относить причинение смерти в результате преступления к несчастным случаям.

Можно предвидеть возражения в связи с тем, что уже устоялось понятие убийства, и введение двух понятий — убийства как рода смерти и убийства как преступления — может усложнить проблему. Однако это соображение является неубедительным. Прежде всего, учет рода насильственной смерти вряд ли целесообразно связывать с юридической квалификацией деяния, повлекшего смерть. Для судебной медицины это не является существенным.

С другой стороны, поскольку род смерти связан с установлением ее причин, важно констатировать, наступила ли смерть по воле и в результате действий самого умершего (самоубийство), вследствие умысла или неосторожности иных лиц (по принятой терминологии — убийство) или при отсутствии чьей-либо вины (несчастный случай).

Вместе с тем необходимо поставить вопрос и об уточнении терминологии. Думается, что правильнее рассматриваемый род смерти назвать иначе, например *смерть от преступления*. Это устранит возможную путаницу в терминах, уточнит существо рассматриваемых явлений, приблизит терминологию к определениям соответствующих понятий, вытекающим из законодательства.

§ 2. Отграничение убийства от других преступлений, связанных с посягательством на жизнь

1. При квалификации преступлений против жизни возникают многочисленные вопросы отграничения их от других преступлений, связанных с угрозой жизни или с причинением смерти человеку. Они возникают при отграничении *убийства* или покушения (приготовления) на него от преступлений, предусмотренных ст.ст. 66 — 69, 77, 77[1], 85, 98, 99, 108 — 111, 114, 116, 140, 149, 150, 172, 191[2], 193, 207, 211 — 217, 220, п. "в" ст. 240, 252 — 254 УК.

Разрешая вопрос об отграничении убийства от других преступлений, включающих в свой состав умышленное или неосторожное причинение смерти человеку, следует исходить прежде всего из определения понятия убийства, которое приведено в гл. I. Вместе с тем необходимо учитывать, что оно, как и определение понятия любого преступления, является общим, отражающим лишь наиболее существенные черты (объект, на который направлено посягательство, субъективную сторону деяния, противоправность, а также наступление последствий —

для оконченного преступления). Поэтому сопоставление понятий преступлений позволяет сделать только предварительный вывод о том, какое совершено преступление. Для квалификации, а следовательно, и для отграничения одного преступления от другого необходим анализ всех признаков составов сопоставляемых преступлений.

В основе отграничения одного преступления от другого лежит объект посягательства, который в значительной мере определяет природу данного преступления и его общественную опасность. По объекту главным образом мы определяем характер преступления, например убийство или грабеж, убийство или оскорбление, убийство или взяточничество и т.д. Во всех этих случаях отграничение других преступлений от убийства по объекту посягательства трудности не составляет, поскольку их объекты настолько различны, что не может быть сомнений, в каком случае совершено убийство, а в каком — грабеж, оскорбление или взяточничество. Однако значительно сложнее правильно решить вопрос о разграничении преступлений, когда непосредственным объектом посягательства выступает жизнь человека. Отграничить убийство от другого преступления, сопряженного с посягательством на жизнь, по объекту преступления можно только путем выяснения наличия или отсутствия посягательства, наряду с жизнью человека, и на другой объект, специально охраняемый законом. Так, при бандитизме в случае совершения убийства объектом преступления наряду с жизнью человека выступают основы общественной безопасности; при причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, объектом преступления, наряду с жизнью, оказывается и здоровье граждан и т.д.

Но объект посягательства не всегда может служить критерием отграничения убийства от других преступлений. Например, при доведении до самоубийства объектом преступного посягательства является также жизнь человека. Поэтому для отграничения убийства от других преступлений, связанных с причинением смерти человеку, немаловажное значение имеет выяснение субъективной стороны преступного посягательства и главным образом вины, т.е. психического отношения субъекта к своим действиям и наступившим последствиям. Наличие прямого или косвенного умысла на лишение жизни человека, как правило, свидетельствует о совершении убийства. Вместе с тем установление умысла на лишение жизни не во всех случаях влечет квалификацию преступления по статьям Уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за убийство. Например, при совершении террористического акта всегда имеется умысел на лишение жизни человека, но наличие другого признака субъективной стороны состава преступления — цели ослабления государства исключает квалификацию преступления по ст.ст. 102 или 103 УК.

В отдельных случаях при отграничении убийств от других посягательств может иметь значение и субъект преступления.

Например, уголовная ответственность за бандитизм наступает с 16 лет, а за убийство с 14 лет. Поэтому, если вовлеченное в банду лицо в возрасте от 14 до 16 лет совершит убийство, оно будет нести ответственность не за бандитизм, а за убийство.

Для отграничения убийств от других преступлений в некоторых случаях может иметь значение и объективная сторона состава преступления. Вместе с тем, она не может быть решающей. В самом деле, убийство чаще всего совершается путем действий виновного, но оно может быть совершено и путем бездействия. Наступление смерти потерпевшего как последствие преступления характерно не только для убийства. Наличие причинной связи между действием виновного и смертью потерпевшего необходимо для всех преступлений, при совершении которых может наступить смерть человека.

Таким образом, путем сопоставления признаков состава преступления в каждом конкретном случае имеется возможность отграничить убийство от других преступлений, связанных с лишением жизни человека.

Изучение практики показывает, что вопрос об отграничении убийств от некоторых преступлений, связанных с причинением смерти, представляет значительную сложность и поэтому нуждается в более обстоятельном рассмотрении. Спорные вопросы возникают при отграничении убийства, покушения (приготовления) на него от таких преступлений, как причинение умышленных тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, тяжких или менее тяжких умышленных и неосторожных телесных повреждений, тяжких или менее тяжких телесных повреждений, причиненных в состоянии аффекта или при превышении пределов необходимой обороны, умышленное уничтожение государственного или общественного имущества либо личного имущества граждан, оставление в опасности, транспортные преступления, угроза убийством, халатность.

2. На практике распространенной ошибкой является осуждение за умышленное убийство лица, причинившего т я ж к о е т е л е с н о е п о в р е ж д е н и е, п о в л е к ш е е с м е р т ь п о т е р п е в ш е г о. Допускаемые ошибки объясняются в какой-то степени тем, что эти преступления по внешним признакам (всем признакам объективной стороны) совершенно одинаковы. У них могут совпадать и некоторые признаки субъективной стороны, например мотивы и цель преступления. Это иногда приводит к тому, что в результате некритического анализа фактических обстоятельств совершенного преступления со стороны следственных органов и судов действия виновного, причинившего тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть потерпевшего, расцениваются как умышленное убийство, исходя не из преступного намерения, а лишь из наступивших последствий — смерти потерпевшего. Так, Ф. был осужден по п. "г" ст. 102 и по ч. 1 ст. 145 УК за убийство В. и кражу денег у С. Суд признал, что Ф. и В. при распитии водки не поделили украденные деньги. На этой

почве между ними возникла ссора, во время которой Ф. нанес множество ударов В. руками и ногами в различные части тела. Уходя с места происшествия, Ф. положил под голову В. пиджак, чтобы тот "не захлебнулся рвотными массами". В. был обнаружен мертвым. Судебно-медицинская экспертиза констатировала, что его смерть наступила от закрытой тупой травмы живота. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР признала, что действия Ф. расценены судом как умышленное убийство неправильно, исходя не из его отношения к содеянному и направленности умысла, а из наступивших последствий. Суд не учел характера действий и последующего поведения Ф., свидетельствующих об отсутствии у него умысла на убийство. Его действия предусмотрены ч. 2 ст. 108 УК.

В других случаях при наличии данных о том, что виновный имел умысел на убийство, его действия расцениваются как причинение тяжких телесных повреждений. Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда признала правильной квалификацию по ч. 2 ст. 108 УК действий К., который ударил ножом в пах С., от чего наступила его смерть. Президиум Московского городского суда отменил определение судебной коллегии и указал: из дела видно, что К. был знаком с гр-кой К-ой и встречался с ней. В день происшествия он, выпив водки, приехал к К-ой, у которой застал С. К-ва попросила его уйти и сообщила, что она намерена с С. вступить в брак. К., угрожая С. убийством, ушел, а через несколько минут возвратился с заранее приготовленным раскрытым ножом и нанес С. удар в пах, после чего скрылся. С. был доставлен в больницу в состоянии, близком к клинической смерти. В соответствии с этими данными и с учетом высказанной К. угрозы убийством Президиум признал, что действия К. следует расценивать как умышленное убийство.

В данном случае нанесение удара ножом в жизненно важную часть тела, сопровождаемое угрозой смертью, является бесспорным свидетельством умысла на убийство.

Разграничение этих преступлений должно проводиться по субъективной стороне, точнее по форме вины. Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 27 июня 1975 г. "О судебной практике по делам об умышленном убийстве" обоснованно обращал внимание судов на то, что они не всегда разграничивают умышленное убийство и причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего. При этом не учитывается, что при убийстве требуется наличие прямого или косвенного умысла на причинение смерти, а при тяжком телесном повреждении — умысла лишь на причинение телесного повреждения, отношение же к смерти потерпевшего выступает в форме неосторожной вины.

Таким образом, ч. 2 ст. 108 УК применяется в тех случаях, когда установлены умысел виновного на причинение тяжких телесных повреждений и неосторожность — в отношении насту-

пившей смерти. В проекте нового УК предлагается закрепить это положение в законе[1]. Прямой или косвенный умысел на причинение смерти свидетельствует об умышленном убийстве. Сказанное позволяет подчеркнуть, что при разграничении умышленного убийства и тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть, должно быть выяснено субъективное отношение виновного и к действиям (причинение телесных повреждений), и к последствиям (смерти потерпевшего).

Изучение практики показывает, что установление умысла на причинение тяжких телесных повреждений не представляет серьезных трудностей. Доказать же умысел на убийство в тех случаях, когда отсутствуют прямые доказательства (личные объяснения, свидетельские показания, письма и т. п.), значительно труднее.

Сложность состоит в том, что привлеченный к ответственности, как правило, отрицает умысел на убийство, нередко утверждает, что он намеревался причинить только телесное повреждение. Пленум Верховного суда РФ в упомянутом постановлении от 22 декабря 1992 г. рекомендовал судам при решении вопроса о содержании умысла виновного исходить из совокупности всех обстоятельств совершенного преступления и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество и характер и локализацию телесных повреждений (например, повреждение жизненно важных органов человека), причины прекращения виновным преступных действий и т.д., а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения.

Преданный суду по п. "б" ст. 102 и ч. 3 ст. 206 УК К. не отрицал злостного хулиганства и причинения тяжких телесных повреждений Д., но утверждал, что у него не было умысла на убийство. Саратовский областной суд осудил К. по ч. 2 ст. 108 и ч. 3 ст. 206 УК. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ отменила приговор и указала, что умысел К. на убийство Д. подтверждается обстоятельствами нанесения удара ножом в голову потерпевшего, подчеркнув, что удар нанесен в жизненно важный орган — в висок головы и с большой силой, отчего лезвие ножа сломалось и осталось в голове потерпевшего. К. использовал для этого охотничий нож большого размера.

Из примера следует, что Верховный суд РФ при определении наличия умысла на убийство исходил прежде всего из характера действий виновного. Характер действий виновных по таким делам бывает ясен из их объяснений (если они не отрицают нанесения удара, ранения или повреждения потерпевшему), а также может быть установлен путем допроса свидетелей или другими доказательствами. О характере действий могут свидетельствовать и те повреждения, которые обнаружены на теле потерпевшего и зафиксированы в протоколе осмотра трупа или в заключении судебно-медицинского эксперта.

Таким образом, анализ практики показывает, что действия лиц, совершивших умышленное убийство, различаясь между собой по фактическим обстоятельствам, имеют общие для всех них признаки. К ним относятся: 1) направленность действий виновного на нарушение функций или анатомической целости жизненно важного органа потерпевшего (обобщение судебной практики показывает, что при наличии умысла на убийство действия виновного чаще всего бывают направлены на нарушение анатомической целости головы, шеи, левой стороны груди, печени, левого и правого пахов); 2) применение такого орудия или средства, которым может быть причинена смерть; 3) интенсивность действий виновного, достаточная для нарушения функций или анатомической целости жизненно важного органа человека (интенсивность действий виновного может характеризоваться как силой удара, так и множеством нанесенных телесных повреждений).

Отсутствие хотя бы одного из указанных признаков свидетельствует о том, что обвинение в убийстве (если только вывод о наличии у виновного умысла на убийство сделан, исходя из характера его действий) является недостаточно обоснованным. И наоборот, наличие таких признаков, как правило, подтверждает умысел на убийство, поскольку по направленности, интенсивности и по примененным средствам (орудиям) исключается какой-либо иной, кроме смертельного, исход. Об опасности для жизни человека такого рода повреждений известно каждому лицу, которое может быть привлечено к уголовной ответственности.

В приведенном постановлении Пленума подчеркивается важность установления характера предшествующих убийству действий виновного и потерпевшего. Пленум правильно подчеркнул, что о содержании умысла могут свидетельствовать действия виновного, последовавшие за причинением потерпевшему телесных повреждений, когда он, например, препятствует оказанию медицинской помощи. По приговору Алтайского краевого суда Н. был осужден за то, что нанес удары ножом своим знакомым: Т. — в верхнюю часть левого бедра, повредив большую бедренную артерию, и В. — в нижнюю часть бедра. В результате ранения у Т. открылось обильное кровотечение и он потерял сознание. Затем Н. воспрепятствовал шоферу колхоза готовить автомашину для перевозки раненых в больницу, отогнал его от машины, ударив ножом в руку. Оставшись по вине Н. без медицинской помощи, Т. через некоторое время умер от потери крови. Н. сознавал, что его действия могут привести к наступлению смерти Т., и поэтому был осужден за умышленное убийство.

В тех случаях, когда виновный действовал с умыслом на убийство, продолжительность времени, прошедшего от момента нанесения повреждений потерпевшему до его смерти, не имеет значения для квалификации его действий. Ивановским областным судом И. был осужден за умышленное убийство своего сына. Не

желая продолжать жизнь с семьей, с целью уклонения от уплаты алиментов, И. дал своему 10-месячному сыну чай с каустической содой, в результате чего мальчик умер через 347 дней от поздних осложнений химического ожога пищевода. Судебно-медицинский эксперт дал заключение о том, что раствором каустической соды высокой концентрации ребенку были причинены, безусловно, смертельные телесные повреждения. Уличенный в совершенном преступлении, И. сознался, что намеревался умертвить сына. В данном случае смерть потерпевшего наступила почти через год после совершения преступления.

3. Вопрос об отграничении от т я ж к и х т е л е с н ы х п о в р е ж д е н и й, п о в л е к ш и х с м е р т ь п о т е р п е в ш е г о, возникает и при квалификации убийства, совершенного по неосторожности (ст. 106 УК). Определенные трудности, встречающиеся на практике, объясняются тем, что эти преступления имеют общий признак неосторожного отношения виновного к наступившим последствиям — смерти потерпевшего. Суды часто не учитывают, что ответственность по ч. 2 ст. 108 УК наступает только при условии, если виновный, совершая противоправные действия, предвидел возможность причинения тяжких телесных повреждений и желал либо сознательно допускал наступление такого результата. Народным судом Х. была осуждена по ч. 2 ст. 108 УК за причинение тяжких телесных повреждений О., которые повлекли его смерть. Было установлено, что находившийся в нетрезвом состоянии О. на кухне в коммунальной квартире затеял ссору, а затем драку. Х. ударила несколько раз О. головой о стену, когда же они оказались на лестнице, толкнула его вниз. О. ударился головой об угол и от полученных повреждений на следующий день умер. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ признала, что обстоятельства причинения смерти О. не дают оснований для вывода о том, что Х. умышленно причинила потерпевшему тяжкие телесные повреждения. Толкая О. с лестницы, Х. могла и должна была предвидеть возможность наступления тяжких последствий, в том числе и смерти, ввиду чего ее действия надлежит квалифицировать по ст. 106 УК.

Вопрос о квалификации действий виновного в подобных случаях не может быть разрешен по заранее определенному рецепту. Многое зависит от конкретных обстоятельств преступления, личности виновного и потерпевшего, их отношений до совершения преступления и поведения виновного после него. Например, ситуация, когда виновный толкает потерпевшего с лестницы, наносит сильный удар кулаком, нередко свидетельствует о его безразличном отношении к наступлению любых тяжких последствий. Так, старшина К. поставил солдата Л. по стойке "смирно" и нанес ему удар кулаком в грудь. В результате травматического шока, вызванного ударом в область сердца, Л. скончался на месте. Военный трибунал осудил К. за неосторожное убийство. Военная коллегия Верховного суда СССР приговор

отменила. В суде было установлено, что фельдшер воинской части предупреждал К. об особой опасности нанесения ударов кулаком в грудь, поскольку они могут повлечь ушиб сердца и наступление смерти. Игнорируя это предупреждение, К. продолжал избивать подчиненных, нанося удары кулаком в грудь, т.е. действовал с косвенным умыслом на убийство — безразлично относился к любым последствиям. Военная коллегия подчеркнула, что при отграничении неосторожного убийства от смежных составов преступлений (ст.ст. 103 и 108 ч. 2 УК) необходимо исходить из того, что неосторожное убийство предполагает отсутствие умысла виновного как на причинение смерти потерпевшему, так и на причинение тяжких телесных повреждений.

4. При отграничении покушения на убийство от тяжких телесных повреждений (ч. 1 ст. 108 УК) необходимо учитывать, что объективная сторона этих преступлений одинакова. Их следует разграничивать по содержанию умысла. В настоящее время все еще допускаются ошибки — покушением на убийство признаются действия, совершенные с косвенным умыслом, когда виновный не преследовал цели совершить убийство. Поэтому Пленум Верховного суда РФ в постановлении от 22 декабря 1992 г. специально подчеркнул, что покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом. Следовательно, при разграничении покушения на убийство и тяжких телесных повреждений решающее значение приобретает установление вида умысла. О прямом умысле на причинение смерти могут свидетельствовать высказывание виновного о намерении совершить убийство еще до покушения на него, угроза убийством, попытка воспрепятствовать оказанию медицинской помощи после причинения телесных повреждений и т.д. Отсутствие данных о наличии прямого умысла на причинение смерти потерпевшему при нанесении тяжких телесных повреждений и установление безразличного отношения виновного к возможным последствиям не позволяют рассматривать его действия как покушение на убийство. Это требование не всегда учитывается на практике, что приводит к ошибкам при квалификации преступлений. Так, Подольский городской народный суд осудил Р. по ст. 15 и п. "б" ст. 102 УК за то, что он во время драки ударил Б. ножом в спину, причинив тяжкие телесные повреждения. Московский областной суд признал квалификацию действий неправильной и указал, что, поскольку Р., судя по обстоятельствам дела, действовал с косвенным умыслом, совершенное им преступление следует квалифицировать по ч. 1 ст. 108 УК.

В данном случае областной суд установил, что у Р. не было цели убить потерпевшего, и обоснованно пришел к выводу, что Р. должен нести ответственность за фактически наступившие последствия — причиненное тяжкое телесное повреждение.

Исходя из приведенных соображений, относящихся к анализу применения ч. 1 ст. 108 УК, должен решаться вопрос при отграничении покушения на умышленное убийство от менее

тяжких телесных повреждений (ст. 109 УК). Если суд приходит к выводу о том, что имело место не покушение на убийство, а причинение телесных повреждений, применение ч. 1 ст. 108 или ст. 109 УК зависит от степени тяжести этих повреждений, вреда, причиненного здоровью потерпевшего.

5. Неосторожное тяжкое телесное повреждение следует отграничивать от неосторожного убийства. По этому вопросу нет единого мнения. Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ отклонила протест заместителя Прокурора РФ на приговор народного суда в отношении Г., причинившего по неосторожности тяжкие телесные повреждения С., которые повлекли его смерть. В протесте ставился вопрос о квалификации действий Г. по ч. 1 ст. 114 УК. Судебная коллегия указала, что действия виновного предусмотрены ст. 106, а не ч. 1 ст. 114 УК, по которой может быть квалифицировано неосторожное тяжкое телесное повреждение без смертельного исхода. Из ч. 1 ст. 114 УК вовсе не вытекает, что в данном случае имеются в виду последствия, характеризующие тяжкое телесное повреждение со смертельным исходом, как это утверждалось в протесте. Такую же позицию занимают авторы комментария к УК РСФСР (1984 г.), указывая на то, что ч. 1 ст. 114 не включает в число последствий наступление смерти потерпевшего[5]. И это вполне обоснованно. В ч. 1 ст. 114 УК не случайно ничего не говорится о причинении смерти по неосторожности, так как это преступление предусмотрено ст. 106 УК. Иное решение вопроса потребовало бы назвать критерий, на основании которого можно было бы разграничить квалификацию неосторожного причинения смерти в одних случаях по ч. 1 ст. 114, а в других — по ст. 106 УК. Но такого критерия в рамках неосторожности предложить невозможно. Наступление смерти потерпевшего в результате неосторожных тяжких телесных повреждений, когда виновный должен был и мог ее предвидеть, влечет применение ст. 106 УК.

Квалификация действий виновного по ч. 1 ст. 114 УК при наступлении смерти потерпевшего от неосторожного тяжкого телесного повреждения возможна только тогда, когда между таким повреждением и наступившей смертью отсутствует причинная связь. Такая квалификация допустима и в том случае, когда установлено, что у субъекта, причинившего тяжкие телесные повреждения по неосторожности, отсутствует какая-либо вина по отношению к наступившей смерти. Однако в этих случаях смерть потерпевшего находится за пределами уголовно наказуемого деяния данного лица.

6. При отграничении умышленного тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, причиненного в состоянии сильного душевного волнения (ст. 110 УК), от умышленного убийства, совершенного при тех же обстоятельствах (ст. 104 УК), возможны две ситуации, когда тяжкие телесные повреждения: а) не

повлекли смерть потерпевшего (сюда же относятся и менее тяжкие телесные повреждения); б) окончились смертью потерпевшего.

В первой ситуации необходимо исходить из подчеркнутого выше положения о том, что покушение на убийство (в том числе и в состоянии сильного душевного волнения) невозможно с косвенным умыслом. Поэтому при отсутствии данных о наличии прямого умысла на лишение жизни потерпевшего причинение тяжких или менее тяжких телесных повреждений в состоянии аффекта должно быть квалифицировано по ст. 110 УК. Установление прямого умысла на лишение жизни, когда в состоянии аффекта причинено тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение потерпевшему, дает основание для применения ст.ст. 15 и 104 УК.

Сложнее дело обстоит при второй ситуации, когда в результате причинения тяжких телесных повреждений в состоянии аффекта наступила смерть потерпевшего. Разграничение указанных составов преступлений здесь следовало бы проводить в зависимости от отношения виновного к последствиям: при убийстве — умышленное, при тяжких телесных повреждениях —неосторожное. Однако в ст. 110 УК не упоминается о таком последствии, как смерть потерпевшего, в ней речь идет о "тяжких последствиях".

Этот вопрос возникал на практике. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ при рассмотрении дела М., признала, что тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, вызванного тяжким оскорблением, должно быть квалифицировано по ст. 104 УК. По ст. 110 УК такие действия квалифицируются лишь в тех случаях, когда они не повлекли смертельного исхода.

В литературе было высказано другое мнение. Н.И. Загородников полагал, что по ст. 110 УК могут быть квалифицированы как простые тяжкие телесные повреждения (ч. 1 ст. 108), так и телесные повреждения, повлекшие за собой смерть потерпевшего (ч. 2 ст. 108)[6]. По приведенным выше соображениям этот вывод представляется не совсем точным. Применение ст. 110 УК в разбираемых случаях предпочтительнее, чем квалификация их по ст. 104 УК.

7. В ст. 111 УК предусмотрена ответственность за тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное при превышении пределов необходимой обороны. В связи с этим встает вопрос об отграничении при квалификации ст.ст. 15 и 105 от ст. 111 УК. При его решении также необходимо исходить из того, что покушение на убийство возможно только с прямым умыслом. Во всех других случаях (при косвенном умысле на лишение жизни и умысле на причинение телесных повреждений при превышении пределов необхо-

димой обороны) нанесения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения ответственность должна наступать по ст. 111 УК.

8. Умышленное уничтожение или повреждение имущества, повлекшее человеческие жертвы, отграничивается от убийства по объекту преступного посягательства. Эти преступления не направлены против человеческой жизни, они посягают на соответствующую ее статусу собственность. С субъективной стороны действия виновного характеризуются неосторожной виной в отношении таких последствий этого преступления, как человеческие жертвы. В тех же случаях, когда виновный действует с прямым умыслом на уничтожение имущества и на убийство, последнее является самостоятельным преступлением. Но этим ограничиваться было бы неправильно. К убийству необходимо относить не только те случаи, когда виновный использует уничтожение имущества как способ убийства или средство сокрытия следов убийства, но и те случаи, когда, уничтожая имущество с прямым умыслом, он одновременно действует с косвенным умыслом на убийство. Например, Пензенским областным судом по п. "в" ст. 102 и ч. 2 ст. 149 УК был осужден Д. Желая отомстить бригадиру К. за якобы неправильное начисление заработной платы, Д. ночью обложил его дом тряпками, пропитанными мазутом, и поджег. При этом Д. было известно, что К. с семьей находится в доме. В результате пожара К. получил тяжелые ожоги и вскоре умер, а жене К. и детям удалось выбежать из горящего дома и спастись. Отклоняя кассационную жалобу, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ сослалась на то, что действия К. суд расценил правильно как убийство, поскольку, поджигая дом, в котором находятся спящие люди, он если и не желал, то сознательно допускал наступление тяжких последствий, в том числе и их смерти.

9. В судебной практике возникает вопрос об отграничении убийства от заведомого оставления в опасности. Мы имеем в виду заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вообще вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь потерпевшему и был обязан заботиться о нем либо сам поставил его в опасное для жизни состояние(ч. 2 ст. 127 УК).

Как правило, вопрос об отграничении убийства от заведомого оставления без помощи возникает в тех случаях, когда виновный поставил потерпевшего в опасное для жизни состояние своими собственными действиями. Изучение такого рода дел показывает, что на практике встречаются факты неправильной квалификации действий виновных по закону об убийстве вместо ч. 2 ст. 127 УК. Так, Кемеровский областной суд осудил по ст. 103 УК К., которая, выписавшись из родильного дома, оставила ребенка

в кустах, а потом перенесла его в баню, где ухаживала за ним, но ребенок простудился и через несколько дней умер от воспаления легких. Труп ребенка К. закопала в 600 метрах от дома. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ признала осуждение К. за убийство неправильным и квалифицировала ее действия по ч. 2 ст. 127 УК, сославшись на то, что она создала опасное для жизни ребенка состояние, повлекшее его смерть, не совершив каких-либо действий с целью убийства.

Ошибки допускаются и при отграничении заведомого оставления без помощи от покушения на убийство. Приговором Верховного суда Удмуртии В. был осужден по ч. 1 ст. 211, ст. 15 и пп. "в" и "г" ст. 102 УК. Суд признал, что В., управляя автомашиной, нарушил правила безопасности движения, наехал на В-ва, причинив ему менее тяжкие телесные повреждения. Чтобы скрыть преступление, он увез потерпевшего за город и оставил в поле. Суд указал в приговоре, что В., оставляя потерпевшего в тяжелом состоянии в поле, в холодную погоду, сознавал и допускал возможность наступления смерти, относясь к наступлению такого результата безразлично.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, анализируя обстоятельства совершения преступления, пришла к выводу, что суд исходил из наличия у осужденного косвенного умысла на убийство. В материалах дела нет достаточных данных о наличии у В. умысла, направленного на лишение жизни потерпевшего. Следовательно, его действия не могут быть расценены как покушение на убийство. Однако В. сам поставил потерпевшего в опасное для жизни состояние, заведомо оставил его без помощи, хотя обязан был заботиться о нем. Поэтому содеянное В. в этой части подлежит квалификации по ч. 2 ст. 127 УК.

Очевидно, что действия В., совершенные с косвенным умыслом по отношению к возможной смерти потерпевшего, как уже подчеркивалось, не могут свидетельствовать о покушении на убийство. Но это конкретное решение, когда учтена специфика субъективной стороны (невозможность косвенного умысла) при покушении на убийство. В принципе необходимо исходить из того, что субъективная сторона ч. 2 ст. 127 УК характеризуется прямым умыслом в отношении самого факта оставления без помощи лица в опасном для жизни состоянии и косвенным умыслом в отношении наступивших последствий[7].

Следует также иметь в виду, что если лицо поставило потерпевшего в опасное для жизни состояние и заведомо оставило его без помощи, то ответственность по ст. 127 УК при наступлении смерти возможна только в случае, когда опасное состояние создано действием этого лица. Если опасное для жизни состояние потерпевшего создано неосторожным поведением лица, а затем потерпевший оставлен без помощи и погиб, то ответственность должна наступать за неосторожное лишение жизни (например ст. ст 140 или 211 и ст. 106 УК). Если же

потерпевший поставлен в опасное состояние, умышленно и заведомо оставлен без помощи, то в случае наступления его смерти виновный должен отвечать за умышленное убийство[8].

10. Вопрос об отграничении убийства (умышленного и неосторожного) от транспортных преступлений имеет несколько аспектов. Прежде всего должна проводиться четкая грань между умышленным и неосторожным лишением жизни и нарушениями правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, предусмотренными ст.ст. 211, 211^2, 211^3, 213 и 252 УК. Каждая из этих статей предусматривает наступление в результате указанных нарушений гибели людей. Субъективную сторону названных преступлений по отношению к наступившим последствиям характеризует неосторожность, которая в зависимости от конкретных ситуаций может быть выражена в виде небрежности или самонадеянности.

Если установлено, что причинение смерти охватывалось умыслом виновного, то очевидно, что его действия должны рассматриваться как умышленное убийство. Это относится как к прямому, так и к косвенному умыслу. При прямом умысле транспортные средства в некоторых случаях могут быть использованы как орудие убийства. По делу П. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ указала, что используя автомашину в качестве орудия преступления и направляя ее на большой скорости на потерпевших, П. сознавал общественно опасный характер своих действий, предвидел возможность причинения потерпевшим смерти и желал ее наступления. В связи с этим Судебная коллегия признала, что суд правильно пришел к выводу о наличии у П. прямого умысла на совершение преступления.

Действия лиц, виновных в причинении смерти, квалифицируются по ст. 211 УК только в тех случаях, когда она последовала в результате нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта. Если же такие последствия наступили не в результате нарушений указанных правил, а при погрузке или выгрузке грузов, ремонте транспортного средства, производстве строительных, дорожных, сельскохозяйственных и других нетранспортных работ, действия виновных подлежат квалификации в зависимости от формы вины соответственно как умышленное или неосторожное убийство. Это обстоятельство обоснованно подчеркнуто в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 октября 1969 г. "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их угоном"[9].

В некоторых случаях решение вопроса об отграничении убийства от транспортных преступлений находится в зависимости от вида транспортного средства. Дело в том, что из числа автотранспортных средств должны быть исключены велосипеды

и мопеды с рабочим объемом двигателя менее 49,8 куб. см., так как они в соответствии с Правилами дорожного движения не относятся к механическим транспортным средствам, не подлежат регистрации в ГАИ и для их управления не требуется документа, удостоверяющего право на вождение транспортного средства. В связи с этим причинение смерти по неосторожности упомянутыми транспортными средствами должно квалифицироваться по ст. 213 УК в случае нарушения действующих на транспорте правил и во всех других случаях — по ст. 106 УК. Применение ст. 211 УК здесь исключается.

11. Изучение практики показывает, что иногда суды квалифицируют по ст. 172 УК действия медицинских работников, допустивших халатное отношение к исполнению своих обязанностей, в результате чего наступает смерть больного.

Вопрос об ответственности медицинских работников в таких случаях один из наиболее сложных. Прежде всего необходимо попытаться установить границу, отделяющую преступление от действий медицинского работника, признанных неправильными, но непреступными. Вполне понятно, что врачу нельзя вменять в вину метод лечения или производство операции, связанные с определенным риском, который неизбежен и оправдан в некоторых случаях, когда врач, чтобы вылечить больного или спасти его жизнь, не добился желаемых результатов. Вместе с тем если врач предвидит, что избранный им метод лечения не исключает возможности смертельного исхода, но легкомысленно рассчитывает на его предотвращение, то при должной осмотрительности и более вдумчивом подходе к исполнению своих обязанностей он должен отказаться от этого метода. При продолжении лечения, повлекшего смерть больного, для врача наступает уголовная ответственность за допущенную преступную самонадеянность. Так, К., врач пункта неотложной помощи при одной из поликлиник Ленинграда, при выезде к больной С. установил наличие внематочной беременности. С. была в крайне тяжелом состоянии, не могла удержать термометр, ее руки и губы были синими. К. не принял мер к срочной госпитализации С., хотя это настоятельно диктовалось особенностями данного случая и было очевидно для К., он оставил больную без медицинского присмотра и только через 45 минут, после посещения другого больного, вызвал санитарную машину. В результате произошло обильное кровотечение в брюшную полость и С. умерла.

По заключению эксперта, при своевременно оказанной помощи жизнь С. была бы спасена. Сам К. заявил в судебном заседании, что он знал, что внематочная беременность может привести к смертельному исходу, но надеялся, что за это время с С. ничего не произойдет. Народным судом его действия были квалифицированы по ст. 172 УК.

Преступная небрежность врача может проявиться в том, что он не предвидит, что избранный им метод лечения может привести не к улучшению, а к ухудшению состояния больного,

хотя должен был и мог это предвидеть. Ответственность может наступить лишь при условии, если в этой ситуации такая возможность объективно допускала установление ухудшения состояния больного, а по своим субъективным данным врач, учитывая квалификацию, опыт, стаж работы и т.п., вполне мог предвидеть наступление смерти, если бы проявил должную внимательность. В подобной ситуации к более квалифицированному работнику должны быть предъявлены и более высокие требования, чем к менее квалифицированному; к имеющим большой жизненный и профессиональный опыт — более высокие, чем к тем, которые его не имеют, и т.д.

Менее сложно решить вопрос об ответственности медицинского работника, применившего по ошибке лекарственный препарат, повлекший смерть больного. В подобных случаях речь идет не об ошибке при постановке диагноза, когда в ряде случаев имеются весьма серьезные трудности, не учитывать которые нельзя. Выдача ненадлежащих лекарств вследствие преступной небрежности, допущенной при их хранении, не может быть оправдана неясностью симптомов болезни или другими подобными обстоятельствами.

По ст. 172 УК, предусматривающей должностную халатность, могут привлекаться к ответственности те медицинские работники, которые являются должностными лицами (главные врачи больниц, начальники отделений, заведующие аптеками и т.п.) и которые виновны в невыполнении или ненадлежащем выполнении своих должностных обязанностей организационно-распорядительного или административно-хозяйственного характера.

Действия врача и других медицинских работников, связанные с ненадлежащим выполнением ими своих профессиональных обязанностей (неправильное лечение, неверная дозировка лекарства, выдача ненадлежащего лекарства и т.п.), если это повлекло смерть больного, подлежат квалификации не по ст. 172, а по ст. 106 УК, предусматривающей ответственность за неосторожное убийство, при наличии, разумеется, всех признаков состава данного преступления. В связи с этим нельзя не согласиться с указанием Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ по делу Г., рассмотренному Ленинградским областным судом, о том, что когда смерть больного наступает в результате халатности медицинского работника, не являющегося должностным лицом (например, медицинской сестры), преступление подлежит квалификации как неосторожное убийство по ст. 106 УК.

С нашей точки зрения, за невыполнение или ненадлежащее выполнение своих профессиональных обязанностей медицинские работники не должны привлекаться к уголовной ответственности по ст. 172 УК, даже если они при исполнении своих иных служебных обязанностей и могут рассматриваться в качестве должностных лиц. В тех же случаях, когда речь идет о причинении смерти по вине медицинского работ-

ника, выполняющего обязанности должностного лица, и в связи с выполнением этих обязанностей, его действия правильно было бы квалифицировать по совокупности ст.ст. 106 и 172 УК, поскольку ст. 172 непосредственно не предусматривает в числе последствий наступление смерти человека. Такая квалификация преступных действий в подобных случаях наиболее полно отражала бы характер совершенного преступления.

12. В связи с включением в УК РФ ч. 2 ст. 115^2 о заражении другого лица заболеванием СПИД лицом, знавшим о наличии у него этой болезни, возник вопрос об отношении этого лица к последствиям заражения — наступлению смерти потерпевшего.

В тех случаях, когда отношение виновного к смерти потерпевшего неосторожное, вопрос ясен: о неосторожном убийстве речи быть не может, поскольку состав преступления не предусматривает причинение смерти потерпевшему. Что касается совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 115 ч. 2 и 106 УК, то в случае наступления смерти потерпевшего такая совокупность вполне возможна, поскольку первое преступление повлекло за собой второе, если, разумеется, существует причинная связь. В этой совокупности два неразрывно и последовательно связанных преступления.

Сложнее, когда виновный относится умышленно к наступлению возможного последствия — смерти потерпевшего. В медицинской литературе описываются случаи, когда тяжело больные люди действуют эгоистично по принципу: "раз для меня смерть сравнительно близка, то умирай и ты". В таких случаях состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 115^2 УК не меняется. Однако здесь возникает вопрос о совокупности (при прямом умысле и при ненаступлении последствий) ч. 2 ст. 115^2 и ст.ст. 15 и 103 УК, а при наступлении последствий при прямом и косвенном умысле — ч. 2 ст. 115^2 и ст. 103 УК. Разумеется, этот вопрос нуждается в дополнительном обдумывании, но если исходить из строгих рамок, характеризующих субъективную сторону убийства, то применение совокупности представляется достаточно обоснованным.

13. Для практики имеет значение отграничение приготовления к убийству от угрозы убийством. Для наступления уголовной ответственности за угрозу убийством должны быть основания опасаться осуществления данной угрозы (ст. 207 УК). Это в каждом случае — вопрос факта. При его решении нужно учитывать, как воспринял угрозу потерпевший. Не случайно в проекте УК подчеркнуто: "если у потерпевшего имеются основания опасаться осуществления этой угрозы"[10]. Но одного этого субъективного признака недостаточно, необходимо руководствоваться и объективными данными. Для вывода о реальности угрозы должна быть оценена обстановка, в которой она произнесена. О наличии оснований

обстановка, в которой она произнесена. О наличии оснований опасаться осуществления угрозы могут свидетельствовать: способ выражения угрозы (например, демонстрация оружия), характер взаимоотношений обвиняемого и потерпевшего (крайне неприязненные отношения, частые ссоры и т.п.); предшествующее поведение виновного (часто хулиганил, избивал других лиц или потерпевшего); личность виновного (например, ранее был судим или, наоборот, всегда отличался хорошим поведением, был уравновешен). Указанные обстоятельства конкретизируют угрозу и ее реальную опасность. Только с учетом всех обстоятельств в каждом случае может быть принято правильное решение о том, имеются ли основания опасаться реализации угрозы[11].

Угроза убийством, как и всякая угроза, — одна из форм обнаружения умысла на совершение преступления. Обнаружение умысла, или, как принято его называть, "голый умысел" — это начальная стадия развития преступления, характеризующаяся выражением вовне намерения тем или иным способом совершить преступление.

Как стадию развития преступления, обнаружение умысла уголовный закон не преследует. Она еще настолько далека от самого преступления, что нельзя говорить о ее общественной опасности, как и об опасности лица, обнаружившего умысел. Эта стадия характеризуется отсутствием общественно опасного действия (бездействия) — этого необходимого условия уголовной ответственности. За угрозу убийством уголовная ответственность установлена не потому, что угроза является стадией в развитии убийства, а потому, что она носит особо серьезный характер и сама по себе при определенных обстоятельствах представляет угрозу жизни потерпевшего. Вместе с тем это вовсе не исключает того, что при отграничении приготовления к убийству от угрозы убийством необходимо учитывать, что угроза может предшествовать приготовлению. При угрозе убийством дальнейшие события могут развиваться таким образом, что за ней последует приготовление, покушение и оконченное преступление. Когда угроза сопровождается конкретными действиями, состоящими в приискании или приспособлении средств или орудий убийства, это уже не угроза убийством, предусмотренная ст. 207 УК, а приготовление к убийству. В таких случаях ст. 207 УК не применяется, поскольку угроза убийством оказалась реализованной в более опасном преступлении — приготовлении к убийству. В судебной практике нам не встретилось случаев одновременного применения ст. 207 УК и статьи, предусматривающей ответственность за убийство, покушение или приготовление, когда этому предшествовала угроза тому же лицу.

14. Анализ преступлений против жизни, а также преступлений, связанных с причинением смерти, когда они сопряжены с

убийством, показывает, что вопрос об их юридической квалификации должен решаться не всегда одинаково: в одних случаях закон об убийстве вообще не применяется; в других — применяется только закон об одном виде убийства, в третьих — закон о двух видах убийства, в четвертых — применяется не только закон об убийстве, но и закон о каком-либо другом преступлении, связанном с причинением смерти человеку.

14.1. В УК имеются составы преступлений, которые своими признаками полностью охватывают и совершение умышленного убийства. К их числу относятся: террористический акт (ст.ст. 66 и 67 УК), диверсия (ст. 68 УК), сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей, когда эти действия сопряжены с убийством (п. "в" ст. 240 УК). Во всех этих случаях, как нам кажется, нет необходимости применять ст. 102 или ст. 103 УК, достаточно квалифицировать преступление по соответствующей статье, поскольку в этих статьях определены признаки, характеризующие преступные действия и их последствия при лишении жизни потерпевших по каждому из названных составов преступлений.

Рассматривая вопрос о соотношении ст. 77 (бандитизм) и ст. 102 УК необходимо исходить из постановления Пленума Верховного суда РФ от 22 декабря 1992 г., в котором разъяснено, что умышленное убийство, совершенное участником банды при нападении, надлежит квалифицировать по совокупности совершенных преступлений как бандитизм и умышленное убийство. Это вполне обоснованное указание. Надо сказать, что в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 27 июня 1977 г. давалось противоположное разъяснение. Углубленный анализ привел к выводу о том, что обвинение в совершении самого тяжкого преступлении — умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах в каждом случае должно быть конкретизировано и правильно юридически оценено в соответствии с признаками ст. 102 УК и установленными обстоятельствами конкретного убийства. В любом убийстве при бандитском нападении есть состав преступления, предусмотренный п. "е" ст. 102 УК, и игнорировать это обстоятельство при строгом юридическом анализе невозможно, тем более, что ст. 77 УК не содержит необходимых конститутивных признаков лишения жизни человека.

Более сложным, по нашему мнению, является соотношение умышленного убийства (п. "в" ст. 102 УК) и посягательства на жизнь работника милиции и народного дружинника. Пленум Верховного суда СССР в 1963 г. разъяснил, что посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника независимо от наступления преступного результата надлежит рассматривать как оконченное преступление и квалифицировать только по ст. 191^{2} УК без дополнительной квалификации по ст. 102 или ст.ст. 15 и 102 УК. Затем Пленум от этой позиции отказался[12]. Дело в том, что она может быть признана правиль-

ной только при условии, если считать, что под посягательством следует понимать и оконченное преступление. С нашей точки зрения, посягательство на жизнь — это только покушение на убийство, но не оконченное убийство. В обычном словоупотреблении под посягательством понимается только покушение* и вряд ли от этого следовало отступать. При такой позиции правило о применении специальной нормы вместо общей нормы при их конкуренции не должно было бы распространяться на п. "в" ст. 102 УК, поскольку ст. 191^{2} УК не охватывает оконченного состава преступления — убийства[13].

14.2. Подлежит применению только закон об убийстве в тех случаях, когда речь идет об отграничении его от тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, и доведения до самоубийства, которые не могут быть совершены одновременно в отношении одного и того же потерпевшего в совокупности с убийством. Установление доведения до самоубийства либо тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, исключает применение ст.ст. 102 и 103 УК, и, наоборот, при установлении убийства ст. 107 и ч. 2 ст. 108 УК не применяются.

При квалификации преступления по ст.ст. 102, 103 или ст. 107 УК общим является объект — жизнь человека. Установив это, необходимо провести разграничение между убийством и доведением до самоубийства по объективной стороне состава преступления, т.е. по характеру и обстоятельствам действия (или бездействия) виновного.

Необходимо учитывать и субъективную сторону, поскольку доведение до самоубийства, с нашей точки зрения, может быть совершено только с косвенным умыслом и по неосторожности. При установлении прямого умысла при доведении до самоубийства имеет место убийство, которое характеризуется особым способом его совершения. Такой подход неоднократно аргументировался в литературе[14].

14.3. Совершенное преступление следует квалифицировать не по одной, а по двум статьям Уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за различные виды убийства. Это

---

* "Посягать", "посягнуть" — покушаться, дерзать, замышлять, намереваться (см. Даль В. Толковый словарь живого русского языка. т. III, М., Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955, с. 352). В юридической литературе термин "посягательство" иногда употребляется для общей характеристики отдельных категорий преступлений. Например, посягательства на жизнь, на личную собственность и т.п. Но здесь речь идет лишь о направленности группы деяний на определенный объект, из этого вовсе не следует, что отдельные оконченные преступления правильно отождествлять с "посягательством".

относится прежде всего к рассмотренному выше так называемому отклонению действия, когда деяние виновного квалифицируется одновременно и как покушение на убийство и как неосторожное убийство. Возможны и другие случаи применения двух статей Уголовного кодекса об ответственности за убийство. Например, виновный, находясь в состоянии аффекта и действуя способом, опасным для жизни многих людей, убивает не только своего обидчика, но и постороннего человека. Такие действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений — по ст. 104 и по п. "д" ст. 102 УК. Здесь, так же как и при отклонении действия, налицо идеальная совокупность преступлений.

14.4. Применяется статья Уголовного кодекса об ответственности за убийство и статья, предусматривающая ответственность за одно из названных ниже преступлений, сопряженных с посягательством на жизнь, когда установлено, что это преступление было совершено с целью убийства, т.е. явилось средством совершения убийства. В данном случае имеются в виду: действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений (ст. 77^1 УК), массовые беспорядки (ст. 79), нарушение правил движения и эксплуатации транспорта (ст.ст. 85, 211, 211^1 и 252), повреждение путей сообщения и транспортных средств (ст. 86), умышленное или неосторожное повреждение или уничтожение имущества (ст.ст. 98, 99, 149, 150), незаконное производство аборта (ст. 116), нарушение правил охраны труда (ст. 140), превышение власти или служебных полномочий (ст. 171), нарушение действующих на транспорте правил (ст. 213), нарушение правил безопасности горных работ (ст. 214), нарушение правил при производстве строительных работ (ст. 215), нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах (ст.216), нарушение правил полетов (ст. 253), нарушение правил кораблевождения (ст. 254).

По некоторым из этих преступлений имеются разъяснения Пленума Верховного суда РФ от 22 декабря 1992 г. (ст.ст. 77^1 и ч. 2 ст. 171 УК). Что касается других преступлений, упомянутых в данном пункте, то мы исходим из общей доктрины уголовного права, которая руководствуется правилом об идеальной совокупности преступлений, так как вред причиняется не только жизни человека, но и другому охраняемому уголовным законом объекту.

Глава IX. НАКАЗАНИЕ ЗА УБИЙСТВО

§ 1. Назначение наказания за убийство

1. В современных условиях наказание продолжает оставаться важным правовым средством борьбы с убийствами.

При назначении наказания суд руководствуется ст.37 УК, которая устанавливает общие начала назначения наказания. Суд учитывает: санкцию Особенной части УК, по которой квалифицировано преступление; положения Общей части УК, которые дают характеристику различным видам наказания и содержат рекомендации по их применению; характер и степень общественной опасности совершенного преступления; личность виновного; обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность.

Эти требования закона сформулированы обобщенно и относятся к назначению виновному наказания по любому уголовному делу. Они достаточно полно обсуждены в литературе и в комментариях к УК[1], поэтому останавливаться на них в данном случае нет необходимости. В настоящей работе интерес представляет специфика назначения наказания лицам, совершившим убийство. По нашему мнению, ее удачно отразил Пленум Верховного суда РФ в п. 20 постановления от 22 декабря 1992 г. При назначении наказания за умышленное убийство судам предписывается учитывать совокупность всех обстоятельств, при которых оно совершено: вид умысла, мотивы и цель, способ, обстановку и стадию совершения преступления, тяжесть наступивших последствий, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность. Равным образом должны быть исследованы данные, относящиеся к личности потерпевшего, его взаимоотношения с подсудимым, а также поведение во время происшествия.

Реализация рекомендаций Пленума Верховного суда на практике будет способствовать назначению лицам, виновным в убийстве, справедливого наказания.

2. Вопрос о справедливости наказания, особенно по делам об убийстве, имеет принципиальное значение. К сожалению, такие требования к наказанию не сформулированы в УК, ничего не говорится об этом и в упомянутом постановлении Пленума Верховного суда РФ. В законе (имеются в виду УК и УПК) содержатся указания на обстоятельства, которые необходимо учитывать при назначении наказания, подчеркивается, что эти обстоятельства должны быть исследованы всесторонне, полно и объективно, а приговор должен быть законным и обоснованным. Но о справедливости наказания, к сожалению, ничего не говорится. Иными словами, суды прямо не ориентированы на справедливость наказания. Разумеется, соответствующее упоминание в законе не решит проблему по существу. Однако формулирование в нем принципа справедливости наказания принесло бы большую пользу для правосудия. Заметим лишь, что право, в том числе и уголовное право, утрачивает нравственное значение, если оно не обеспечивает справедливость[2].

Вопрос о справедливости наказания за убийство остро стоит при рассмотрении дел этой категории в судах первой инстанции.

Взгляды на справедливость наказания, с одной стороны, родственников виновного в убийстве и самого осужденного, а с другой — родственников потерпевшего, а при покушении и самого потерпевшего, чаще всего прямо противоположны. Задача суда как раз в том и состоит, чтобы наказание было назначено по справедливости с учетом всех обстоятельств "за" и "против", о которых выше говорилось.

3. Закон и упомянутое постановление Пленума формулируют лишь предпосылки для назначения справедливого наказания лицам, совершившим убийство, из которых исходит суд при рассмотрении конкретных дел.

Изучение судебной практики по делам об убийствах показывает, что далеко не все приговоры судов оказываются справедливыми. Это обычно связано со сложностью ситуаций, в которых совершаются преступления, неполнотой собранных на предварительном следствии и в судебном заседании данных, не позволяющей в ряде случаев восстановить в полной мере достоверную обстановку и другие обстоятельства убийства, недостаточной квалификацией и подготовленностью судей для рассмотрения таких дел. Упомянутые обстоятельства едва ли могут быть полностью преодолены.

И тем не менее анализ показывает, что при надлежащей организации общества в этом направлении могут быть сделаны определенные шаги.

Рассмотрим некоторые условия нашей реальности, отрицательно влияющие, как нам кажется, на справедливость наказания, в том числе и по делам об убийствах. Назовем их условно привходящими.

К несправедливому наказанию по делам об убийствах приводит обвинительный уклон некоторых судей, предпочитающих придерживаться позиции прокуратуры не только по обвинительному заключению, но и в части меры наказания. Причины здесь могут быть различными: нежелание портить отношения с прокурором, опасение вызвать гнев местного начальства, влияние на эмоции судей отягчающих и иных обстоятельств убийства.

Нельзя не учитывать, что по делам об убийствах суды нередко подвергаются серьезному давлению со стороны общественного мнения. Исследования, проведенные в Институте государства и права РАН, показали, что подавляющее большинство граждан высказывается за применение к убийцам самых строгих мер наказания, включая смертную казнь, даже за убийства, совершенные без отягчающих обстоятельств. Это в определенной степени понятно: человек лишается жизни — блага, которое он получает только один раз. Но надо иметь в виду, что граждане воспринимают убийство, как правило, как сам факт убийства, правовая сторона их часто мало интересует. Сторонники жесткого подхода полагают, что усилением репрессий можно остановить преступность и даже сократить ее. Им кажется, что стоит только построже наказать — и желанная

цель будет достигнута. Между тем наша собственная история, опыт других стран показывают, что это глубокое заблуждение, основанное на поверхностных суждениях и обывательском понимании происходящих социальных процессов.

Вместе с тем по конкретным делам об убийствах общественное мнение едва ли можно игнорировать. Президиум Верховного суда РФ, например, отменив за мягкостью меры наказания приговор нижестоящего суда в отношении П., осужденного за покушение на убийство В. и за убийство малолетней дочери В., в постановлении указал, что суд не учел тяжесть совершенного преступления и не обсудил мнение общественности о применении к ранее судимому П. смертной казни. Разумеется, Верховный суд отменил приговор не потому, что он противоречил мнению общественности, а в связи с тем, что позиция общественности вызвала у суда сомнение в правильности приговора.

Судебная практика показывает, что одной из причин вынесения приговоров, несправедливо осуждающих к длительному сроку лишения свободы или к смертной казни, является квалификация убийства "с запасом на прочность", т.е. по статье УК, предусматривающей ответственность за более тяжкое по сравнению с совершенным убийство. Так, убийство при смягчающих обстоятельствах квалифицируется по ст. 103 УК, а простое умышленное убийство — как совершенное при отягчающих обстоятельствах. Это своего рода перестраховка, чтобы избежать следователю возвращения дела на доследование для предъявления нового обвинения или суду (судье) — отмены приговора вышестоящим судом. Суды такие ошибки не всегда своевременно исправляют, что приводит к вынесению и исполнению юридически необоснованных приговоров.

К несправедливому наказанию нередко приводит и проведение так называемых показательных процессов, рассмотрение уголовных дел в выездных сессиях. Само по себе рассмотрение дел в выездных сессиях имеет положительные стороны. Так, оно позволяет реализовать воспитательный потенциал суда, расширить гласность, формирует общественное сознание. Вместе с тем практика свидетельствует, что нередко приговоры в выездных сессиях заканчиваются назначением явно завышенных мер наказания. Очевидно, что нельзя допускать, чтобы место рассмотрения дела играло решающую роль при назначении наказания.

Назначение чрезмерно строгих мер наказания (при отсутствии для этого необходимых данных) часто находит поддержку в средствах массовой информации. Можно, например, прочитать или услышать возмущение ("мало дали") или одобрение ("получили максимальное наказание").

Причиной несправедливых приговоров по делам об убийствах в ряде случаев является косвенное давление на суд депутатского корпуса и других властных структур. За последние годы в Верховном Совете СССР и в Верховном Совете России,

в Указах Президента РФ неоднократно звучали призывы: "объявить войну преступности", "не допускать послабления преступникам", "пусть земля горит у них под ногами". При этом нередко призывами все ограничивается при отсутствии в постановлениях и других документах конкретных рекомендаций. Остается только нагнетание страха и давление на суд в направлении усиления репрессии.

Преодолеть преступность, тем более в условиях ее значительного роста и усиления жестокости, проявляющейся, прежде всего, в убийствах, едва ли можно на пути ужесточения наказаний. Акцент следует делать на неотвратимость ответственности и наказания, улучшение раскрываемости преступлений, организацию работы по профилактике правонарушений, создающих благоприятную почву для совершения убийств.

Что касается наказания за убийство, то никак нельзя проводить в жизнь принцип "талиона" (смерть за смерть), наказание должно быть справедливым. Каждый убийца должен получить ту кару, которая ему положена по закону. У судов достаточно возможностей для индивидуализации и назначения справедливого наказания, поскольку все санкции, предусматривающие ответственность за убийство, не являются абсолютно определенными. Суд ограничен только высшим пределом санкции, а при наличии достаточных оснований вправе определить наказание более мягкое, чем предусмотрено законом.

Вместе с тем, справедливое наказание должно отвечать определенным требованиям: 1) должно соответствовать тяжести совершенного преступления и имеющим уголовно-правовое значение данным об общественной опасности личности виновного, в первую очередь тем, которые прямо предусмотрены законом в качестве смягчающих и отягчающих обстоятельств (требование индивидуализации ответственности); 2) наказания, назначаемые за равные по тяжести преступления и при разной общественной опасности личностей виновных должны быть разными (требование дифференциации ответственности); 3) наказания, назначаемые за равные по тяжести преступления лицам, равным по степени общественной опасности, должны быть равными (требование равенства ответственности). К этому добавим, что справедливость наказания, как этическая оценка, должна выступать критерием правильности решения по каждому уголовному делу, мерилом соотношения разнообразных, подчас противоречивых требований и интересов сторон, участвующих в судебном разбирательстве[3].

4. Судебная практика показывает, что суды при определении наказания за убийство также учитывают: обстоятельства убийства, повлиявшие на его квалификацию; другие обстоятельства, относящиеся к преступлению; данные, характеризующие обвиняемого и потерпевшего, учтенные при квалификации преступления;

другие данные об обвиняемом и потерпевшем, а также иные обстоятельства, имеющие отношение к делу.

Остановимся здесь лишь на тех вопросах, которые возникают в судебной практике по делам об убийствах или являются спорными в литературе.

Важное значение для назначения наказания за убийство имеют обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность (ст.ст. 38, 39 УК). Однако, развивая ранее высказанную мысль, подчеркнем, что в тех случаях, когда эти обстоятельства (например, п. 5 ст. 38, п.п. 1, 2, 3, 7, 9 ст. 39 УК) при совершении убийства признаются квалифицирующими, суд, с нашей точки зрения, не должен принимать их во внимание при определении наказания. Эти обстоятельства уже учтены в диспозиции статьи УК, относящейся к соответствующему виду убийства. Необходимо также сказать, что некоторые из смягчающих обстоятельств прямо ограничивают применение наиболее строгих мер наказания. Например, для несовершеннолетнего (в возрасте до 18 лет) срок лишения свободы не может превышать 10 лет.

Судебная практика показывает, что суды по делам об убийстве учитывают характеристики личности виновного по работе, в быту, участие в Отечественной войне, наличие наград и другие данные, могущие свидетельствовать о личности виновного. В литературе высказывалось мнение о том, что эти данные не следует учитывать при назначении наказания за убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах[4]. По нашему мнению, нельзя заранее утверждать, что указанные обстоятельства не имеют значения при назначении наказания во всех случаях убийства при отягчающих обстоятельствах. Это противоречит ст. 37 УК и судебной практике, да и здравому смыслу, особенно по групповым делам, когда роли участников преступления даже при соисполнительстве нередко различны. С другой стороны, суды должны учитывать и отрицательные стороны жизни и деятельности подсудимого: прежняя судимость, неоднократные привлечения к административной ответственности, совершение других аморальных действий, свидетельствующих о деградации личности подсудимого и его опасности для окружающих.

Анализ дел об убийствах в Верховном суде РФ показывает —суды не всегда учитывают, что п. 4 ст. 38 УК признает совершение преступления впервые смягчающим обстоятельством при назначении наказания только в случаях, когда преступление не представляет большой общественной опасности. Умышленное убийство, предусмотренное ст.ст. 102 и 103 УК, к числу таких преступлений не относится. Поэтому ссылки некоторых судов при назначении наказания за указанные убийства на то, что преступление совершено впервые, нельзя признать обоснованными. Вместе с тем, по нашему мнению, данное смягчающее обстоятельство может быть учтено судом при назначении наказания за убийство, квалифицированное по ст.ст. 104, 105, 106 УК.

Назначая наказание виновному в убийстве, суд принимает во внимание данные о личности потерпевшего и его поведение до совершения преступления. Отдельные случаи неправильного поведения потерпевшего закон специально учитывает и предусматривает привилегированные виды убийства. Но встречаются и другие ситуации, чаще всего по делам о бытовых убийствах, например, когда они совершаются из ревности в "ответ" на аморальное поведение потерпевшего. Из дел, рассмотренных Верховным судом РФ, видно, что наказание за убийство, предусмотренное ст. 103 УК, смягчается тем лицам, которые совершили его в связи с противоправными действиями потерпевшего (кражей, хулиганством, изнасилованием и т.п.). В иных случаях, когда месть является реакцией на правомерные действия потерпевшего, преступление приобретает уже другой характер. Ни о каком смягчении наказания в связи с мотивом убийства не может быть и речи.

В практике судов встречаются случаи, когда виновному назначается более мягкое наказание в связи с тем, что у суда не сложилось твердое убеждение о доказанности вины подсудимого в убийстве. Даже среди юристов, имеющих отношение к судебной системе, можно услышать выражение "спустить дело на тормозах". Это бывает чаще всего, когда обвинение основано на косвенных уликах. Между тем очевидно, что суд в любом случае обязан выяснить все обстоятельства, имеющие значение как для установления виновности, так и для назначения наказания, либо должен возвратить дело на доследование или вынести оправдательный приговор. Назначение же более мягкого наказания для "смягчения" виновности недопустимо. Это создает благоприятную почву как для необоснованного осуждения, так и для уклонения виновных в убийстве от уголовной ответственности.

По некоторым делам суды, мотивируя назначение строгого наказания, ссылаются на предумышленный характер убийства. Нам представляется такой подход вполне обоснованным. Убийство, заранее задуманное, когда виновный не только намечает жертву, но и обдумывает место, время, способ убийства, а иногда и готовит орудие совершения преступления, является более коварным. Многие предумышленные убийства связаны с подготовкой мер к сокрытию следов убийства, а нередко и алиби, чтобы уклониться от ответственности за совершенное преступление. Все это, с нашей точки зрения, повышает опасность как самого убийства, так и лица, виновного в его совершении.

Наша позиция находит подтверждение в п. 20 постановления Пленума Верховного суда РФ от 22 декабря 1992 г., где судам рекомендуется при назначении наказания учитывать "вид умысла". Это означает установление умысла не только прямого или косвенного, определенного или неопределенного, конкретизированного или неконкретизированного, но и выяснение того, было ли убийство предумышленным. По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных, как уже отмечалось, предумыш

ленность убийства относилась к отягчающим ответственность обстоятельствам и даже влияла на квалификацию преступления.

К рассматриваемому вопросу примыкает и другой: является ли (при прочих равных условиях) убийство с прямым умыслом более опасным, чем убийство с косвенным умыслом. С нашей точки зрения, первое более опасно, поскольку виновный действует специально с целью убийства. Следовательно, лицо, его совершившее, заслуживает более строгого наказания, чем лицо, которое безразлично относилось к смерти потерпевшего. Нам представляется, что Пленум Верховного суда РФ, рекомендовавший судам выяснять и учитывать при назначении наказания лицам, виновным в убийстве, вид умысла, имел в виду и различия в опасности прямого и косвенного умысла.

5. Имеются некоторые особенности при назначении наказания за убийство, совершенное в виде приготовления или покушения.

В соответствии со ст. 15 УК суд при назначении наказания за приготовление или покушение на убийство исходит из общих правил назначения наказания, о которых уже говорилось.

Общественная опасность приготовления к убийству или покушения на него прежде всего зависит от вида убийства, которое намеревался совершить виновный. Кроме того, определяя опасность приготовления или покушения, суд исходит из конкретных действий виновного, которые он совершил в направлении осуществления умысла на убийство. Но этого в ряде случаев недостаточно. Для справедливого наказания за покушение на убийство имеет значение выяснение завершенности покушения, т.е. установление того, что оно является оконченным или неоконченным. При неоконченном покушении виновный не выполняет всех действий, которые он считал необходимыми для наступления преступного результата. При оконченном покушении виновный выполняет все намеченные для убийства действия, но результат не наступает. Надо учитывать, что и в первом и во втором случаях результат не наступает по не зависящим от виновного обстоятельствам. С позиции доктрины уголовного права большую опасность представляет оконченное покушение, при котором виновный, хотя и безрезультатно, но все сделал для того, чтобы совершить убийство. При этом необходимо учитывать, что возможны два варианта оконченного покушения: 1) когда потерпевшему не причинено физического вреда (А. с целью убийства Б. нажимает курок пистолета, но происходит осечка); 2) когда потерпевшему причиняется физический вред (А. с целью убийства Б. производит в него выстрел и причиняет ему тяжкое телесное повреждение, но смерть потерпевшего не наступает в связи с оказанием квалифицированной медицинской помощи).

При оконченном покушении для определения наказания важно установить причины недоведения преступления до конца, а также установить, почему виновный не повторил неудачного

покушения. Здесь нет добровольного отказа от преступления, поскольку покушение уже совершено, но может быть отказ от повторения покушения, который нельзя не учитывать при назначении наказания за покушение на убийство.

Изучение практики в Верховном суде РФ показывает, что при покушении на убийство суды по сравнению с полностью выполненным преступлением назначают, как правило, более мягкое наказание, учитывая, что смерть потерпевшего не наступила.

6. Назначая наказание за убийство, совершенное в соучастии (группой лиц), суд руководствуется ст.ст. 17, 37, 38, 39 и п. "м" ст. 102 УК. При этом он исходит из того, что убийство, совершенное в соучастии, представляет повышенную опасность по сравнению с аналогичным преступлением, совершенным одним лицом. Мы уже анализировали различия и сходство между нормами п. 2 ст. 39 УК, где речь идет о совершении преступления организованной группой, и п. "м" ст. 102 УК, предусматривающим ответственность за убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц. При назначении наказания, как нам кажется, в таких случаях необходимо иметь в виду, что п. 2 ст. 39 УК как обстоятельство, отягчающее ответственность, учитывается при назначении наказания только при убийстве группой лиц без предварительного сговора, чаще всего при соисполнительстве, например, во время драки. Что касается всех других форм соучастия, включая соисполнительство при сговоре, то в этих случаях, назначая наказание, суд исходит только из п. "м" ст. 102 УК. Учитывать при назначении наказания и п. 2 ст. 39 УК было бы в данном случае нарушением признанного во всем мире принципа, сформулированного еще римлянами: non bis in idem — не наказывать дважды за то же. Иными словами, нельзя учитывать одно и то же отягчающее обстоятельство дважды.

Совместная деятельность соучастников при совершении убийства не означает для них одинаковой ответственности, а предполагает максимальную индивидуализацию наказания[5]. Поэтому при назначении наказания каждому из соучастников убийства необходимо учитывать, как указывается в ст. 17 УК, степень и характер участия в преступлении каждого из соучастников. Именно это обстоятельство подчеркнул Пленум Верховного суда РФ в п. 2 постановления от 22 декабря 1992г.

Таким образом, при назначении наказания суд руководствуется *двумя критериями*: *объективным*, отражающим степень участия в совершенном преступлении, и *субъективным*, отражающим степень опасности соучастников[6].

Изучение судебной практики по делам об убийствах показывает, что на размер наказания, назначаемого виновному, оказывает влияние *форма* соучастия, *роль* данного соучастника в группе (сообществе) и его *конкретные действия* при совершении убийства. Исходя из этого, чаще всего к более

строгому наказанию приговариваются исполнители и организаторы убийства, а иногда и подстрекатели к совершению убийства, причем нередко организатор наказывается строже, чем исполнитель. Это имеет место, как правило, в тех случаях, когда исполнитель оказывается под влиянием более опытных, часто ранее судимых преступников.

Пособники в совершении убийства по сравнению с другими соучастниками осуждаются по общему правилу к менее строгому наказанию, чем исполнители, организаторы и подстрекатели. Роль пособников в преступлении практически всегда менее значительна, чем роль других соучастников.

Анализ судебной практики показывает, что нередко дифференцируется наказание и соисполнителям убийства. (Пленум Верховного суда РФ в упомянутом постановлении от 22 декабря 1992 г. разъяснил, что соисполнителями убийства являются люди, которые действовали совместно, с умыслом, направленным на совершение убийства, и непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего). Хотя каждый соисполнитель отвечает за все действия и наступившие последствия, суды учитывают роль каждого и учитывают, кто является непосредственным исполнителем, если имеется возможность провести такое различие.

§ 2. Проблемы наказания за убийство

1. В истории человечества неоднократно изменялись представления о наказаниях за убийство. Как уже отмечалось, первоначально жизнь человека защищалась обычаем кровной мести, с которым, по Русской правде, соседствовала вира, затем пришло головничество, потом смертная казнь и лишение свободы.

Каждый раз, изменяя виды наказания за убийство, общество искало и сейчас ищет пути более эффективной и рациональной защиты жизни человека. Некоторые проблемы наказания за убийства остаются спорными и поныне. Решить их окончательно вряд ли возможно. Но могут быть различные подходы, приведены разнообразные аргументы, предложены различные решения. Для российского уголовного права в данный момент представляются актуальными две проблемы наказания за убийство: о возмещении материального ущерба, причиненного убийством, и о применении смертной казни за умышленное убийство. В различные эпохи они решались по-разному, поэтому важен исторический аспект их рассмотрения.

2. О возмещении материального ущерба, причиненного убийством. Кровная месть соседствовала с возмещением материального ущерба, причиненного родственникам убитого. Древние памятники права — Десять заповедей Моисея, Закон XII таблиц Рима, законы Хаммураби несли в себе идею "возмещения вреда и талиона"[7].

7—901

Русская правда первоначально отдавала убийцу в полное распоряжение родственников убитого по праву кровной мести. Князь же, являясь мстителем безродных, предпочитал деньги — плату за убийство, которая именовалась вирой (системой вир) с заранее установленной шкалой ценностей: голова свободного горожанина или селянина оценивалась в 40 гривен, за убийство боярина или другого знатного господина взыскание увеличивалось в два раза, за убийство раба уменьшалось до 12 гривен*. Дети Ярослава (около 1050г.) ограничили власть родственников убитого над убийцей и заменили кровную месть головщиной (выкупом), которая не содержала в себе уголовного элемента: убийце предоставлялось право уладить дело с родственниками убитого, заплатив названную ими сумму (головщину). Если между сторонами согласия не достигалось, родственники убитого обращались с гражданским иском в суд; в результате разбирательства суд устанавливал сумму в гривнах, которую убийца обязан был уплатить истцу (истцам). При несостоятельности убийцы он выдавался родственникам убитого "головою", последние могли его наказать по своему усмотрению, но не могли лишить жизни. Родственники убийцы не принимали участия в удовлетворении претензий родственников потерпевшего. Однако общество (вервь), где проживал убийца, ручалось за него. Если же, несмотря на поручительство, убийца уклонялся от ответственности, общество выплачивало взыскиваемую сумму родственникам убитого или выплачивало виру князю[8].

Головщина на Руси и в России просуществовала более 400 лет. В Судебнике Ивана III (1497г.) предусматривалось взыскание головщины из имущества убийцы и, кроме того, преступник должен был находиться в "казни и продаже боярину или дьяку". В тех случаях, когда убийца не мог заплатить головщину родственникам убитого, он им не выдавался, как это следовало из Русской правды, а подлежал смертной казни. В Судебнике Ивана IV (1550г.) сохранялась возможность предъявления гражданского иска за убийство. Исследователи отмечают, что иски за убийство встречаются в судных грамотах до 1613 года[9]. По Судебнику царя Федора Ивановича (1589г.), который не был введен в действие, предусматривалось предъявление иска к виновному о возмещении ущерба за убийство и смертная казнь[10]. По Уложению царя Алексея Михайловича (1649г.) к смертной казни добавляется взыскание в государеву казну половины имущества убийцы; вторая половина имущества отдавалась по их просьбе жене, детям и роду убитого[11].

---

* Гривна кун — счетно-денежная единица в Древней Руси. Новгородская гривна — слиток (брусок) серебра весом около 200 г.

В Своде Законов уголовных (1832г.), в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845г.) и в Уложении о наказаниях (1903г.) на лиц, виновных в убийстве, обязанность возмещать ущерб не возлагалась. Решение вопроса о возмещении ущерба родственникам убитого было перенесено в Свод Законов гражданских[12].

Таким образом, исторические памятники свидетельствуют о том, что убийца в течении многих веков в России, в других странах обязан был нести не только наказание, но и возмещать ущерб, причиненный убийством родственникам потерпевшего и обществу.

В советское время проблема возмещения материального ущерба за убийство обходилась стороной. Уголовное законодательство РСФСР механически пошло по пути, накатанному царской властью. Ценность человеческой жизни еще более снизилась. Умышленные убийства граждан без суда и следствия широко практиковались сразу же после революции и в последующие годы. Тоталитаризм такие убийства возвел в ранг государственной политики. До возмещения ли вреда за убийство было в ситуации, когда произвол творился под прикрытием государства. Не поднимался данный вопрос и в доктрине уголовного права, которая, как справедливо отмечается в литературе, вопросы вреда практически не исследовала[13].

Действующий УК (ст. 102) даже за убийство при отягчающих обстоятельствах не предусматривает конфискацию имущества, не говоря уже о взыскании причиненного ущерба. Не содержит конфискации имущества и денежного взыскания за убийство и аналогичная статья опубликованного проекта УК.

Нам представляется целесообразным предусмотреть, наряду с другим наказанием, взыскание материального ущерба, причиненного убийством, в пользу родственников потерпевшего или штраф в доход государства при отсутствии родственников. Это усиливало бы ответственность за убийство и выполняло бы определенную предупредительную функцию, а родственники убитого и общество получали бы материальное возмещение. Денежное взыскание следовало бы установить за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, а также за умышленное убийство без отягчающих и без смягчающих обстоятельств. Взыскание ущерба, причиненного убийством, следовало бы специально оговорить в уголовном законе, а в уголовно-процессуальном законе расширить сферу предъявления гражданского иска по уголовному делу*.

Что касается цены иска или размера штрафа за названные виды убийства, то мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что речь идет не о цене жизни. Жизнь человека б е с ц е н н а. Имеется в виду размер причиненного убийством ущерба, для исчисления которого могут быть применены, например, методики Госстраха,

---

* Подробнее см. нашу статью в журнале "Государство и право", 1994, № 4.

а штраф мог бы быть обязательным дополнительным наказанием. Взыскание ущерба и штрафа за убийство не должно быть ограничено сроком давности либо если и ограничено, то максимальным сроком давности, предусмотренным законом.

Более широкий вариант решения данной проблемы предусматривает законодательство США, которое разрешает суду одновременно применять лишение свободы и штраф, но допускает применение и только лишения свободы либо только штрафа. Законом США 1984 г. о реформе системы уголовного наказания установлен максимальный размер штрафа для физических лиц за преступления, имевшие последствием смерть человека, 250 тысяч долларов. В случае смерти потерпевшего от преступления его наследникам может быть выплачена компенсация в размере не более 50 тысяч долларов. Рассмотрение данных вариантов выходит за пределы нашей темы, относясь к более широкому кругу преступлений; в то же время они подтверждают обоснованность высказанных выше соображений о необходимости возмещения ущерба, причиненного убийством.

3. О смертной казни за убийство. Происхождение смертной казни на Руси объясняют по-разному. Одни считают ее проявлением влияния Византии (византийского законодательства), где смертная казнь широко практиковалась. Другие полагают, что государственная власть застала уже смертную казнь как готовое, вполне устоявшееся учреждение в виде кровной мести[14]. Мы не исключаем, что источником применения смертной казни на Руси, а потом и в России вполне могли быть в силу известных исторических условий одновременно как первое, так и второе обстоятельства.

В нашей истории о смертной казни впервые упоминается при князе Владимире Святославиче. В связи с распространившимися разбоями и убийствами духовенство рекомендовало ему казнить разбойников. Князь первоначально уклонился от принятия такого решения, сославшись на то, что "боится греха". Но в 996 г. была все же введена смертная казнь за "убийство в разбое". Применялась она, однако, недолго и была заменена денежными штрафами и взысканиями[15], о чем уже говорилось.

В Двинской уставной грамоте (1398 г.), принятой при вхождении этой земли в Россию, предусматривалась смертная казнь, но не за убийство, а за кражу "в третий раз". Расширила применение смертной казни Псковская судная грамота (1467 г.), предусмотрев ее применение также за государственную измену, конокрадство и за кражу в церкви. Но о казни за убийство в ней также ничего не говорилось, хотя некоторые историки права утверждают, что по Псковской судной грамоте смертная казнь за убийство все же применялась[16].

О смертной казни за убийство по Судебникам 1497 г. и 1550 г. мы уже говорили в связи с проблемой возмещения материального ущерба за убийство. Заметим лишь, что безусловная смер-

тная казнь за умышленное убийство была введена не Судебником 1550 г., а Царской уставной грамотой 1 июля 1509 г.[17]

По Уложению царя Алексея Михайловича (1649г.) смертная казнь по существу становится основным видом наказания как за убийство, так и за многие другие преступления. Смертной казнью наказывалось не только убийство или покушение на убийство государя, но и приготовление и обнаружение умысла на такое преступление.

По Уложению приговоренным к смертной казни предоставлялось шесть недель на покаяние, потом они допускались к причастию. Священник давал духовное напутствие и через три дня приговор приводился в исполнение. Различалось два вида смертной казни: тяжкая и менее тяжкая. К тяжкой смертной казни относилось, например, "окопание" живого в землю, колесование, четвертование; к менее тяжкой смертной казни — отсечение головы. Например, жена, отравившая мужа, ставилась на колени в яму со связанными руками, затем закапывалась по плечи и умирала голодной смертью. К ней допускался только священник.

Воинский устав Петра I предписывал за любое умышленное убийство, подстрекательство или пособничество этому преступлению применять смертную казнь: голову отсечь или колесовать. Всего смертная казнь по Уставу применялась более чем за 100 преступлений[18]. Свод законов Российской Империи (1832 г.) предусматривал "особенные виды смертоубийства". К их числу относились: убийство отца или матери, чадоубийство, детоубийство (аборт), братоубийство, убийство жены мужем и наоборот, а также убийство прочих родственников, убийство начальника подчиненным и наоборот; господ слугами и наоборот; убийство лиц при отправлении ими должностей. За все эти виды смертоубийства полагалась т я ж к а я смертная казнь, за прочие умышленные убийства применялась м е н е е т я ж к а я смертная казнь[19].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), как и в Уложении о наказаниях (1903 г.) смертная казнь за убийство не предусматривалась. Исключение составляли особа Императора и члены его семьи. Смертную казнь с 1893 г. разрешалось применять военным судам за убийство работников железной дороги и пассажиров поездов, если эти деяния совершены "туземцами в Кавказском крае и Ставропольской губернии"[20].

В первые годы советской власти смертная казнь отменялась дважды: 26 октября (8 ноября) 1917 г. была отменена смертная казнь на фронте; 17 января 1920 г. был издан декрет "Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)"[21], но каждый раз она восстанавливалась под различными предлогами.

1 сентября 1934 г. была введена смертная казнь за убийство, совершенное военнослужащим при особо отягчающих обстоятельствах; санкция ч. 2 ст. 136 УК была абсолютно определенная: высшая мера наказания — расстрел. За другие особо тяжкие

убийства (без политической подоплеки) предусматривалось лишение свободы до 10 лет.

Смертная казнь была вновь отменена за все преступления Указом от 26 мая 1947 г.[22]

За умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах смертная казнь была установлена Указом от 30 апреля 1954 г[23].

Действующий УК в ст. 102 предусматривает смертную казнь или лишение свободы до 15 лет. В тех случаях, когда осужденный к смертной казни помилован, ему может быть назначено лишение свободы пожизненно.

В 1991 г., по данным МВД РФ за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах в России было казнено 147 человек. Особенно широко смертная казнь в отношении убийц применялась в 50 — 70-е годы, когда к этой мере наказания приговаривалось в 8 — 12 раз больше, чем в настоящее время. По оценкам ООН, приговоров к смертной казни в СССР выносилось больше, чем в других странах мира, которые представляли соответствующие сведения в эту организацию[24]. Их не представляли СССР, Китай, Румыния и еще несколько стран.

Изучение судебной практики показывает, что при применении смертной казни за убийство возникают спорные вопросы, по которым вышестоящие судебные инстанции принимают решения, имеющие значение по другим аналогичным делам. Эти решения являются своего рода прецедентами, они раскрывают разные грани закона на практике в связи с назначением данной меры наказания. Попутно заметим, что предложения о признании прецедента в российском праве заслуживают обсуждения[25].

Ульяновский областной суд осудил к смертной казни за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах К., которому в день совершения преступления исполнилось 18 лет. Как судебная коллегия по уголовным делам, так и Президиум Верховного суда РФ признали приговор обоснованным. Пленум Верховного суда СССР, рассмотрев дело в порядке надзора, изменил приговор суда, указав, что убийство К. совершил в ночь с 13 на 14 августа, а родился 14 августа. Следовательно, к моменту совершения преступления суд не вправе был назначать наказание в виде смертной казни. По нашему мнению, это обоснованная рекомендация, из которой следует, что совершеннолетним в уголовно-правовом значении следует считать лицо с начала следующих суток после дня рождения.

Среди части практических работников было распространено мнение о том, что за покушение на убийство при отягчающих обстоятельствах может быть применена любая мера наказания, за исключением смертной казни.

Такой вопрос возник, например, по делу Н., который, желая избавиться от жены и двоих детей, уезжавших на родину из Петропавловска-Камчатского, изготовил взрывное устройство и положил его в один из чемоданов. По его расчетам самолет должен был взорваться над Охотским морем, но взрыва не

произошло. В самолете было 96 пассажиров и членов экипажа. Жена Н., приехав к родителям, обнаружила взрывное устройство и передала его в милицию. Н. признал себя виновным. Камчатский областной суд осудил его за покушение на убийство при отягчающих обстоятельствах к смертной казни. Судебная коллегия по уголовным делам и Президиум Верховного суда отклонили протест Прокурора РСФСР и признали приговор обоснованным. Впоследствии Н. был помилован Президиумом Верховного Совета РСФСР.

По делу, рассмотренному Вологодским областным судом, Х. был осужден за покушение на убийство А. к смертной казни. Прокурор РСФСР в протесте в Верховный суд оспаривал это решение, ссылаясь на то, что для назначения Х. высшей меры наказания не было законных оснований, поскольку смерть потерпевшей не наступила. Президиум Верховного суда отклонил протест, указав, что потерпевшая осталась жива по не зависящим от Х. случайным обстоятельствам. Поскольку УК не предусматривает специально наказание за покушение ни в одной из санкций, в том числе и за покушение на убийство, суд вправе назначить за покушение любое наказание, предусмотренное санкцией статьи УК за оконченное преступление.

В Курганской тюрьме в одной камере содержались вместе М. и С., осужденные по разным делам к смертной казни за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. В один из дней М. потребовал от С. перестать ходить из угла в угол и "не мельтешить перед глазами". На этой почве возникла ссора, а потом драка, во время которой М. убил С. Через несколько дней пришли ответы на ходатайства о помиловании: убитому С. было отказано в помиловании, а М. — помилован. Было возбуждено уголовное дело в отношении М., но в суде оно не рассматривалось. По уголовному делу была составлена справка и направлена в Президиум Верховного Совета РСФСР. Президиум изменил свое решение о помиловании М. Приговор был приведен в исполнение. С нашей точки зрения, решение о помиловании — это акт Высшего органа государственной власти и его вряд ли правильно было отменять. Кроме того, вина М. в убийстве С. могла быть установлена только по приговору суда. Это требование не только норм УПК, но и Конституции. Иными словами, смертная казнь в отношении М. могла быть применена только на основании приговора суда по второму делу.

Ошибки в применении смертной казни по делам об убийстве, к сожалению, встречаются. Есть случаи, когда по истечении определенного времени выясняется, что казненными оказываются не только лица, совершившие менее тяжкие убийства, но и те, которые вообще не виновны. Заметим, что данное обстоятельство послужило одним из доводов при приостановлении Елизаветой Петровной в 1744 г. применения смертной казни за все преступления; за время

ее царствования она не утвердила ни одного приговора к смертной казни[26].

Наличие таких случаев на практике является серьезным аргументом против применения смертной казни и теперь.

Проблема применения смертной казни, как видно, имеет тысячелетнюю историю. Она широко обсуждалась в литературе в прошлом столетии, обсуждается и в настоящее время[27].

Интересно, что аргументы сторонников и противников смертной казни фактически совпадают с теми, которые приводились в Афинском ареопаге в IV в. до н.э.[28].

Подводя итог, обратим внимание дополнительно только на некоторые аспекты данной проблемы, которые, с нашей точки зрения, следовало бы иметь в виду в настоящее время.

Опыт последних десятилетий применения смертной казни за убийства показывает, что введение ее в 1954 году не привело к сокращению этих преступлений в последующие годы.

Оценивая смертную казнь как меру уголовного наказания, надо отметить, что в качестве меры частного предупреждения она лишена исправительного воздействия и характеризуется только карой. Разумеется, нельзя отрицать общепревентивного значения смертной казни: угроза ее применения не может не производить впечатления на лиц, готовящихся совершить тяжкое убийство. Но следует учитывать и то, что такая угроза толкает некоторых лиц на совершение наиболее жестоких и изощренных преступлений, а также на убийство тех лиц, кто их может изобличить или задержать.

Необходимо учитывать и то, что применение смертной казни за убийство, наряду с чувством справедливого удовлетворения по поводу строгого наказания виновного, укрепляет в общественном сознании элементы жестокости. Вряд ли можно оставлять без внимания и происходящую в нашем обществе переоценку ценностей, в результате которой все большее значение в системе ценностей приобретает человек. Сложность проблемы смертной казни в том и состоит, что в противовес аргументам одной стороны приводятся доводы другой стороны, которые также обладают определенной степенью убедительности.

Изучение показывает, что в XIX веке начался процесс ограничения применения смертной казни. Она была отменена в Румынии, Португалии, Голландии, Италии, большей части кантонов Швейцарии. Сократилось число преступлений, наказываемых смертной казнью, в Германии, России, Франции и Англии[29]. Другого мнения придерживался В.Д. Спасович, который в 1898 г. утверждал, что "вопрос о смертной казни стоит на точке замерзания"[30]. Однако этот процесс, хотя и медленно, продолжался и в текущем столетии. По данным ООН смертная казнь отменена полностью в 24 странах, в 12 — может применяться только в

военное время или при чрезвычайном положении. Законодательство в 126 странах предусматривало в 1990 году возможность применения смертной казни.

И все же, по нашему убеждению, отмена смертной казни и у нас была бы оптимальным решением. Однако в данный момент в условиях всеобщего кризиса, роста преступности, в том числе и убийств, отменять смертную казнь за это преступление, совершенное при отягчающих обстоятельствах, было бы преждевременно. Но и в этих условиях Верховный Совет и Президент РФ в 1993 г. пошли по пути ограничения применения смертной казни. Она теперь не применяется не только к несовершеннолетним, но и к женщинам, а также к мужчинам старше 65 лет[31].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследуя доктрину уголовного права и анализируя судебную практику, мы стремились показать, как следовало бы применять уголовно-правовые нормы при квалификации убийств, а также при назначении наказания за эти преступления. Мы ставили также своей целью всесторонне проанализировать ошибки, допускаемые при применении уголовно-правовых норм по делам этой категории. Как показал анализ, в силу названных в работе причин избежать ошибок в применении уголовного закона, особенно по делам об убийствах, очень трудно. Ошибки, в том числе и роковые, встречаются в следственной и судебной практике не только в настоящее время, они были в дореволюционной России, есть и в других странах[1]. Дело, разумеется, не в фатальности — любое отдельно взятое дело об убийстве, как и о другом преступлении, имеет шансы на законное и обоснованное разрешение. Задача, очевидно, состоит в поиске путей к правильному применению уголовного закона на практике. Одним из таких путей нам представляется использование накопленного интегрированного человеческого опыта на базе применения ЭВМ.

Господствовавшая в последние десятилетия идеологическая система возводила трудно преодолимые преграды на пути развития науки и общественной практики. Например, объявив кибернетику "метафизической лженаукой" и "реакционным направлением буржуазной философии"[2], эта система обрекла Россию на хроническое отставание в разработке новых технологий, в том числе и тех, которые могли бы оказать положительное влияние на развитие юриспруденции.

Изучение показывает, что в ряде стран, например в США и Японии, в последние годы на базе ЭВМ создаются экспертные

системы в социальной сфере. Сердцевину таких экспертных систем составляют теоретические знания и высококачественный опыт. Если так можно сказать, для решения стандартных ситуаций в различных отраслях знаний используется в концентрированном виде человеческий интеллект. Выдаваемые машиной рекомендации носят консультативный характер, принятие решения остается за человеком. Есть такие системы, разработанные для практической юриспруденции[3].

Экспертные системы на базе ЭВМ вполне реальны для применения их в системе уголовной юстиции, в частности при разработке и реализации уголовно-правовых норм.

Применительно к нашему исследованию мы видим здесь три направления, а точнее три системы: 1) оптимизация и автоматизированный поиск уголовно-правовых санкций на базе ЭВМ; 2) получение от ЭВМ рекомендаций о возможной квалификации преступлений; 3) получение от ЭВМ рекомендаций о возможной мере наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления.

На первом этапе работы наиболее подходящими для создания этих систем, по нашему мнению, являются преступления против жизни и здоровья, в числе которых "устоявшиеся" составы преступлений с более четко обозначенными, чем в некоторых других преступлениях, признаками.

В 1988—1992 гг. в Институте государства и права РАН нами проводились исследования по созданию первой из названных систем — оптимизации и автоматизированного поиска уголовно-правовых санкций на базе ЭВМ.

По уголовно-правовым санкциям, в том числе и по санкциям для преступлений против жизни и здоровья, есть интересные публикации, но все они, к сожалению, не содержат конкретных, достаточно обоснованных и убедительных предложений, которые можно было бы использовать для достижения адекватности диспозиций и санкций при подготовке проекта УК[4].

Экспериментальная разработка проводилась на базе преступлений против жизни и здоровья. В результате нами теоретически обоснована и предложена система для определения санкций в проекте УК с использованием ЭВМ, которая была представлена в Министерство юстиции РФ и одновременно в подробном изложении опубликована[5].

В основу этой системы было положено несколько основных подходов: 1) поиск степени общественной опасности конкретных преступлений по их отдельным признакам, относящимся к субъекту преступления, форме вины, способу деяния, смягчающим и отягчающим обстоятельствам, последствиям, иным обстоятельствам, которые существенны для данного преступления; 2) оценка при-

знаков преступления в баллах (по 10-балльной шкале): чем больше сумма баллов, тем выше общественная опасность данного преступления; 3) формулирование различных по строгости комплексных альтернативных санкций на основе системы наказаний, предусмотренных в Общей части проекта УК; 4) разработка двух параллельных таблиц показателей, которые располагаются соответственно по степени возрастания общественной опасности преступлений и строгости наказаний, предусмотренных в комплексных альтернативных санкциях; 5) группировка этих таблиц в соответствии с классификацией, предложенной в Общей части проекта УК, которая тесно увязывает преступления и наказания.

Оценку общественной опасности преступлений и сопряжение ее с санкциями по каждой категории преступлений проводили самостоятельно три независимых эксперта (профессора-юристы и юристы-практики). Всего в обсчете общественной опасности всех преступлений по проекту УК принимали участие 9 экспертов. В результате их работы было получено около 6 тыс. показателей, которые затем при помощи ЭВМ были сведены к усредненным показателям. Основное же назначение ЭВМ состояло в сопряжении показателей диспозиций (об общественной опасности преступлений) и санкций по специальным методикам с использованием оболочки "Лотос".

Данная экспертная система по решению Министерства юстиции была применена для поиска санкций при подготовке проекта Уголовного кодекса России. С учетом данных, полученных от ЭВМ, санкции по каждой статье Особенной части проекта УК определялись рабочей группой в полном составе. В результате применения экспертной системы, как представляется, удалось: а) предложить максимально возможный объективный подход для выбора и корректировки санкций; б) систематизировать санкции в отдельных главах Особенной части УК и в кодексе в целом; в) дифференцировать санкции в зависимости от тяжести преступления; г) согласовать санкции "внутри" отдельных категорий преступлений; д) использовать категоризацию преступлений (проступки, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие преступления) в качестве общего знаменателя для унификации санкций статей Особенной части проекта Уголовного кодекса.

В дальнейшем данная система после принятия УК может быть применена для экспертной оценки этого кодекса с учетом изменений уголовной политики и накопления судебной практики.

Изложенный выше подход, по нашему мнению, вполне может быть применен при разработке экспертных систем на базе ЭВМ с целью получения для следователей и судов консультативных заключений о к в а л и ф и к а ц и и п р е с т у п л е н и й и для судов при н а з н а ч е н и и н а к а з а н и я по всем преступлениям, в том числе и по убийствам. Для этого было бы

необходимо: внести уточнения в имеющиеся методики с учетом специфики к а ж д о й из названных задач; по специальным программам провести изучение следственной и судебной практики; разработать две системы соответствующих показателей; оценить и ранжировать их в каждой системе; по каждой категории преступлений провести отбор этих показателей, имеющих значение для квалификации и назначения наказания; сформировать смешанные группы экспертов-юристов (ученых и практиков) с привлечением математиков. Выполнить ряд других работ, связанных с решением выдвинутых задач*.

Для разработки предлагаемых экспертных систем было бы также целесообразно в качестве экспериментальной основы взять дела о преступлениях против жизни и здоровья. По нашему убеждению, эти системы —один из путей п о в ы ш е н и я к а ч е с т в а применения уголовного законодательства (квалификации и назначения наказания), в том числе и по делам об убийствах, тем более, что по санкциям при разработке проекта УК уже имеется обнадеживающий результат[6].

---

* В 1991—1992 гг. Академия наук РАН и Министерство юстиции РФ финансировать эти работы не имели возможности.

Литература

Предисловие

1 См.: Известия. 1963. 17 сентября.

2 См.: Российская газета. 1991. 12 июля; Независимая газета. 1993. 22 июня.

3 См.: Известия. 1993. 17 февраля, 7 апреля, 17 июня.

4 См.: Руководство по расследованию убийств. М., 1977.

5 См., например: Побегайло Э.Ф. Типичные ошибки в квалификации тяжких преступлений против личности и пути их устранения/Актуальные проблемы применения уголовного законодательства. Труды Академии МВД СССР. М., 1987, С. 131—139; Применение судами законодательства при рассмотрении дел об умышленных убийствах (обзор судебной практики)/Бюллетень Верховного суда СССР. 1990. № 2. С. 25—31.

6 См.: Шубин В. Рецензия на книгу "Квалификация преступлений против жизни"/Социалистическая законность, 1977. № 6. С.92—93; Андреева Л.А., Волженкин Б.В. Рецензия на ту же книгу/Правоведение. 1978. № 2. С. 121—129.

7. См.: Судебная практика Верховного суда СССР. 1960. № 4. С. 44—53; Бюллетень Верховного суда СССР. 1963. № 4. С. 20—23; 1975. № 4. С. 7—12; 1989. № 6. С. 14—16.

Глава I

1 См.: Райский М.И. Судебная медицина. М., 1953. С.33—37; Авдеев М.И. Курс судебной медицины. М., 1959. С. 522—523; Громов А.П. Курс лекций по судебной медицине. М., 1970. С.145; Раймони М., Жизнь после смерти. М., 1990. С. 91.

2 См.: Авдеев М.И. Правовые аспекты пересадки тканей. Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 77.

3 Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 24.

4 См.: Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т.3. Л., 1973. С. 476.

5 См.: Уголовный кодекс Российской Федерации (проект)/Юридический вестник. 1992. № 20. С. 6.

6 См.: Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т.3. Л., 1973. С. 539.

7 Уголовный кодекс Российской Федерации (проект)/Юридический вестник. 1992. № 20. С. 6-8.

8 См.: Бородин С.В, Уголовный закон и усиление охраны жизни, здоровья, свободы и достоинства личности/Советское государство и право. 1987. № 9. С. 87—96.

Глава II

1 См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 7-8; Бурчак Ф.Г. Квалификация преступлений. Киев, 1983. С. 9-25; Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 19-21; Гаухман Л.Д. Квалификация

преступлений. М., 1993. С. 5—7.

2 См.: Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 1993. № 2 С. 3—6.

3 См.: Портнов И. Убийство в состоянии аффекта при отягчающих обстоятельствах/Социалистическая законность. 1974. № 7. С.42.

4 Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С.83.

5 См.: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С.74—76.

6 См.: Исаев М.М. Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного суда СССР. М., 1978. С.62—63; Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950. С.255; Тихонов К.Ф. К вопросу о разграничении форм вины в советском уголовном праве/ Правоведение. 1963. № 3. С.83.

7 Утевский Б.С. Указ.соч. С.252.

8 См.: Загородников Н.И. Несколько возникших вопросов квалификации умышленных убийств/Советская юстиция. 1962. №3. С.5.

9 См.: Волков Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань, 1965. С.43.

Глава III

1 См.: Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР. М., 1967. С.17.

2 Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965. С.127.

3 Аниянц М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М., 1964. С.122.

4 Терентьев Е.И. Бред ревности. М., 1991. С.7.

5 См.: Загородников Н.И. Преступления против жизни... С.141.

6 См.: Терентьев Е.И. Указ.соч. С.14—21, 65—77, 256.

7 Советское уголовное право. Часть Особенная. Л., 1959. С.146; Соотак Я. Убийство супруга из ревности/Ученые записки Тартусского университета. 1978. № 47. Правоведение. С.47.

8 Словарь современного русского литературного языка. Т. VI. М.-Л., 1957. С.894.

9 См.: Кудрявцев С.В. Конфликт и насильственное преступление. М., 1991. С.58—83.

10 См.: Харазишвили Б.В. Вопросы поведения преступника в советском праве. Тбилиси, 1963. С.82.

11 См.: Научный комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. Свердловск, 1964. С.254.

12 См. Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Спб., 1870. Т.I. С. 133.

13 См. Уголовный кодекс Российской Федерации (проект)/ Юридический вестник. 1992. № 20. С. 6.

14 См.: Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс советского уголовного права, Часть Особенная. Т.I, М., 1955. С. 547; Советское уголовное право, Часть Особенная. 1959. С. 150; Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. С. 165.

15 См.: Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. С. 88; Аниянц М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М., 1964. С. 129-130; Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. С. 159—163.

16 См.: Уголовный кодекс Индии. М., 1958. С.151.

17 Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. С. 59.

18 См.: Шаргородский М.Д. Ответственность за преступления против личности. Л., 1953. С. 15.

19 Курс советского уголовного права. Т. V. М., 1971. С. 22.

20 См.: Российская газета. 1993. 9 января.

21 См.: Жижиленко А.А. Преступления против личности. М.-Л., 1927. С.12.

22 См., например: Гаухман Л.Д. Уголовно-правовое значение "согласия потерпевшего" на причинение смерти или телесных повреждений/ Труды Киевской высшей школы МВД СССР. 1976. Вып. X. С.92—101.

23 См.: Бородин С., Глушков В. Убийство из сострадания и проблемы эфтаназии/Общественные науки и современность. 1992. № 4 С. 138—145.

Глава IV

1 В литературе высказано и другое мнение. См. Курс советского уголовного права. Т.3. М., 1970. С.145—146.

2 См.: Кругликов Л.Л., Савинов В.Н. Квалифицирующие обстоятельства: понятие, виды, их влияние на квалификацию преступлений. Ярославль, 1989. С.4—16.

3 См.: Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1969. С.18

4 См.: Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. С.75.

5 См.: Наумов А.В. Мотивы убийства. Волгоград, 1969. С.75.

6 См., например; Якубович М.И., Кириченко В.Ф. Советское уголовное право. М., 1958. С.302; Аниянц М.К. Указ.соч. С.44; Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. С.74—118; Курс советского уголовного права. Т.V. 1970. С.31.

7 См.: Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. С.116—121.

8 См., например: Саркисов Г.С., Красиков Ю.А. Ответственность за преступления против жизни, здоровья и достоинства личности. Ереван, 1990. С.17.

9 См.: Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Спб., 1871. Т.2. С.7.

10 Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. С.56.

11 См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1969. № 3. С.39.

12 Подробнее о корыстном мотиве см.: Козаченко И.Я., Бурлева О.С. Корыстный мотив в структуре уголовной ответственности. Свердловск, 1988. С.17—50.

13 См.: Наумов А.В. Мотивы убийств, С.48.

14 См.: Курс советского уголовного права.Т.IV. М., 1970. С.365—366.

15 См., например: Шаргородский М.Д. Ответственность за преступления против личности. Л., 1953. С.18—20.

16 Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1963. № 3. С.5.

17 Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. С.100.

18 См.: Волков Б.С. Мотив квалификации преступлений. С.61—62.

19 См.: Волков Б.С. Мотив квалификации преступлений. С..146; Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т.3. Л., 1973, С.509.

20 См. Семенова Н.К. Квалификация убийств из хулиганских побуждений. Вопросы совершенствования уголовно-правовых норм на современном этапе/Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск.1986. С.108.

21 Даньшин И.Н. О мотивах хулиганства/Правоведение. 1965. № 2. С.174

22 См.: Наумов А. Отграничение убийства из хулиганских побуждений от смежных составов преступлений/ Советская юстиция. 1970. № 4. С.16.

23 См.: Кузнецова Н.Ф. Вопросы квалификации умышленных убийств/Вестник Московского университета. Серия Право. 1961. № 2. С.40; Жадбаев С.Х. Знание мотива преступления для определения ответственности за некоторые виды умышленного убийства по УК Казахской ССР.Т.7. Алма-Ата, 1963. С.109.

24 См.: Шишов О. Ответственность за хулиганство/Советская юстиция. 1962. С.83—84.

25 См.: Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР. 1924-1977. ч.2. М., 1978. С.268.

26 См.: Жадбаев С.Х. Указ.соч. С.112.

27 См.: Бюллетень Верховного суда СССР. 1963. № 2. С.26-27.

28 См.: Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1964. № 10. С.12-13.

29 См.: Наумов А.В. Мотивы убийств. С.74.

30 См.: Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. С.114.

31 См., например: Сарыев Б. Ответственность за преступления против жизни. Ашхабад. 1973. С. 26 и 79.

32 Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1968. № 6. С. 14.

33 Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1961. № 5 С. 7; см. также Сташис В.В., Бажанов М.И. Преступления против личности в УК УССР и судебной практике. Харьков, 1987. С. 44.

34 Блум М.И. Понятие и признаки совокупности преступлений/ Вопросы уголовного права и процесса. Рига, 1969. С. 26—27, 41.

35 Курс советского уголовного права. Т.Ш. М., 1970. С.158.

36 Курс советского уголовного права. T.V. М., 1971. С.58.

37 Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. С. 50.

38 См.: Есипов В.В. Преступление и наказание в древнем праве. Варшава, 1903, С. 53.

39 См.: Постановление ЦИК и СНК РСФСР от 5 ноября 1928 г. "О примирительном производстве по борьбе с обычаем кровной мести". СУ РСФСР 1928. № 141. Ст. 927.

40 Манай Алибек. Адаты кумыков. Махачкала, 1927. С. 6.

41 См.: Сарыев Б. Указ. соч. С. 74—75

42 Мамутов А. Преступления, составляющие пережитки патриархально-родового быта. Алма-Ата, 1963. С. 219.

43 Аниянц М.К. Указ. соч. С. 59.

44 См.: Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР по уголовным делам. 1959—1971 гг. М., 1972. С. 210.

45 Подробнее об особой жестокости см.: Ратинов А.Р., Михайлова О.Ю. Жестокость как правовая и нравственная проблема/Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 42. М., 1985. С. 8-17; Бородин С.В. Значение субъективной стороны убийства с особой жестокостью для его квалификации/Социалистическая законность. 1986. № 8. С. 47—49.

46 См.: Аниянц М.К. Указ. соч. С. 63.

47 См.: Загородников Н.И. Преступления против жизни и здоровья по советскому уголовному праву. С. 177; Аниянц М.К. Указ. соч. С. 63.

48 См. Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3. Л., 1973. С. 518.

49 См.: Бюллетень Верховного суда СССР. 1965. № 5. С. 13-14.

50 Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1965. № 11. С. 40.

51 Курс советского уголовного права. Т.II. М., 1970. С. 339.

52 См.: Кириченко В.Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М., 1952. С. 58.

53 Сарыев Б. Указ. соч. С. 24—25.

54 Бюллетень Верховного суда СССР. 1963. № 5. С. 15.

Глава V

1 Практикум по психологии. М., 1972. С. 208.

2 Иванов П.И. Психология. М., 1959. С. 276.

3 См.: Судебная психиатрия. М., 1986. С. 301.

4 См.: Юридическая психология/ Тезисы докладов к VII съезду Общества психологов СССР (выступление А.Б.Мельниченко). М., 1989. С. 48.

5 Ткаченко В.И. Квалификация убийств и телесных повреждений в состоянии сильного душевного волнения/Вопросы криминалистики. 1964. № 12. С. 49.

6 См.: Харазишвили Б.В. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. Тбилиси, 1963. С. 59.

7 См.: Наумов А.В. Мотивы убийств, С. 100—101.

8 Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1968. № 2. С. 5.

9 Побегайло Э.Ф. Борьба с тяжкими насильственными преступлениями и роль органов внутренних дел в ее осуществлении. Автореферат докт. дисс. М., 1988. С. 32.

10 Дубинина М.И. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии сильного душевного волнения. Автореф. канд. дисс. М., 1971. С. 5.

11 Калашник Я.М. Судебная психиатрия. М., 1961. С. 165.

12 Иванов П.И. Указ. соч. С. 276.

13 См., например: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. Л., 1962. С. 246; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1971. С. 265.

14 См.: Сташис В.В., Бажанов М.И. Указ. соч. С. 55.

15 См.: Мельниченко А.Б. Влияние субъективных свойств личности на совершение преступления в состоянии сильного душевного волнения/ Проблемы совершенствования мер борьбы с преступностью. Ташкент, 1986. С. 22.

16 См.: Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М., 1987. С. 9—13.

17 См.: Фрейеров О.Е. О пределах компетенции эксперта-психиатра в уголовном процессе/Советское государство и право. 1964. № 8. С. 114; Эксметчи А. О судебно-психологической экспертизе/Советская юстиция. 1971. № 5. С. 12.

18 См.: Ткаченко В. Для установления сильного душевного волнения необходимо проведение экспертизы/Советская юстиция. 1971. № 5. С. 12.

19 Практикум по психологии. С. 208-209.

20 Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1973. № 8. С. 6.

Глава VI

1 Проект Закона РФ "О внесении изменений в УК РФ". Находился на отзыве в Институте государства и права РАН в феврале-марте 1993 г.

2 См.: Грун А.Я. Назревшие вопросы необходимой обороны/ Социалистическая законность. 1958. № 1. С. 22.

3 Дзентис Я. Судебная практика по делам о необходимой обороне/ Советская юстиция. 1970. № 2. С. 5.

4 См., например: Шаргородский М.Д. Преступления против жизни. М., 1948. С. 233; Якубович М.И. Вопросы теории и практики необходимой обороны. М., 1961. С. 128—136; Тишкевич И.С. Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969. С. 86—92 и др.

5 См., например: Кириченко В.Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. М., 1948. С. 86—87; Кригер Г.А. К вопросу о разграничении убийства в состоянии аффекта и убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны/ Вестник Московского университета. 1961. № 1. С. 38 и др.

6 См.: Тишкевич И.С. Условия и пределы необходимой обороны. С. 86.

7 Курс советского уголовного права. Т. II. М., 1970. С. 374.

8 Кириченко В.Ф. Основные вопросы о необходимой обороне. С. 76.

9 Якубович М.И. Вопросы теории и практики необходимой обороны. С. 142—147.

10 См.: Ткаченко В.И. Необходимая оборона в уголовном праве. М., 1979. С. 85—92.

11 Кригер Г.А. К вопросу о разграничении убийства в состоянии аффекта и убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны. С. 35.

12 Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1962. С. 135.

13 См.: Козак В.Н. Право граждан на необходимую оборону. Саратов, 1972. С. 158—159

14 См., например: Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1970. № 2. С. 9—10.

15 См.: Козак В.Н. Указ. соч. С. 99.

16 Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1987. С. 123,126.

17 См.: Бюллетень Верховного суда СССР. 1969. № 1. С. 22—24.

18 Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая. Вып. 2. Спб. 1888. С. 566.

19 Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. 1987. С. 123-124.

20 См.: Ткаченко В.И. Необходимая оборона по уголовному праву. М., 1979. С. 24; подробнее он же: Отграничение необходимой обороны и крайней необходимости/Советская юстиция. 1979. С. 14—15.

21 Бюллетень Верховного суда СССР. 1978. № 2. С. 22.

22 См.: Тишкевич И.С. Указ. соч. 43.

23 См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. "Об усилении уголовной ответственности за хулиганство"/Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 32. Ст. 699.

24 См.: Ткаченко В.И. Ответственность за вред, причиненный при задержании/Социалистическая законность. 1970. № 8. С. 39.

25 См.: Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. С. 239.

26 См.: Якубович М.И. Указ. соч. С. 191.

27 См.: Баулин Ю.В. Право граждан на задержание преступника. Харьков, 1986. С. 128—129.

28 См.: Якубович М.И. Указ. соч. С. 193; Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость. М., 1962. С. 78.

29 См.: Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990. С. 61-67; Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991. С. 192—200.

Глава VII

1 См.: Бюллетень Верховного суда СССР. 1966. № 5. С. 25.

2 См.: Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. С. 199.

3 См.: Бюллетень Верховного суда СССР. 1960. № 4 С. 45.

4 См.: Загородников Н.И. Преступления против жизни. С. 217.

5 См.: Курс советского уголовного права. Т. II. М. С. 312—313.

6 См.: Загородников Н.И. Указ. соч. С. 217.

7 О психологических аспектах критериев небрежности см.: Гончаренко С.В. Преступная небрежность. Уголовно-правовые и криминологические аспекты. Автореферат канд. дисс. Киев, 1990. С. 10—15.

Глава VIII

1 Загородников Н.И. Преступления против здоровья. М., 1969. С. 59.

2 Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1973. С. 222.

3 Малков В.П. Конкуренция уголовно-правовых норм и ее преодоление/ Советское государство и право. 1975. № 3. С. 62.

4 См.: Юридический вестник. 1992. № 20. С. 6.

5 См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1984. С. 258.

6 См.: Загородников Н.И. Указ. соч. С. 88-89.

7 См.: Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1968. № 1. С. 6-7.

8 См.: Андреева Л.А., Волженкин Б.В. Рецензия на книгу "Квалификация преступлений против жизни"/Правоведение. 1978. № 2. С. 122.

9 См.: Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1970. № 1. С. 8.

10 См.: Юридический вестник. 1992. № 20. С. 6.

11 См.: Научный комментарий к УК РСФСР. Свердловск, 1964. С. 404; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1984. С. 425.

12 См.: Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР. 1924—1977. Ч. 2. 1978. С. 253.

13 См.: Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. С. 77.

14 См., например: Загородников Н.И. Преступления против жизни. С. 233; Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни. М., 1977. С. 45—47.

Глава IX

1 См., например: Карпец И.И. Индивидуализация наказания. М., 1961; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1971; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. Изд. 2-ое. М., 1984.

2 См.: Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1987. С. 211.

3 См.: Блувштейн Ю.Д., Чубаров В.Л. Справедливость уголовного наказания. Актуальные проблемы применения уголовного наказания органами внутренних дел. Труды Академии МВД СССР. М., 1987. С. 91; Кругликов Л.Л. Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания. Ярославль, 1986. С. 12.

4 См.: Герцензон А.А. Рецензия на книгу Загородникова Н.И., упоминаемую в работе/Советское государство и право. 1962. № 3. С. 149.

5 Карпец И.И. Указ. соч. С. 23—67.

6 См.: Трайнин А.Н. Учение о соучастии. М., 1991. С. 149.

7 См.: Есипов В.В. Преступление и наказание в древнем праве. Варшава, 1903. С. 54—55.

8 См.: Иванишев Н. О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германской вирою. Киев, 1840. С. 84; Архив исторических и практических сведений, относящихся к периоду до России, издаваемый Н. Калачовым. Кн. 5. 1859. С. 142—144.

9 См.: Судебники Иоана III и Иоана IV 1497 и 1550 гг. Харьков. 1915. С. 1-26, 60 и др.; Иванишев Н. Указ. соч. С. 99—109.

10 См.: Судебник царя Феодора Ивановича. 1589 г. М., 1900. С. 32.

11 См. Соборное уложение 1649 года. Текст и комментарии. Л., 1987. С. 129—131, 382—393 и др.

12 См.: Свод законов Российской Империи. Т. 15 (Законы уголовные). Ст.ст. 154-165; Т. 11 (Законы гражданские), ст.ст. 657-658. Спб. 1832; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Спб. 1845. Ст.ст. 1920-1930; Уголовное уложение. Киев, 1903. Ст.ст. 453-466.

13 См.: Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения. М., 1980. С. 34.

14 См., например: Кистяковский А.Ф. О смертной казни. Киев, 1896. С. 71 и сл.; Есипов В.В. Указ. соч. С. 43 и сл.; Пионтковский А.А. Смертная казнь в Европе. Казань, 1908. С. 68.

15 Есипов В.В. Указ. соч. С. 44; Законодательство древней Руси. Т. I. М., 1984. С. 82-83.

16 См.: Смертная казнь: за и против. Под ред. Келиной С.Г. М., 1989. О.Ф.Шилов ссылается на лекции Беляева И.Д. по истории русского законодательства. М., 1879. С. 281.

17 См.: Иванишев Н. Указ. соч. С. 109.

18 См.: Устав воинский, 1716 г. Ст. 154—164. Законодательные акты Петра I (перв. четв. XVIII в.). М., 1961. С. 430—437; Пионтковский А.А. Смертная казнь в Европе, С. 70.

19 См.: Свод законов Российской Империи. Т. 15. Ст.ст. 336-348.

20 См.: Пионтковский А.А. Смертная казнь в Европе. С. 90-91.

21 См.: СУ РСФСР 1917. № 1. Ст. 10. СУ 1920. № 4-5. Ст. 22.

22 См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 17.

23 См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 11, Ст. 221.

24 Эти сведения автору известны как эксперту (в личном качестве) и члену Комитета ООН по предупреждению преступности в 1977-1983 гг.

25 См.: Наумов А. Судебный прецедент — источник права?/Адвокат. 1993. № 3-4. С. 4.

26 См.: Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая. Вып. IV. Спб. 1892. С. 1244—1247.

27 См., например: Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Киев, 1896; Против смертной казни. М., 1906; Пионтковский А.А. Смертная казнь в Европе. Казань, 1908; Гернет М.Н. Смертная казнь. М., 1913; Анашкин Г.З. Смертная казнь в капиталистических государствах. М., 1971; Смертная казнь: за и против (Под редакцией С.Г. Келиной. М., 1989.

28 См.: Бузескул В.П. Прения о смертной казни 2300 с лишним лет тому назад. Исторические этюды. Спб. 1911, С. 71-72.

29 См.: Против смертной казни. М. 1906, С. 4-5.

30 Спасович В.Д. Новые направления в науке уголовного права. М., 1898. с. 118.

31 См.: Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 22. Ст. 789.

Заключение

1 См., например, Гернет М.Н. Смертная казнь. М., 1913, с. 148-149; Анашкин Г.З. Смертная казнь в капиталистических государствах. М., 1971. С. 71; Известия. 1990. 17 марта.

2 Краткий философский словарь. М., 1951; Краткий философский словарь. М., 1954.

3 См., например: Уотермен Д. Руководство по экспертным системам. М., 1989. С. 301—304.

4 См., например: Козаченко И.Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья. Томск, 1987; Козлов А.П. Уголовно-правовые санкции. Красноярск, 1989.

5 Бородин С.В. Пути оптимизации выбора санкций при разработке проектов уголовных кодексов союзных республик (юридические аспекты)/Советское государство и право. 1991. № 8. С. 73-89.

6 См.: Проект Уголовного кодекса России/Юридический вестник. 1992, № 20; Преступление и наказание (комментарий к проекту уголовного кодекса России). Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и А.В. Наумова. М., 1993.

Оглавление

Издательство «Юрист»
В 1993–1994 гг. ВЫПУСТИЛО:

- **Уголовное право России**: Особенная часть / Под ред. проф. Б.В.Здравомыслова.–М.: Юрист, 1993, 560 с.

  В издании излагаются вопросы, предусмотренные программой курса по уголовному праву. Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, работников суда, прокуратуры, органов юстиции и нотариата.

- Исаев И.А. **История государства и права России**: Учебн. пособие. М.: Юрист, 1993, 272 с.

  Пособие вводит в круг историко–правовых фактов, знакомит с юридической терминологией и традицией, дает анализ основных правовых институтов, структур власти и политической деятельности. Для студентов, юристов и всех, интересующихся историей государства и права России.

- Панов В.П. **Сотрудничество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями**: Учебн. пособие. – М.: Юрист. 1993, 160 с.

  Пособие раскрывает основные формы сотрудничества государств в борьбе с международной преступностью, работу Интерпола и аспекты выдачи преступников. Для студентов и работников правоохранительных органов.

- Толкунова В.Н. **Трудовые споры и порядок их разрешения**: Учебн. пособие. – М.: Юрист. 1993, 104 с.

  Пособие состоит из трех частей: общие положения, индивидуальные трудовые споры и коллективные трудовые споры.

  Для студентов юридических вузов. Может быть полезно всем категориям работающих граждан.

- **Теория государства и права.** Выпуск 1: Учебн. пособие / Под ред. проф. А.Б.Венгерова – М.: Юрист. 1993, 125 с.

  В пособии описываются реальные государственно–правовые процессы и явления; формы эволюции Советского государства, в т.ч. процессы распада и формирования правового государства; перспективы демократизации российского государства и права.

  Для студентов юридических вузов.

♦ **Правовая информатика**: Учебн. пособие / Под ред. проф. М.М.Рассолова – М.: Юрист. 1993, 288 с.

В пособии рассматриваются вопросы эффективного использования современных методов и технических средств обработки информации в сфере юридической деятельности. Подробно рассмотрены наиболее распространенные средства компьютерной техники и приемы работы на них.

Для студентов юридических вузов и факультетов.

♦ **Упражнения по логике**: Учебн. пособие / Под редакцией проф. В.И.Кириллова. 2–е издание, перераб. и доп. – М.:Юрист, 1993. – 136 с.

В пособие включены логические упражнения, способствующие более активному усвоению курса, повышению культуры мышления. Для студентов юридических вузов.

♦ **Международное частное право**: Учебн. пособие / Под ред. проф. Г.К. Дмитриевой.– М.: Юрист, 1993. – 168 с.

Рассматриваются основные аспекты международного частного права – право собственности, обязательное, авторское, избирательное, трудовое право, деятельность международного коммерческого арбитража.

Для студентов, слушателей, юристов и предпринимателей.

♦ Ерофеев Б.В. **Земельное право России**: Учебник в 2 частях. *Общая часть*.– М.:Юрист, 1994. – 256 с.

В учебник включены основополагающие институты земельного права, нормы которых распространяются на правовой режим всех категорий земель.

Для студентов юридических вузов и всех, интересующихся вопросами собственности, землепользования, землевладения и аренды.

♦ Ерофеев Б.В. **Земельное право России**: Учебник в 2 частях. *Особенная часть*. – М.: Юрист, 1994. – 208 с.

Анализируются положения Основ земельного законодательства, принятые в третьем чтении Верховным Советом РФ. Освещаются виды ответственности за земельные правонарушения. Рассматриваются правовые нормы профилактики земельных правонарушений. Приведены нормативные акты.

Для студентов юридических вузов.

- Иванов А. **Консультации по основам государства и права**: Учебн. пособие – М.: Юрист, 1994. – 88 с.

Даются консультации по наиболее общим вопросам государства и права, разъясняются основные понятия и термины этой дисциплины.

Для учащихся средних школ, студентов неюридических вузов и средних специальных учебных заведений.

- Базанова А.Е., Воронова В.В. **Русская литература начала XX века. Советская литература**: Учебн. пособие для поступающих в ВУЗы. – М.: Юрист, 1993. – 40 с.

Дано 14 тем по русской литературе XX века и советской литературе, а также методические указания для работы над ними.

Для поступающих в ВУЗы.

- Кашкин С.Ю. **Политический режим в современном мире**: понятие, сущность, тенденция развития: Учебн. пособие – М.: Юрист, 1993 – 56с.

В пособии на основе анализа обширного конституционного материала и современной практики различных стран мира с позиций нового политического мышления анализируются понятия, сущность и основные черты политических режимов.

Для студентов юридических вузов и широкой научной общественности.

- Орлова Н.В. **Политические партии России**: страницы истории: Учебное пособие. – М.: Юрист, 1993.

Рассматриваются вопросы формирования и основные направления деятельности политических партий России (РСДРП, партии социал–революционеров, конституционно–демократической партии, «Союза 17–го октября», Союза русского народа и некоторых других). Привлечены документальные источники.

Для студентов вузов, изучающих историю, аспирантов и всех, интересующихся этой темой.

- **Отечественная литература**: Учебн. пособие / Под ред. А.Е. Базановой – М.: Юрист,1994.

В пособии приведены практические советы по написанию сочинений, даны образцы вступительных работ. Отобраны темы, которые вызывают наибольшее затруднение у поступающих, разработаны художественные особенности изучаемых в средней школе произведений.

Для поступающих в гуманитарные вузы.

♦ Кандыбин Ю.А. **История России**: Учебн. пособие для поступающих в ВУЗы. – М.: Юрист, 1993. – 128 с.

Рассматриваются ключевые вопросы политического, социально-экономического и культурного развития нашей страны за многие столетия: возникновение Древнерусского государства, расцвет Киевской Руси, образование самостоятельных феодальных княжеств в условиях политической раздробленности, объединение этих княжеств в единое централизованное государство, создание советского государства, распад социалистической государственности и появление новых суверенных государств на территории бывшего советского Союза.

Для поступающих в ВУЗы.

Информация и справки по телефонам (095) 267–71–61,
267–34–05;
факс (095) 261–82–97.

Наш адрес: 107005, г.Москва, ул.Ф.Энгельса, д.3/5, стр.6.

Банковские реквизиты:

для расчетов по Москве и Московской области: Расчетный счет 047467472 АБ «Инкомбанк» МФО 998736 уч.5С;

для иногородних расчетов: РКЦ ГУ ЦБ РФ АБ «Инкомбанк» Расчетный счет 047467472, кор.счет 502161000 МФО 201791

♦ **Пенсионное законодательство России**: Сборник нормативных актов. – 24 п.л.

Включены акты по пенсионному обеспечению, действующие на территории России по состоянию на 01.04.94.

Для работников органов социального обеспечения, юристов-практиков, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов.

♦

♦ **Холдинги**: Нормативные акты. Комментарии. Схемы. – 15 п.л.

Впервые в России даются комментированные акты по достаточно новому институту – холдингам, показывается процесс их создания и функционирования; даются оптимальные схемы для этого.

Для юристов–практиков, руководителей и предпринимателей.

♦ Еникеев М.И. **Основы судебной психологии**: Учебн. пособие. – 19 п.л.

Написанная ведущим специалистом в области судебной психологии в соответствии с учебной программой юридических вузов, книга является в то же время высококвалифицированным научно–практическим трудом, в котором рассматриваются общепсихологические и социально–психологические основы эффективности правового регулирования.

Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, юристов практиков, психологов.

♦ **Основы государства и права**: Учебное пособие для поступающих в вузы / Под ред. акад. О.Е. Кутафина.

Пособие подготовлено с учетом последних изменений в российском законодательстве и дает возможность получить начальные знания о государственном и общественном строе, правовой системе России.

Для поступающих в вузы и изучающих основы государства и права в неюридических учебных заведениях.

Издательство «ЮРИСТ»
ПЛАНИРУЕТ ВЫПУСТИТЬ в 1994 году

Учебники и пособия:

- Бекяшев К.А. **Международно–правовая охрана окружающей среды** – 5 л.
- Венгеров А.Б. **Теория государства и права.** Вып.2 – 6 л.
- **История политических учений.** Вып.1. Древний мир. Средние века. Возрождение – 10 л.
- Кипнис Н.М. **Допустимость доказательств в уголовном процессе**– 3 л.
- Кириллов В.И., Бучило Н.Ф., Попов С.И. и др. **Философия.** Курс лекций – 12 л.
- Кофанов Л.Л. **Обязательственное право в архаической Риме**–12 л.
- **Криминология.** Учебник для юридических вузов / Под ред.академика В.Н. Кудрявцева – 25 л.
- Орлов Ю.К. **Экспертиза в уголовном процессе** – 3 л.
- Топорков А.А. **Нетрадиционные криминалистические объекты**–4 л.

Информация и справки по телефонам (095) 267–71–61,
267–34–05;
факс (095) 261–82–97.

Наш адрес: 107005, г.Москва, ул.Ф.Энгельса, д.3/5, стр.6.

Банковские реквизиты:

для расчетов по Москве и Московской области: Расчетный счет 047467472 АБ «Инкомбанк» МФО 998736 уч.5С;

для иногородних расчетов: РКЦ ГУ ЦБ РФ АБ «Инкомбанк» Расчетный счет 047467472, кор.счет 502161000 МФО 201791

БОРОДИН Станислав Владимирович

Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву

Лицензия ЛР № 020673 выдана 28.10.92

Подписано в печать 05.04.94		Формат 84х108/32
Бумага офсетная	Гарнитура Антиква	Печать офсетная
Печ. л. 7,0	Заказ № 901	Тираж 20000

Издательство «Юрист»
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 3/5, стр. 6.

Отпечатано в типографии «Новости»
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

